РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ ИМЕНИ С.И. ВАВИЛОВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ СОЮЗ УЧЕНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВО «НЕСТОР-ИСТОРИЯ»

ИСТОРИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2011

Tom 3

№ 3

Главный редактор: Э.И. Колчинский

Редакционная коллегия:

Л. Акерт (Филадельфия, США), О.П. Белозеров (Москва), Л.Я. Боркин (Санкт-Петербург, зам. главного редактора), А.И. Ермолаев (Санкт-Петербург, отв. секретарь), М.Б. Конашев (Санкт-Петербург, зам. главного редактора), А.В. Самокиш (Санкт-Петербург), А.К. Сытин (Санкт-Петербург), А.А. Федотова (Санкт-Петербург), С.И. Фокин (Пиза, Италия)

Международный редакционный совет:

Б.И. Барабанщиков (Казань, Россия), Дж. Браун (Кембридж, Массачусетс, США), Д. Вайнер (Тусон, Аризона, США), Ж. Гайон (Париж, Франция), Я.М. Галл (Санкт-Петербург, Россия), О.Ю. Елина (Москва, Россия), С.Г. Инге-Вечтомов (Санкт-Петербург, Россия), Д. Кейн (Лондон, Великобритания), К. Коэн (Париж, Франция), Ю.А. Лайус (Санкт-Петербург, Россия), Е.Б. Музрукова (Москва, Россия), Ю.В. Наточин (Санкт-Петербург, Россия), О.Я. Пилипчук (Киев, Украина), А.Ю. Розанов (Москва, Россия), В.О. Самойлов (Санкт-Петербург, Россия), У. Хоссфельд (Йена, Германия), А.Г. Юсуфов (Махачкала, Россия)

Выпускающий редактор номера: А.К. Сытин

Адрес редакции: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5

Телефон редакции: (812) 328-47-12. Факс: (812) 328-46-67.

E-mail редакции: shb@ihst.nw.ru; histbiol@mail.ru Сайт журнала: http://www.ihst.nw.ru

Журнал издается под научным руководством Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова Российской академии наук Учредители: Санкт-Петербургский союз ученых и издательство «Нестор-История» Издатель: «Нестор-История»

Журнал основан в 2009 г. Выходит четыре раза в год. Свидетельство о регистрации журнала ПИ № Φ C77-36185 выдано Φ едеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия 7 мая 2009 г.

ISSN 2076-8176

Корректор: Н.В. Стрельникова Оригинал-макет: С.В. Кассина Полписано в печать 02.09.2011.

Формат: 70 x 100 1/16 Усл.-печ. листов: 10,75

Тираж: 300 экз. Заказ № 2290

Отпечатано в типографии «Нестор-история», СПб, ул. Розенштейна, д. 21.

Тел. (812) 622-01-23

- © Редколлегия журнала «Историко-биологические исследования», 2011
- © ОО «Санкт-Петербургский союз ученых», 2011
- © ООО «Издательство "Нестор-История"», 2011

The Russian Academy of Sciences

Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov, St. Petersburg Branch
St. Petersburg Association of Scientists and Scholars

The Publishing House "Nestor-Historia"

STUDIES IN THE HISTORY OF BIOLOGY

2011

Volume 3

No. 3

Editor-in-Chief: Eduard I. Kolchinsky (St. Petersburg, Russia)

Associate Editors:

Lev J. Borkin (St. Petersburg, Russia), Mikhail B. Konashev (St. Petersburg, Russia)

Publishing Secretary:

Andrey I. Ermolajev (St. Petersburg, Russia)

Editorial Office:

Lloyd Ackert (*Philadelphia, Pennsylvania, USA*), Oleg P. Belozerov (*Moscow, Russia*), Anastasia A. Fedotova (*St. Petersburg, Russia*), Sergei I. Fokin (*Pisa, Italia*), Anna V. Samokish (*St. Petersburg, Russia*), Andrey K. Sytin (*St. Petersburg, Russia*)

Editorial Board:

Boris I. Barabanschikov (Kazan, Russia), Janet Brown (Cambridge, Massachusetts, USA),
Joe Cain (London, UK), Claudine Cohen (Paris, France), Olga Yu. Elina (Moscow, Russia),
Yakov M. Gall (St. Petersburg, Russia), Jean Gayon (Paris, France),
Uwe Hoßfeld (Jena, Germany), Sergei G. Inge-Vechtomov (St. Petersburg, Russia),
Julia A. Lajus (St. Petersburg, Russia), Elena B. Muzrukova (Moscow, Russia), Yuri V. Natochin
(St. Petersburg, Russia), Oleg Ya. Pilipchuk (Kiev, Ukraine), Alexey Yu. Rosanov (Moscow, Russia),
Vladimir O. Samoilov (St. Petersburg, Russia), Abdulmalik G. Yusufov (Makhachkala, Russia),
Douglas Weiner (Tucson, Arizona, USA)

Staff Editor: Andrey K. Sytin (St. Petersburg, Russia)

Address of Editorial Office: Universitetskaya naberezhnaya 5, St. Petersburg, 199034 Russia

Phone: (812) 328-47-12; Fax: (812) 328-46-67 **E-mail**: shb@ihst.nw.ru; histbiol@mail.ru

Website: http://www.ihst.nw.ru

The Journal was founded in 2009. Four issues per year are published.

Advisory Institution: St. Petersburg Branch, S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences

Founders: St. Petersburg Association of Scientists and Scholars, & The Publishing House "Nestor-Historia"

Publisher: The Publishing House "Nestor-Historia"

ISSN 2076-8176

^{© 2011} by Editorial Office of the Journal "Studies in the History of Biology"

^{© 2011} by St. Petersburg Association of Scientists and Scholars

^{© 2011} by Publishing House "Nestor-Historia"

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

Исследования / Research

Андреи К. Сытин. Vestigia semper adora (К 200-летию со дня смерти П.С. Палласа) 7 Andrey K. Sytin. Vestigia semper adora (The bicentary of the death of Peter Simon Pallas)
Эдуард И. Колчинский. П.С. Паллас: креационист или додарвиновский эволюционист? (Многолетний спор об эволюционных взглядах Палласа)
Валериан И. Гаранин. Вклад П.С. Палласа и изучение фауны позвоночных животных Волжско-Камского края
Ryan T. Jones. Peter Simon Pallas, Siberia, and the European Republic of Letters 55 Райан Т. Джонс. Пётр Симон Паллас, Сибирь и европейская «Республика Учёных Писем»
<i>Владимир С. Соболев</i> . «Дар с неба спавший» (К истории метеорита «Палласово железо»)
Публикации / Publication
 П.С. Паллас. Мемуар об изменчивости животных (Пер. с фр. и подготовка к печати А.В. Самокиш)
П.С. Паллас. Краткие положения, которые при устройстве лесов преимущественно должны быть приняты во внимание (Пер. с нем. В.Ф. Гнучевой. Подготовка к публикации и комментарии А.К. Сытина)
Документы / Documents
Анна Г. Абайдулова. К истории создания иллюстраций для «Zoographia Rosso-Asiatica» П.С. Палласа: неопубликованные рисунки из фондов СПФ АРАН

Лидия В. Рязанова. Документы о покупке земельного участка на Фонтанке для Ботанического сада Петербургской Академии наук в 1786 году
Алексей В. Смирнов. Пётр Симон Паллас и Зоологический институт Академии наук
Библиографии и справочные материалы / Bibliography and reference sources
Лев Я. Боркин. Добавления к библиографии Петра Симона Палласа
Рецензии / Reviews and notices of books
<i>Лев Я. Боркин</i> . Два русских региональных издания путешествий Петра Симона Палласа: реки Урал (Казахстан, 2006) и Волга (Россия, 2008) 158 Lev J. Borkin. Two books of Peter Simon Pallas in Russian (2006 and 2008): journeys in Ural River (Kazakhstan) and Volga River (Russia) Regions
Хроника научной жизни / Chronicle
Лев Я. Боркин.По маршруту экспедиции XVIII векаакадемика Петра Симона Палласа (западный Казахстан, 2010)164Lev J. Borkin. Following on the route of Academician Peter Simon Pallas' expeditionof the 18th century (western Kazakhstan, 2010)
Читайте в ближайших номерах журнала

ИССЛЕДОВАНИЯ

VESTIGIA SEMPER ADORA (К 200-летию со дня смерти Петра Симона Палласа)

А.К. Сытин

Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН, Россия, Санкт-Петербург; astragalus@mail.ru

Вторая половина XVIII столетия стала золотым веком натуралистов и путешественников, среди них П.С. Паллас был одним из первых. Паллас был приглашен Екатериной II в Петербургскую Академию наук, совершил семилетнее путешествие по Российской империи (1768—1772), собрал огромные коллекции, написал множество трудов, создав особый жанр описания организма в среде обитания. Его идеи определили направления отечественной науки. Двойственность как определяющее свойство заставляла Палласа выбирать компромисс между Линнеем и Бюффоном, и в других отношениях амбивалентность становилась его стратегией. Важнейшим достижением стала методология изучения организма в естественной среде, предшествовавшая экологическому подходу нашего времени.

Ключевые слова: Паллас, XVIII век, методология естествознания.

Cтиль натуралиста — один из главных ключей к его мировоззрению, так же как глаз его, манера видеть — ключ к его методологии.

Осип Мандельштам. [Литературный стиль Дарвина]

«Vestigia semper adora» — «Всегда чти следы прошлого», — сказал о Вергилии его эпигон Стаций. Латинская фраза грека по рождению стала афоризмом. Петр Симон Паллас, о ком мы вспоминаем 200 лет спустя после его смерти, начинал и заканчивал свои труды, цитируя древних поэтов. Темы их обыкновенно содержали сожаления о маловажности результатов им самим достигнутых по сравнению с заслугами предшественников и тщете усилий разума перед неисчерпаемостью познания устроения Природы. В своем путешествии Паллас руководствовался следами первопроходцев

Сибири — Д.Г. Мессершмидта, И.Г. Гмелина, Г.В. Стеллера, ссылаясь на рисунки и тексты, но при этом расставлял новые вехи и углублял колею. По его путеводным знакам впоследствии ориентировались сонмы исследователей, идут они и сейчас, иногда меняя траекторию движения. Труды знаменитого академика принято упоминать, составляя литературные обзоры в монографиях многих разделов наук гуманитарного и естественного цикла. Зачин отчетов «Еще Паллас....» — расхожая шутка геологических камералок. Таким образом, в истории русской науки Паллас — имя нарицательное, сопричастное пантеону классиков, почитаемых и вместе с тем едва ли не забытых. Причины тому не в малодоступности источников, пылящихся в фондах редких книг, и не в трудностях понимания тёмных текстов, написанных на старонемецком, французском с элементами немецкого синтаксиса или латыни, — еще при жизни Палласа большинству его научных трудов сопутствовал перевод, адресованный русским читателям, и не в лености нелюбопытных потомков суть.

Поразительно — при изменении угла и фокуса зрения, нацеленных на этот загадочный силуэт, размытый абрис не становится более резким. Счищая копоть, удаляя слои потемневшего лака и искажающих подновлений, с ветхого холста нам предстает лик отчужденный, суровый, взирающий на потомков слегка вкось и без улыбки на устах. Всматриваясь, мы отмечаем несоответствие сановной вальяжности статского советника и кавалера орденов Святых Владимира и Анны с горечью многознания в погружённом в самого себя взоре анахорета. Противоречие позы благонамеренного чиновника в мундире с философическим скепсисом интеллектуала отмечено и мемуаристами, отзывавшимся о Палласе по-разному, но сходившимися также и в малоприятной черте двоемыслия (и даже двуличия). Коллеги ценили великого натуралиста и «острейшего наблюдателя», сожалея о несостоявшемся теоретике, при этом называя его характер «человеконенавистническим» (Э.Г. Лаксман) (цит. по: Дальман, Ордубади, 2011, с. 201).

Двойственность позиции Палласа как мыслителя сказывается, с одной стороны, в лояльности доктрине креационизма, декларируемой в официальных кругах, с другой — в прорыве мысли «поверх барьеров» и концепций — за пределы классической палеонтологии Ж. Кювье, минуя и натурфилософский туман шелингианства, и надмирный пафос «Космоса» Александра фон Гумбольдта, куда-то вперёд, обгоняя календарное время — к новому синтезу эволюционной биологии, экологии и генетики.

Как известно, не склонный к восторженным эпитетам зоолог-новатор Николай Алексеевич Северцов считал Палласа сверстником своего поколения ученых, а в начале XX в. геохимик и создатель учения о биосфере Владимир Иванович Вернадский увидел близость собственным взглядам в попытке различения им живого и косного вещества как дихотомии форм существования материи.

Неявный оппонент энциклопедистов, старших своих современников-картезианцев, Паллас противопоставил их чрезмерно разумному и механистичному мироустройству иной взгляд на природу. Являя собой типическую фигуру века Просвещения, Паллас, парадоксальным образом, опровергал его догмы и постулаты. Восхищаясь умением Карла Линнея верно очерчивать границы родов, Паллас пародировал его схоластический метод выделения классов по числу тычинок, положив тот же признак в основу различения описываемых им видов рода *Polycnemum* (современное название *Petrosimo- піа* Випде) (Сытин, 2007). Полемизировал он и с другим кумиром своего времени — Жоржем Луи Леклерком Бюффоном, не находя ни в природе, ни в культуре примеров пресловутого трансформизма. Он видел в этом морфологическом континууме подобие Овидиевых метаморфоз. Паллас не только оттачивал слог, соревнуясь с Бюффоном на

ниве изящной словесности, он создал свой жанр описательной зоологии, по-новому решая проблему синтеза многообразия живых организмов. Оппозиция человека и эпохи интригует и создаёт некую завораживающую энигму самостояния учёного. Знаменитый афоризм, утверждающий тождество автора и стиля, прозвучал из уст Бюффона при избрании его в члены Французской академии 25 августа 1763 г. Именно в это время начинал свое научное и литературное поприще Паллас.

«Стили мышления — стили не только в искусстве, но и в науке. Принимая этот термин, я утверждаю, что стили бывают и в физической теории и именно это обстоятельство придает своего рода устойчивость ее принципам. Последние являются, так сказать, относительно априорными, по отношению к данному периоду», — писал физик Макс Борн (цит. по: Степанов, 1971, с. 45–46). Стиль Палласа, имевший целью изобразительную точность словесного воспроизведения природного объекта, представлен в его латинских диагнозах: лаконичных и выразительных описаниях растений или животных. Пересоздание текста требовало величайшей изощренности языковых средств у русских переводчиков: «Шелковый карась. <...> Цветом, особливо живой, весьма прекрасный, голубо-сребристый или фиолетово-сребристый, блестящий, а к брюху бледно-розовый. Полоса по обе стороны к хвосту широковатая, продолговатая, иззелена-васильковая и серебристая. Перья подбрюшныя и подхвостныя киноварного цвета, а по концам червлены. Хвост темно-красный. <...> Зеницы золотыя; но над зорочком пятно алое. Находится в стоячих Даурских водах в великом множестве» (Паллас, 1788, Путешествие ..., 3, 2: 370—371, пер. В.Ф. Зуева). Неслучайно литературный стиль Палласа вызывал восхищение у Н.В. Гоголя и Осипа Мандельштама. Последний, упиваясь искусством описаний Палласа, заметил: «Здесь барская изощренность и чувствительность глаза, выхоленность и виртуозность описи доведены до предела, до крепостной миниатюры <...> Натуралист преследует чисто живописные феерические задачи» (Мандельштам, 1990, с. 368–369). Сущестенно, что публикация описаний новых видов растений и животных на двух языках — латинском и русском — до Палласа почти не практиковалось. Поиск лексических эквивалентов чрезвычайно обогатил отечественную научную терминологию. Изучение этих лингвистических взаимодействий в контексте времени и культуры является крайне интересной задачей, очевидно, требующей выбора специальных методов, быть может, структуралистских дискурсов.

Мишель Фуко в книге «Les mots et les choses» блистательно высказался о глубокой связи теории естественной истории и теории языка (см. гл. «Речь природы»). Анализируя историческое развитие эмпирических наук, он отмечает чрезвычайно значимое изменение представлений в области естествознания в интервале между 1775 и 1795 г. Прежде всего, он обращает внимание на изменение восприятия качества времени, уже не циклического, не линейного, а внутреннего времени организации. Одновременно естествоиспытатели переоценивают значимость признаков живых существ в соответствии с внутренним принципом органической структуры. В таксономии, по его мнению, она проявляется различными способами в отношении пересмотра иерархии признаков, изучении функционирования органов, выявления ансамблей взаимодействий, что приводит расхождению между классификацией и номенклатурой в ее прежнем, линнеевском, значении (Фуко, 1994, с. 252-258). Наряду с творцами этой семиотической революции: Ж. Жюсье (Joseph de Jussieu), Ламарком, Вик-д'Азиром и, особо, Кювье, неоднократно упоминается и Паллас. Однако в системе взглядов Фуко Паллас не может занять подобающего места. «В XVIII веке отсутствовало биологическое понятие `среды`», — утверждает Фуко (с. 186), ссылаясь на исследование французского философа G. Canguilhem (1965). Несправедливость этого заявления опровергает полевой эмпирический опыт Палласа. Тщательнее своих современников он наблюдал организмы в природных условиях и во многом способствовал своими трудами утверждению именно «биологического» понимания их взаимоотношений со «средой», тем самым изменив парадигму развития естественных наук. Идея о географическом ландшафте как образователе органических форм ярко и парадоксально утверждавшаяся Л.С. Бергом (1977), присутствует в монографических очерках Палласа, например его описаниях родов галофильных ксерофитов, представителей семейства маревык (*Chenopodiaceae*), населяющих засоленные почвы пустынных сообществ Туранской низменности или Северного Прикаспия, таких как роды *Salsola* или *Petrosimonia*. Этот последний род в честь Палласа назвал великий систематик А.А. Бунге, продолживший исследования труднейших таксономических групп растений Старого Света.

Фактор времени, знаковый в системе меняющейся картины мира конца XVIII столетия, органически свойствен и умозаключениям Палласа, но течение времени он соизмерял с особым пространством — бурно прираставшей землями Российской империи. Премудрая царица присвоила владения польской короны в Европе, покорила Крым, приняла под свое покровительство степи киргиз-кайсацкой орды, освоила западное побережье Северной Америки до Калифорнии. Государство обогащалось народами и языками, чудесами флоры и фауны. В пространственно-временном континууме обнаруживались тектонические разрывы. Дискретные формы Паллас наблюдал в геологических явлениях — сложении формаций земной коры или чередовании трансгрессий моря (представлявшихся ему отчасти в образах библейского потопа), он послеживал их в процессах доместикации животных и наблюдал в устойчивости природных видов. Миграция калмыков из Прикаспийской низменности в Забайкалье, которой он был свидетелем, виделись ему эпизодом истории кочующих степных племён. Паллас, выявив органическую связь скотоводства номадов со свойствами почв и растительного покрова степей, предвидел нежелательные последствия земледелия в аридной зоне залолго до тотального освоения целинных земель во второй половине XX в. Так, отметив маломощность горизонта чернозема в почвах степной части Исетской провинции (южное Приуралье), он делает следующее заключение: «Большие степи должно оставить не занятыми, дабы не причинить никакого помешательства в выгодных Башкирских коноводствах» (Паллас, 1786, с. 8). Баланс потребления природных ресурсов и благосостояния общества определял содержание учения камералистов и физиократов, их взгляды на функцию государства контролирующего развитие экономики. Фундаментальность знания многократно усиливало прогностическую ценность выводов, что весьма ярко проявилось в заботе Палласа о населении лесной зоны. Он старался привить любовь к дереву у русских крестьян и землевладельцев, так как наблюдаемое им повсеместно потребительское отношение к лесу в России лишало их энергетических ресурсов в будущем. Взаимная заинтересованность в обмене информацией ученого и практика — характерная черта того времени, немаловажная, на пути к экономическому процветанию, прежде всего, зарождавшегося в России образованного общества — «третьего сословия». Любознательные люди встречались среди мещан, купцов, помещиков, священников, учителей и медиков, моряков и офицеров сухопутных войск. Испытывая потребность делиться практическими знаниями, многие становились корреспондентами Вольного экономического общества (ВЭО). Девизом его было слово «Полезное», а эмблемой — пчелиный рой над ульем. Заметки, опубликованные в «Трудах ВЭО», становились общественным достоянием. Паллас, как и его коллеги-академики, состояли как членами, так и руководителями ВЭО и, словно опытные пчеловоды, рачительно трудились над излечением мёда из восковых сот. Крупицы материального мира складывались в мозаику познания универсума, доступного посвящённым. Такую обратную связь предусматривал и замысел «Flora rossica» (СПб, 1784—1788) или «Описания растений Российского государства» (СПб, 1786) Палласа. Роскошное издание, осуществленное на средства Кабинета императрицы, на латинском языке представляло собой фундаментальную научную монографию по дендрологии, на русском — практическое руководство по лесоводству для российских губернаторов. Дешёвое переиздание «Описания растений...» (Тобольск, 1792) в типографии В. Корнильева свидетельствует об интересе к ней многих просвещённых русских читателей.

Утопический идеал века Просвещения — союз учёного и монарха во имя благоденствия народа и процветания государства едва ли не воплотился в реальность в отношениях Палласа и Екатерины Великой. «Потёмкинские деревни» лишь в духе времени декорировали достижения екатерининского империализма: осваивались завоёванные территории, возникали новые города, а старые подвергались перепланировке, составлялись земельные кадастры, рационализировалось использование ресурсов живой природы и недр, осуществлялись образовательные проекты. Паллас был деятельным сподвижником этих преобразований — Екатерина дорожила его экспертным мнением. Она поручила ему и преподавание ботаники своим внукам Великим князьям Александру и Константину.

Величие научного творчества Палласа заслоняет «слишком человеческое» в его личности. Двойственность и амбивалентность становится определяющим свойством того и другого, провоцируя биографа вступить в область семиотических игр.

Двойственность — архетипическое свойство Януса (Janus Pater) — в римской мифологии бога-привратника. Обращаясь к божествам, его приветствовали первым. Он научил людей кораблестроению, возделыванию земли и выращиванию овощей. Его атрибутами были ключи, а изображали его с двумя лицами, обращенными в противоположные стороны, и эпитетом его был «Geminus» — «двойной». Начало знаменовало и конец, а потому божество рубежа одновременно смотрело в прошлое и будущее «двузрачной Янусовою головою». Итак, порог, привратник, ключи, двуликость...

Бинарная оппозиция заключена уже в самом имени нашего персонажа. Петр Симон — его христианское имя, а, стало быть, его небесный покровитель — апостол Симон Петр, привратник рая, трижды отрекшийся от Учителя небесный ключарь и один из столпов евангелической церкви. Фамилия — Паллас — направляет к языческим коннотациям. «Pallas» — это Афина Паллада, иначе — Мудрость (при этом мудрость воинствующая). Но есть и другие античные персонажи, носящие это имя. В энциклопедии «Мифы народов мира» читаем: Паллас (Πάλλας)

- 1) сын титана Крия и Эврибии, брат Астрея и Перса. От брака Палласа с океанидой Стикс родились Нике («Победа»), Сила, Мощь и Зависть;
- 2) гигант, убитый Афиной в гигантомахии. Содранной с него кожей она прикрывалась как щитом (Мифы ... , 1988, т. 2, с. 278-279).

Трудно найти пример соответствия имени и сущности человека воплотившийся убедительнее, но вместе с тем и здесь возникает дихотомия. Титаническая природа Палласа несомненна, ибо сил человеческих недостаточно, чтобы созидать направления в науках и одновременно насаждать лозы, взлелеивая крымское виноградарство и виноделие. При этом мощный олимпийский дух обитал в теле весьма бренном — смолоду Паллас страдал от воспаления глаз, геморроя, язвы желудка — но, невзирая на болезни, значительную часть семилетнего путешествия он провел в седле, не уступая в выносливости удальцам-казакам, но став к его завершению в свои 33 года совершенно седым.

Отражение мотива брачного союза с океанидой Стикс следует искать в содержании раннего сочинения Палласа «Elenchus Zoophytorum» (1766, Гаага) с эпиграфом из Якопо Саннадзаро, неаполитанского поэта, современника Высокого Возрождения: «Вот поросты морей, что доныне изучены мало, И кораллы, с трудом на подводных добытые камнях». В нем Паллас доказал, что зоофиты — организмы, как считалось ранее, составляющие переходное звено между животными и растениями, принадлежат исключительно к миру животных и что каменистая или роговая часть полипов представляет не что иное, как их твердый скелет. При этом Паллас обосновал два теоретических положения, направив развитие исследовательских поисков на многие годы вперед. Возражая против традиционного представления о трех царствах природы, он предположил, что правильнее различать тела косные (bruta) — инертные и органические — живые. Два вида материи разделены непреодолимой гранью и между ними не может быть постепенных переходов. Неживая природа является лишь мертвым субстратом, на котором осуществляется развитие жизни. Именно эту мысль, как упомянуто выше, исключительно высоко оценил В.И. Вернадский (1978, с. 124), посетовавший, что «Паллас, несомненно, придерживался этого взгляда неуклонно всю жизнь <...>, но среди кипучей работы не возвращался вновь к обоснованию своего мнения».

Второй блестящей идеей Палласа стало представление о соотношениях таксономических групп в виде родословного древа с ветвями, отходящими от общего ствола. Жорж Кювье в своем «Похвальном слове Палласу», прочитанном 5 января 1813 г., отметил, что: «древо организации дает множество побочных ветвей, и что не насилуя природы, нельзя расположить все существа по одной линии» (Кювье, 1860, с. 1024). Воображая родство таксономических групп в виде древа, Паллас полемизировал с представлениями швейцарского ученого Шарля Бонне и его «лестницей существ», созданной знаменитым автором «Созерцания природы», прежде всего, с целью дидактической, но лишенной биологического содержания. Развивая представления о непрерывной связи органического мира, Паллас противопоставляет идее трансформирующихся форм свое понимание дискретности, ограничивающей и виды, и таксоны надвидового ранга. Постоянный поиск рубежа, порога, разделяющей линии становятся доминантой сознания Палласа, а следовательно и сутью его метода, мотивацией исследования и критерием его эффективности.

Вместе с тем Паллас продолжает исследования в области направленного совершенствования функционального назначения органов и возникновения приспособительных признаков свое понимание истинного родства (affinitas), для установления которого следует руководствоваться «всем строением и развитием организма (structura et generandi modo)». Из этого положения проистекает его интерес к морфологии, в том числе и анатомии внутренних органов животных, но вместе с тем внимание к габитусу, особенно заметное в исследованиях ботанической систематики богатых видами родов (*Astragalus* L., *Salsola* L.), ряд других родов семейства маревых (*Chenopodiaceae*), а также роды *Spiraea* L., *Gentiana* L. и др.

В избрании объектов исследования можно видеть эстетические склонности Палласа. Среди описанных им «чад моря» множество видов красивейших кораллов, изображения некоторых из них теперь украшают коллекционные серии почтовых марок. К сожалению, сам Паллас видел большинство их них не в природе, а среди раритетов натуральных кабинетов и мог только догадываться об их подлинной красоте скрывающейся в водных хлябях, зато странные растения, населяющие засоленные почвы

пустынь Прикаспийской низменности, он изучил превосходно, считая их украшением этих унылых и знойных равнин. Мотив «украшенной» природы чрезвычайно характерен для естественно-исторических воззрений второй половины XVIII в. В нём особенно выразительно звучит мотив организма и среды обитания, находящихся в умиротворяющей гармонии, так явственно слышимой, например, в риторическом слоге Бюффона: «Олень» «Вот один из тех невинных, тихих и спокойных зверей, кои кажутся быть сотворенными для одного токмо украшения и оживления лесов» (Дух Бюффона, 1783, с. 177). Бюффон как будто и не подозревает о жестоких схватках самцов во время гона.

Паллас, сам нередко использовавший литературное клише об украшающем ландшафт животном или растении, знал о поединках представителей семейства оленьих (*Cervidae*) не понаслышке: «Течка у лосей бывает в сентябре и октябре. Тогда они дерутся между собой, а самые свирепые из самцов, если их ранят, бывают очень опасны и для охотников» (Соколов, Парнес, 1993, с. 369).

«Природа во всех своих произведениях устроила союз; все имеет свою пользу; все сотворено на известный конец; нет для наблюдателя ничего, чтобы не заслуживало его внимания», — развивает мотив гармонии природы Паллас в «Описании растений», в момент наивысшего взлета карьеры; не столь идиллическая картина откроется ему в период крымского уединения.

Но чередование гармонии и диссонансов в природе и жизни составляли некий музыкальный ритм, гениально выявленный в научной прозе Палласа Осипом Мандельштамом: «Картина огромности России слагается у Палласа из бесконечно малых величин <...> Безинтервальная характеристика невозможна» (Мандельштам, 1990, с. 363, 366). Во время «Физического путешествия» (1768—1774) Паллас, пытливо выявляя рубежи, открывал порядок слагающих земную кору геологических формаций, обнаружил очертания берегов древнего Каспийского моря. Он одержим поисками границы между Европой и Азией на протяжении всего маршрута. Проверяя гипотезы предшественников, он сдвигает этот условный рубеж все дальше — минуя Уральские горы (границу между двумя частями света по ним проводил Даниил Мессершмидт), — дальше, за Енисей, по которому её установил Иоганн Гмелин, — дальше, до Даурии. Эта область Восточной Сибири стала для Палласа обетованным краем, где он мог «наблюдать Природу в самом ее бытии». Именно отсюда он описал большую часть новых видов животных и растений и ретроспективно наметил схему районирования северной Евразии, заложив начало биогеографии.

Но не все рубежи и пороги Паллас преодолевал. Перед некоторыми он останавливался, пропуская вперед других новаторов. Так, физик и акустик Эрнст Хладни, изучив глыбу самородного железа («Палласово железо»), выдвинул гипотезу о космическом происхождении этого тела, став основателем особого раздела астрономии — метеоритики. Отметив Валдайские горы как линию, южнее которой не встречаются эрратические валуны, Паллас не стал строить гипотез о причинах этого явления, но ледниковая теория возникла ещё при его жизни. В Прикаспийской низменности, в окрестностях новопостроенного Гурьевского редута (ныне г. Атырау, Казахстан), Паллас различал «двоякого рода комаров, которые нас жёстоко кусали, и коих нигде в Европе не находится, как только при Каспийском море». Это были каспийский комар Aedes caspius Pall. (Diptera, Culicidae) и гирканский Anopheles hyrcanus Pall. (1771). О том, что второй из описанных Палласом кровососов является переносчиком малярии, мир узнал более столетия спустя. В 1880 г. французский врач Ш.Л.А. Лаверан предположил, что малярия вызывается простейшими, в 1894 г. паразитолог П. Мэнсон предположил, что малярия может передаваться человеку комарами, название Plasmodium было предложено в 1895 г. Э. Маркиафава и А. Чели. Экспериментальное заражение человека комарами удалось осуществить Д.Б. Грасси в 1898 г., он же доказал, что переносчиками малярии в Италии являются только представителями рода *Anopheles*. Последовательность событий демонстрирует растяжение или сжатие времени в интенсивности изучения проблемы, а также излом траектории линии преемственности в развитии естественных наук. Но разброс научных направлений: метеоритика, палеогеография, медицинская паразитология, к коим, хотя бы и косвенно, был причастен Паллас, склоняет к размышлению о загадочной предопределённости бессознательного, притягивающей ученого к точкам роста древа познания.

Эта «врожденная избранность» Палласа была предъявлена учёному сообществу Европы уже в его ранних зоологических трудах, полемических и богатых идеями. Она способствовала его авторитету, репутации выдающегося учёного, и даже славе, которая позволила ему занять исключительное положение среди коллег Императорской Петербургской Академии наук и художеств и иметь заметный социальный статус в кругах столичной знати. Его распространившееся влияние на высшие сферы власти Российской империи неизбежно рождали зависть. Здесь следует приступить к дешифровке мифологического кода жертвы гигантомахии и Афины-Паллады (или Минервы).

Нет необходимости пояснять, что в русской эмблематике последней трети XVIII в. образ богини с копьём в руке и в оперённом шлеме безоговорочно принадлежал единственному персонажу — самой Екатерине Великой: «Минерва наших дней, гоня

Рис 1. Фрагмент титульного листа «Flora Rossica» Т. 1. СПб., 1784
Восседающая на облаке, окруженная путти Минерва держит в правой руке ветвь описанного Палласом *Rhododendron chrysanthum* Pall. (*R. aureum* Georgi) — золотистого рододендрона. Лечебные свойства этого растения ценились очень высоко. Им излечился от боли в суставах автор этого рисунка и иллюстраций к «Flora Rossica» художник К.Ф. Кнаппе.

предрассужденье, достоинствам твоим награду подаёт» — сказано об указе 30 октября 1783 г. об учреждении Российской академии и назначении её председателем статсдамы княгини Екатерины Романовны Дашковой (урожденной графини Воронцовой), стоявшей отныне во главе двух академий — Императорской Академии наук и художеств и Российской академии (Лозинская, 1978, с. 80).

Однако, несмотря на общепризнанные достоинства «председательницы муз» Дашковой, её холодному и практичному уму было всё же далеко до мудрости ясноокой Афины-Паллады — Екатерины Великой. Именно ей, «северной Минерве», посвящены следующие строки «Путешествия»: «Достопамятная милость, которую Ваше Императорское Величество щедро являете состоящим и возрастающим под высочайшим В. В. покровительством наукам, и в честь которой были бы в прежние веки, конечно, посвящены особливые храмы, делает и меня равномерно счастливым, повергнуть к стопам В.И. В. первые плоды моего по высочайшему В.В. повелению предприятого физического путешествия», — так обращался к монархине «всеподданнейший раб П.С. Паллас» в предисловии 28 апреля 1770 г., находясь в Уфе.

Щедрот источник, Россов радость, Посланница и друг Небес, Которой льют уста нам сладость; А взоры, — жизнь и свет очес. (Державин, 2002, с. 191)

В отличие от статс-секретаря Г.Р. Державина, профессор Паллас не часто приближался к божеству на короткое расстояние, а потому, не испытав разочарований, до конца жизни оставался паладином Минервы. Щедроты же пролились на него обильно. Екатерина финансировала издание «Российской флоры», стала соавтором «Сравнительного словаря всех языков и наречий, собранных десницею всевысочайшей особы» (СПб., 1787—1789), наконец, повторила жест, уже некогда совершённый ею с библиотекой французского философа Дени Дидро, — заплатив значительную сумму в виде приданного дочери Палласа, она оставила коллекции в пользование их владельцу. Государыня проявила мудрость и великодушие, позволив Палласу вновь путешествовать, а затем удалиться в Тавриду. Благодаря длительному крымскому уединению Палласа и его трудам наука собрала обильную жатву.

Итак, Паллас, как персонаж второго из упомянутых выше сюжетов о гигантомахии, должен выступить как жертва борьбы богов и титанов, что и составит предмет индивидуальной и типологической дескрипции. Дашковой отведена в ней определяющая роль. Вот что пишет она о Палласе, вспоминая события, относящиеся к 1783 г.: «Этот ученый филолог, известный своим путешествием по России и открытиями по естественной истории, желая польстить литературному самолюбию Екатерины, довел расходы по напечатанию своего, так называемого сравнительного диксионера до двадцати тысяч рублей, не считая тех издержек, которые употребил императорский кабинет на рассылку гонцов в Сибирь, Камчатку и проч., чтобы собрать несколько голых, случайно пойманных слов на различных говорах» ([Дашкова], 1990, с. 214). Увы, как можно видеть даже из этой цитаты, причиной конфликта тогда, как и всегда, были деньги и власть.

Истоки битвы гигантов хронологически можно отнести к началу 1780-х гг., когда Паллас, как историограф Адмиралтейства, вступил на зыбкую стезю геополитики: «Итак, остается теперь только исследовать часть берегов Северной Америки между 50 и 40 градусом широты, которой по причине бурной погоды не могли осмотреть ни капитан Кук,

ни вышеупомянутый фрегат испанский», — писал Паллас в статье «О российских открытиях на морях между Азиею и Америкою...» в Историческом и географическом месяцослове на 1781 г. (цит. по: Альперович, 1993, с. 94).

Осенью 1784 г. по инициативе Палласа возникла идея экспедиции с целью исследования северо-востока Азии и северо-запада Америки. Как полагают Д. Дальман и Д. Ордубади (2011, с. 197), истинной задачей мероприятия являлось окончательное присоединение Алеутских островов и побережья Аляски к Российской империи, но при этом сама Екатерина в своей зарубежной переписке педалировала исследовательский характер проекта, дабы скрыть его секретную цель. Руководителем должен был стать английский моряк Джозеф Биллингс, участник третьего плавания Кука в 1783 г. перешедший на русскую службу. Его опыт плавания в тихоокеанских водах был чрезвычайно ценен. Паллас рекомендовал его в руководители секретной экспедиции, которую поддержала Екатерина, финансировавшая её из средств Кабинета: «Употребление в расход по изустному повелению в мае 1785 года По письмам 27-го числа мая тайного советника графа Безбородко Профессору Палласу и флота поручику Биллингсу на разные приуготовления по случаю отправления сего последнего в некоторую Экспедицию семь тысяч рублей» (Сытин, 1997, с. 146).

1 июля 1786 г. Экспедиция Биллингса прибыла в Охотск, а год спустя была предпринята попытка на двух судах («Паллас», который вел сам Биллингс, и «Ясашна»

Рис 2. Catharinaea sublimis Pall. (Macropodium nivale (Pall.) R. Br.) — необнародованное название рода. Рисунок Х. Гейслера из неопубликованного сочинения Палласа «Plantae selectee rossicae» (ПФА РАН. Разр. 1. Оп. 121. Д. 15 . Л. 165). Род назван в честь покойной Екатерины «несравненной покровительницы и доброжелательницы наук и искусств, особливо Ботаники и Естественной истории» (Сытин, 1997, с. 219)

под командованием его ближайшего помощника Г.А. Сарычева) пройти от устья Колымы через Берингов пролив в Тихий океан. В целом экспедиция была чрезвычайно результативна. Точнейшим образом были нанесены на карту береговая линия и острова Берингова пролива, при этом наблюдения велись не только с моря, но и сухопутными маршрутами на лошадях, оленьих и собачьих упряжках — Γ . Сарычевым открыты горные сооружения в бассейнах рек Колымы и Омолона, Биллингс пересек Чукотское нагорье. Оба путешественника представили многотомные отчеты. Кроме топографически сведений в них содержалась информация о Северо-Восточной компании, которой руководили «коломбы росския» — купцы И.Л. Голиков и Г.И. Шелихов. Деятельность предпринимателей представала не в самом благоприятном освещении. Так, побывавший на острове Кадьяк Биллингс писал: «Островитяне жаловались нам на обиды, чинимые им от русских промышленников, которые принуждают их ездить далеко на ловлю зверя, и потом отнимают у них весь их промысел» (Альперович, 1993, с. 98). Не заинтересованное в гласности руководство Компании, а также их столичные покровители — президент Коммерц-коллегии А.Р. Воронцов и канцлер А.А. Безбородко — влиятельнейшие лица Российской империи, сделали все возможное, чтобы дискредитировать деятельность экспедиции перед лицом Екатерины, а сам инициатор проекта Паллас был представлен как злонамеренный соглядатай. Утратив доверие, он получил высочайшее пожелание временно оставить столицу.

Вынужденный принять «consilium abeundi» (предложение уйти), Паллас отправился в путешествие по южным губерниям России (1793) и Крымскому полуострову (1794) за свой счет, проделав путь с женой Каролиной (урожд. Польман), дочерью от первого брака Альбертиной и художником Х.-Г.-Г. Гейслером. Очарованный природой Крыма, Паллас получил разрешение поселиться в пожалованном ему Екатериной имении Шулю (ныне с. Терновка Севастопольского р-на) и 10 тыс. рублей на обзаведение и устройство виноградников.

Крымская земля оказалась поистине классической почвой, сохранявшей предания об эллинах и скифах, об изгнаннике Овидии (Палласом опровергнутое), об Ифигении — жрице храма Артемиды, укрытой девственной богиней от жертвенного ножа в далекой Тавриде. Земля и море отдавали множество сокровищ древности. Паллас не только знакомился с многочисленными археологическими находками (Тункина, 2002), но и пытался следовать указаниям античных географов, восстанавливая топонимы древних поселений и гаваней. Сам став новопоселенцем, он воплощает миф уже не античный, а гётеанский. Как новый Фауст, он преобразует ландшафт: строит дороги и насаждает деревья. Паллас умножил земельные владения и сделал собственные сады в окрестностях Симферополя и в Судаке образцовыми. Он старался усовершенствовать культуру крымского виноградарства и виноделия, обучая воспитанников казенного училища, открытого им в 1804 г. в Судаке. Следует помнить, что Крым тогда ещё не стал благословенным краем. Это был отдалённый рубеж империи, недавно завоёванная и сильно разорённая территория, с немногочисленным, враждебно настроенным населением, истощаемая малярией, засухами и нашествиями саранчи:

«Суровые зимы 1799 и 1880 годов вместо того, чтобы уничтожить это насекомое, послужили к его размножению. В начале мая появилась она большими кучами, особенно в южных долинах <...> Ее кучи представляли многие миллионы и, где они останавливались, земля казалась совершенно черной <...> Беда винограднику, где ночует такая куча <...> они пожирают не только все листья, но даже кору и почки молодых лоз, тогда эти лозы, белые как мел, полные сока, стоят все лето, не давая новых листьев <...> Очень уменьшившееся количество скворцов и других насекомоядных птиц

в Крыму дает мало надежды на истребление этой породы [саранчи], если только природа другими способами не уменьшит их распространения. Это и случилось в 1801 году, когда при теплых весенних днях это вредное насекомое начало везде шевелиться; наступивший в марте неожиданный мороз с изрядным снегом погубил бо́льшую часть цвета ранних фруктовых деревьев, но также истребил и всю молодую саранчу, так что на следующее лето из неописуемо огромного ее количества нельзя было найти ни одной [особи] этого вида» (Паллас, 1999, с. 181). Текст характерен для описательного стиля и научного метода Палласа. Картина природы лишена идеализации и точна в деталях, но вместе с тем предстает как единое целое, пронизанное бесчисленными связями. Современный читатель может увидеть начало экологического мышления в этом подходе. Сходные взгляды высказывали Линней и Бюффон, и они вполне согласуются с представлениями века Разума об изначально установленной гармонии в «экономии» природы. Однако вопреки антропоцентричному прагматизму эпохи Просвещения, или, словами Палласа, «врожденного нам корыстолюбия», он смещает точку зрения на взаимоотношения двух царств — животных и растений: «хотя оспоривать не можно, что не все растения для нас человеков имеют непосредственную пользу, однако по крайней мере ведаем то, что оне полезны зверям, полезны даже и насекомым, и потому польза сия хотя для нас и отдаленна, но впоследствии может она иметь особенное к нам отношение».

Пожалуй, новым в описании саранчи стали наблюдения Палласа о вымирания массового вида. В 70-е гг. он высказывался на эту тему довольно умеренно: «Я скорее склоняюсь к мнению тех, которые думают, что число видов от начала было учреждено такое, какое и ныне существует, и природа воспроизвела их целомудренно... Причем их связь предусмотрена творческим планом» (Соколов, Парнес, 1993, с. 254). Итак, в придворном и академическом Петербурге Паллас поддерживал доктрину креационизма, представления о постоянстве видов и предустановленной гармонии природы. В Крыму он мыслил более независимо:

«Можем ли мы, вообще говоря, сомневаться, что некоторые виды животных могут и совершенно исчезнуть с лица земли? <...> И найдется ли такой человек, который в наши дни видел бы в Европе тура, в Альпах каменного барана, на Корсике дикого сардинского барана? А между тем известно, что некогда все эти виды были обычными. Или можно представить себе, что какие-либо из не самых мелких животных не поддаются никогда истреблению природными катастрофами, зимними бурями и всякими другими бедствиями? Heт!» (Соколов, Парнес, 1993, с. 364). Катастрофизм становился философией Нового времени — эпохи Наполеона, Бетховена и Байрона, и его адепт, палеонтолог Кювье, впоследствии напишет похвальное слово, воздав должное заслугам Палласа как мыслителя. Однако теории, концепции, научные революции преходящи. Но, к сожалению, и трюизм «одна природа вечна» в наше время неактуален. Природы в ее девственном состоянии уже не существует.

Поэтому труды Палласа представляют для нас ценность со временем лишь возрастающую. Истинный натуралист-полевик, он создал особый жанр описания животных, наблюдаемых непосредственно в среде обитания, жанр чрезвычайно насыщенный смыслами. Вот, например, что он пишет о летяге (*Pteromys volans* Linnaeus): «Сей удивительный зверек находится в местах, начиная от Уральского пояса, по всей Северной Азии и Сибири, если только там находится березник с елями и другими деревьями. Он выходит токмо по ночам либо в сумерках, и на березах ищет себе корму. Сей корм состоит из сережек. Где растет ельник, там кормится она почками цветошными и почками сих дерев. <...> Когда она лазит по березам, то трудно по причине серого ее цвета различить от белой коры сих дерев. Сим природа старалась премудрым образом предохранить их от ночных хищных птиц» (Паллас, 1786, с. 102).

Трудно удержаться от соблазна комментировать текст в духе советского науковедения, методы которого мы стараемся преодолеть: объяснив защитной функцией окраску летучей белки, имитирующую фон местообитания (криптизм), Паллас выступает здесь как провозвестник дарвиновского селекционизма. Можно, при желании, усмотреть в этом отрывке намек на созидательную функцию Творящей Природы, а можно просто восхититься точностью и пластикой прозы этого короткого абзаца в совершенстве выражающего содержание.

Но лучше, обращаясь к традиции Палласа, закончим этот небольшой очерк строкой любимого им Вергилия:

...labor omnia vicit Improbus et duris urgens in rebus egestas.

...труд же упорный

Все победил, да нужда, что гнетет в обстоятельствах жестких.

Вергилий. Георгики (І, 145, пер. С. Шервинского)

Список литературы

Альперович М.С. Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII в.). М.: Наука, 1993. 240 с.

Берг Л.С. Труды по теории эволюции. Л.: Наука, 1977. 388 с.

[БюффонЖ.Л.Д.] Дух Бюффона / пер. с фр. Алексея Малиновского. М., 1783. 278 с.

Дальман Д., Ордубади Д. Карл Генрих Мерк и северо-восточная географическая экспедиция Биллингса—Сарычева 1785—1795 гг. // Немцы в России: встречи на перекрестке культур. СПб.: Росток, 2011. С. 197—216.

[Дашкова Е.Р.] Записки княгини Е.Р. Дашковой. М.: Наука, 1990. 512 с.

Державин Г.Р. Сочинения. СПб.: Академический проект, 2002. 714 с.

Лозинская Л.Я. Во главе двух академий. М.: Наука, 1978. 144 с.

Мандельштам О. Стихотворения, перевод, очерки, статьи. Тбилиси: Мерани, 1990. 416 с.

Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2: К-Я. М.: Советская энциклопедия, 1988. 720 с.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 2. Кн. 2. СПб., 1786. 571 с.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства Ч. 3. Кн. 2. СПб., 1788.480 с.

Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства: пер. с нем. / отв. ред. Б.В. Левшин; сост. Н. К. Ткачёва. М.: Наука, 1999. 248 с.

Степанов Ю.С. Семиотика. М.: Наука, 1971. 146 с.

Соколов В.Е., Парнес Я.А. У истоков отечественной териологии. М.: Наука, 1993. 412 с.

Сытин А.К. П.С. Паллас — ботаник. М.: КМК, 1997. 338 с.

Сытин А.К. Misandria, или ненависть к тычинкам: Линней и Паллас // Линнеевский сборник / под ред. И.Я. Павлинова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. С. 13–24.

Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: A-cad, 1994. 408 с.

Canguilhem G. La Connaissance de la vie. 2 éd. Paris, 1965.

Vestigia Semper Adora (The bicentary of the death of Peter Simon Pallas)

Andrej K. Sytin

Komarov Botanical Institute, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; astragalus@mail.ru

The second half of the eighteenth century was a golden age for naturalist and travelers, of whom Peter Simon Pallas (1741–1811) is one of the most important. Was in 1768 invited to St. Petersburg by the Empress Catharine the Great as an eminent naturalists. He spent six years (1768–1774) exploring the Russian empire. He amassed a valuable collection of plants, animals and minerals, including the meteorite "Pallas Iron"; returning with an extraordinary treasure of specimens, including a malarial mosquito (*Anopheles hyrcanus* Pallas). Pallas was a founder of some branch of the science, but most important was an idea that an environment (or geographical space) caused changes in the structure of organism. Pallas's essentialy virtue was a constitutional bias to compromise between Carl von Linné and Comte de Buffon.

Keywords: Peter Simon Pallas, the eighteenth century, method of natural history.

П.С. Паллас:

креационист или додарвиновский эволюционист? (Многолетний спор об эволюционных взглядах П.С. Палласа)

Э.И. Колчинский

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия; ekolchinsky@yandex.ru

Анализ творчества П.С. Палласа в социально-культурном и когнитивном контексте науки второй половины XVIII в. свидетельствует о его приверженности идеям катастрофизма и креационизма. Именно Паллас впервые суммировал доводы против ограниченного трансформизма Линнея и Бюффона. Нет оснований трактовать и его классификацию крупных таксонов как прообраз генеалогического древа, а его самого представлять «эволюционистом до Дарвина», объясняя креационистские высказывания его конформизмом, желанием адаптироваться к социальной среде. Устраняя из биологии пережитки наивного средневекового трансформизма, Паллас отстаивал идею целостного и устойчивого вида, тем самым предваряя постановку проблемы видообразования и эволюции.

Ключевые слова: Паллас, систематика, палеонтология, эволюционизм, катастрофизм, креационизм, доместицированные виды.

В дискуссии креационистов и трансформистов XVIII в. центральное место занимали труды К. Линнея, Ж. Бюффона и П.С. Палласа. Последнего долгое время считали твердым сторонником концепции неизменности видов (Кювье,1860, с. 1036; Мечников, 1950, с. 25–28; Гайсинович, 1988, с. 96–97). Хотя сам Дарвин отмечал огромное значение его трудов для формирования собственных представлений о пределах изменяемости многих доместицированных животных и культурных растений (собаки, кошки, овцы, лошади, яки, утки, виноград) (Дарвин, 1909, с. 12, 23, 24, 32, 34, 38, 44, 48, 60, 134, 137, 240, 270, 335, 381, 422, 453, 485, 496, 507, 532, 533; Дарвин, 2001, с. 242, 257, 258), тем не менее к своим единомышленникам его причисляли и противники дарвинизма — К.Э. фон Бэр (Ваег, 1873, 1876) и его ученик Н.Я. Данилевский (1885–1889). Вероятно, Ф.П. Кёппен (1895, с. 5–6) был первым, кто в библиографической сводке «Учёные труды Палласа» написал об его эволюционных воззрениях и отметил предложенную им классификацию крупных таксонов животных и растений в виде филогенетического древа, но на это указание по существу никто не обратил внимание.

В те годы, когда само понятие «эволюции» в биологии только начинало приобретать современное содержание, попытка оценить Палласа как эволюциониста выглядела довольно странно и была скорее неоправданной модернизацией воззрений ученого конца XVIII в., чем характеристикой его вклада в утверждение идеи эволюции. Ведь до работ Г. Спенсера эволюцией называли индивидуальное развитие, а не возникновение новых видов или филогенез крупного таксона. Ситуация стала меняться в 1930-х гг., когда в СССР начали пропагандировать лозунг о передовом характере советской науки, в подкрепление которого нужно было найти и её великих предшественников. Тогда и вспомнили о Палласе как о протагонисте эволюционной идеи в России.

И.М. Поляков — крупный биолог-эволюционист и блестящий знаток истории биологии — в первой части подготовленного им учебника по дарвинизму отмечал, что Паллас уделял «большое внимание вопросу об изменчивости органических форм» и допускал возможность, что «ряд современных видов мог произойти от общих родоначальников» (Поляков, 1941, с. 104). Анализируя различные попытки систематиков XVIII в. выйти за пределы «лестницы существ организмов» Ш. Бонне (1792—1796), Поляков находил у Палласа «зачаток схемы "родословного древа"» (там же, с. 110), помещая, правда, «родословное древо» в кавычки. Эволюционная трактовка ранних работ П.С. Палласа стала особенно популярной в период борьбы с «космополитизмом» и «низкопоклонством» перед Западом, когда старались доказать превосходство работ российских авторов над трудами их зарубежных коллег и приоритет отечественной науки во всех отраслях знания. К тому же в ряде работ пытались найти в трудах классиков российской биологии доказательства правильности построений Т.Д. Лысенко: их приверженность идеям наследования приобретенных признаков и гибридизации как важных факторов видообразования.

Анализу трудов биологов додарвиновского периода, взгляды которых характеризовали как эволюционные, были посвящены фундаментальные издания С.Р. Микулинского (1957, 1961), А.Е. Гайсиновича (1961), а также многочисленные статьи и разделы в книгах других авторов. Особое место занимали труды выдающегося методиста естествознания и историка биологии Б.Е. Райкова. В его 4 томах «Русские биологиэволюционисты до Дарвина» (1951—1952) были опубликованы 22 биографии российских натурфилософов и ученых (эмбриологов, ботаников, палеонтологов, антропологов, геологов и др.), внесших, по мнению автора, значительный вклад в распространение идеи эволюции до Ч. Дарвина. Некоторые из них, например К.Ф. Вольф, К.Э. фон Бэр, Х. Пандер, получили мировое признание. По мнению Райкова, Паллас в начале своей научной деятельности «вполне определенно высказывался в пользу существования эволюции», о чем говорит предложенная им в 1766 г. система органических тел природы в виде древа — первый образчик древовидной схемы», а также его поздние идеи «о возможности образования через длинный ряд поколений новых видов» (Райков, 1952, с. 104). Вместе с тем в середине 1770-х гг. «по невыясненным причинам, вероятно, мало общего имеющим с наукой, во взглядах ученого произошел поворот в сторону метафизического идеализма, — причем, как утверждал Райков, модернизируя позицию Палласа, — последний отверг существование эволюции и выступил в защиту постоянства и неизменности видов и происхождения их путем творческого акта» (там же).

Райков справедливо указывал, что наиболее ярко эта позиция Палласа как сторонника неизменности видов проявилась в его лекции на торжественном заседании Петербургской Академии наук и художеств в 1780 г. (Pallas, 1784), где он подверг сомнению взгляды К. Линнея и Ж. Бюффона, допускавших возможность образования новых видов под влиянием внешних условий или путем гибридизации, и привел ряд аргументов против этого. Изложив подробно содержание речи Палласа (Райков, 1952, с. 85—103), Райков пришел к выводу, что она «с современной точки зрения н е выдерживает н и к а к о й к р и т и к и [разрядка автора]. В победоносном шествии эволюционной идеи все эти возражения, недоумения и сомнения, — по мнению Райкова, — давным-давно р а з ъ я с н е н ы и о п р о в е р г н у т ы», ... «но с исторической точки зрения эти соображения любопытны в том отношении, что Паллас как бы предвидел те трудности, с которыми придется встретиться эволюционной идее» (там же, с. 100). Справедливо отмечая, что метаморфоз во взглядах Палласа на изменяемость видов ещё не стал «предметом систематического научного исследования», а причины его неясны, Райков, тем не менее, пришел к выводу, «что определенную роль

здесь сыграли его «сугубая осторожность и противоборство реакционной обстановки, окружавшей ученого», побудившие его вернуться «на безопасный путь официальной науки» (там же, с. 105).

Эти выводы Б.Е. Райкова, основанные на многолетних архивных изысканиях и доскональном знании обширной литературы на главных европейских языках, изданные многотысячными тиражами, получили заслуженную известность и продолжают оказывать влияние на современные трактовки истории эволюционной теории в России. В фундаментальном двухтомном издании по истории Академии наук, на долгие годы определившем исследования в этой области, Палласа также считали автором идеи о «генетической связи организмов» (История ..., 1958, с. 380). Подобные трактовки взглядов Палласа были поддержаны и зарубежными исследователями. В первом томе книги «Дарвин и компания. История биологии в портретах» (Darwin ..., 2001), подготовленной интернациональным коллективом авторов под руководством крупнейшего историка биологии конца XX в. Ильзы Ян, к членам «дарвиновской компании» отнесен и Паллас. Ф. Вендланд — ведущий современный исследователь творчества Палласа, автор фундаментальной книги о нем (Wendland, 2001), — подводя итоги научной деятельности Палласа, считает, что биологи благодарны Палласу за многие достижения в области биологии, в том числе и за «развитие эволюционных представлений об изменяемости видов животных и растений, о гибридизации и доместикации при формообразовании, а также идею о наследовании приобретенных признаков» (Wendland, 2001, S. 138).

К вопросу об отношении Палласа к идее эволюции не раз обращается в своей книге «Петр Симон Паллас — ботаник» систематик и историк ботаники А.К. Сытин (1997, с. 20, 67–68, 80–81, 120–127, 148 и др.). Отмечая необходимость перевода речи Палласа 1780 г. и анализа ее содержания в контексте современных ему представлений, Сытин допускает, что его заключительное утверждение об одновременном создании всех известных в то время видов, могло быть как свидетельством отречения Палласа от трансформизма и перехода в стан креационизма, так и уловкой, которой «пользовался еще Бюффон, дабы избежать преследования богословских кафедр Сорбонны» (там же, с. 124). Вместе с тем эту речь Сытин справедливо трактует как размышление учёного «о причинах целостности и устойчивости вида» и считает оправданным его скептицизм к возможности гибридогенного видообразования. В конечном счете Сытин высказался против сравнений «древа» Палласа с филогенетическими построениями Э. Геккеля и трактовок Палласа как «эволюциониста до Дарвина» (там же, с. 20).

В серии публикаций по истории российской биологии XVIII в. я также высказался за необходимость пересмотра перечня «додарвиновских эволюционистов» в России и исключения из их числа по крайней мере Г.В. Стеллера, И.Г. Гмелина, С.П. Крашенинникова, Й. Кельрейтера, К.Ф. Вольфа и П.С. Палласа (Колчинский, Смагина, 1999; Колчинский, 2003а; Kolchinsky, Smagina, 1997). Впоследствии были предприняты специальные исследования взглядов этих «додарвиновских биологов-эволюционистов» в социально-культурном и когнитивном контексте XVIII в., а также проанализированы причины распространения подобных трактовок их творчества в отечественной историко-научной литературе в середине XX в. (Колчинский, 20036; Kolchinsky, 2005). В данной статье, базируясь на сочинениях П.С. Палласа, прежде всего, на новом переводе его знаменитого «Мемуара об изменчивости животных», выполненном А.В. Самокиш и публикуемом в этом номере¹, я постараюсь показать, что не было таинственных социально-культурных и конъюнктурных причин для отказа Палласа от эволюционизма

¹См. с. 72-87.

в пользу креационизма, так как у него таких воззрений никогда и не было, да и не могло быть, учитывая научные ресурсы естественной истории его времени. Разногласия в оценках его воззрений были обусловлены не столько противоречивостью самого Палласа, сколько попытками рассмотреть их с точки зрения сторонников доктрины Лысенко и Презента, улавливая в дискурсе естественной истории XVIII в. внешне напоминающие эту доктрину высказывания, которые на самом деле отражали совсем иные понятия и представления. Для второй половины XVIII столетия было характерно не столько формирование элементов эволюционизма, как в этом нас уверяют во многих учебниках, сколько изживание наивных трансформистских представлений о самозарождении жизни и о внезапных превращениях видов. На смену прежнему ультратрансформизму шло представление о реальности видов и их постоянстве, о целостности организмов и их единстве с окружающей средой. Научным стилем в биологии становился креационизм, сторонники которого собрали убедительные доводы в систематике, эмбриологии и палеонтологии против трансформизма (Полянский и др., 1991). Именно Паллас стал одним из лидеров этого движения, способствуя превращению естественной истории в современную биологию (История ..., 2003, с. 68–111).

«Генеалогическое древо» П.С. Палласа

Докторской диссертацией о гельминтах, защищенной в Лейдене (Pallas, 1760), девятнадцатилетний Паллас внес существенные изменения в классификацию паразитических организмов самого К. Линнея и тем самым сразу привлек внимание научного сообщества (Кювье, 1860, 1023—1024; Leukart, 1863, S. 27). Результатом последующих интенсивных исследований в натуральных кабинетах, музеях и ботанических садах Англии и Голландии стал большой труд по зоофитам (губкам и коралловым полипам), в котором Паллас доказал животную природу этих организмов, в чем сомневались многие его знаменитые современники, включая самого Линнея. Всего Палласом было описано около 270 видов зоофитов, а составленная им их коллекция была лучшей в Европе.

В 1767 г. Паллас начал издавать небольшой журнал «Stralsundisches Magazin», содержащий большей частью его собственные статьи. Им также были опубликованы два сборника (Pallas, 1766a,b) с раскрашенными гравюрами на меди, в которых он описывал неизвестные или редкие виды из различных разделов животного царства, например южноафриканский бородавочник, редкие виды птиц, летучих мышей, насекомых, моллюсков, ракообразных, морских червей и т. д. Удивительно, что в годы, когда ещё не было сравнительной анатомии как науки, Паллас применял сравнительноморфологический метод исследований и старался на его основе установить связи между различными группами животных. Это привело его к разногласиям с авторитетными современниками. Великий реформатор систематики К. Линней, не будучи эволюционистом, установил принцип иерархичности систематических категорий, что ставило вопрос о причинах сходства и родства или точнее свойства видов². Многие его младшие

² В латинском языке слово «affinitas», используемое для обозначения сходства видов, означает, прежде всего, близость или родственные отношения, приобретенные благодаря женитьбе. Иначе говоря, этим словом обозначали родство как свойство, а не как единство происхождения. Отсюда и последующие попытки интерпретировать высказывания того или иного автора с позиций признания генетической связи между сходными организмами.

коллеги, формируя группы организмов по их взаимному «родству» пытались строить «естественные» системы (Lefévre, 2001).

Определенное влияние на их работы оказывал опыт лингвистики, где с начала XVIII в. пытались создать теорию исторического происхождения языков и предлагали их первые генеалогические классификации. В значительной степени это было связано с тем, что одни и те же люди, путешествуя по экзотическим странам, отмечали не только их биоразнообразие, но и языковые различия проживавших там народов и племен (Kolchinsky, 2011). К середине XVIII в. выяснилось, что именно сходства и различия языков, а следовательно, филологические связи могли стать основой научной классификации народов и племен, поскольку образ жизни, нравы, пища, промыслы и даже религия у разных народов могли быть одинаковыми, а у единоплеменных различны. Все вело к стремительному расширению эмпирической базы для сравнительного анализа языков и формированию представления об их естественном родстве, общности происхождения, генеалогических связях и т. д., подкрепляемому библейскими сказаниями о едином праязыке человечества до вавилонского столпотворения. Однако те же сказания говорили о независимом творении основных видов растений, животных, а также самого человека, сотворённого ранее их и давшего им имена. Поэтому в отличие от лингвистики термины «естественное» и «родство» в систематике ещё не несли генеалогической нагрузки, а базировались на представлениях естественной истории о тождестве, сходстве и различий объектов и стремлении количественно отразить порядок природы, установленный Всевышним (Фуко, 1977).

В то же время сближение различных форм организмов по общему сходству свидетельствовало о «неявном, невербальном», в смысле М. Полани (1986), знании специалистов, интуитивно идущих к будущим филогенетическим классификациям путем выявления связей между группами, объединенными во всеобщую иерархию соподчиненных таксонов по степени близости их друг к другу. При этом авторы различных классификаций, призванных отразить план природы, установленный Творцом, и постичь его замыслы, обсуждали не реальные, а идеальные причины сходства или родства организмов. Для этого выявляли связи между группами, объединёнными во всеобщую иерархию соподчиненных таксонов, и выясняли степень близости их друг к другу по морфологическим признакам.

Впервые такая система появилась в 1759 г. у Б. де Жюссье, расположившего около 800 родов растений на грядках ботанического сада Трианон в Версале по признакам их естественного сходства в 65 порядков. Эта попытка понять «истинную природу» растений увлекла его племянника А.-Л. Де Жюссье, издавшего каталог Трианона и опубликовавшего книгу «Роды растений», в которой он трактовал естественную систему как соблюдение связей, существовавших между растениями (Jessieu, 1789). Для этого царство растений он разделил на классы и порядки (приблизительно соответствующие современным семействам), располагая в восходящем порядке водоросли, грибы, мхи и папоротники, одно- и двудольные. Далее ряд был разбит на несколько мелких, взаимно подчиненных групп, в конце каждого из них помещались промежуточные формы. Классы были объединены также в три группы: бессемядольные, однодольные и двудольные. Жюссье задумывался об отборе критериев, которые использовал при распределении растений по естественным группам, подчеркивая необходимость выявлять наиболее характерные и постоянные признаки и устанавливать их субординацию и корреляцию друг с другом.

В книге «Семейства растений» французский ботаник М. Адансон (Adanson, 1763—1764) использовал при их классификации принцип количественного подсчёта признаков на основе сличения 65 искусственных систем как необходимую предпосылку для выявления естественных систем. Числом совпадений большого числа анализируемых структур растений (корней, побегов, листьев, цветов, плодов и т. д.) он определял степень близости таксонов. Его идея определения таксономической важности признаков путем их сравнительного анализа положила начало применению математических методов в систематике и стала основой современных нефилогенетических систематик (нумерической, фенетической и др.) (Боркин и др., 2004).

Одновременно предпринимали другие попытки отобразить выявленные связи между отдельными группами, объединяя их во всеобъемлющую иерархию ступенчатых градаций. Возрождая «лестницу существ» Аристотеля, швейцарский натуралист Ш. Боннэ (Bonnet, 1764) в книге «Созерцание природы» предложил расположить все тела природы от минералов до человека с учетом усложнения их строения в виде единого восходящего ряда — «лестницы существ», где все объекты связаны между собой незаметными переходами и образуют единую непрерывную «цепь тел» от одноклеточных организмов до Бога. Графическое изображение соотношений между организмами в виде восходящего ряда или таксономических карт увлекло многих естествоиспытателей (Павлинов, Любарский, 2011, с. 63—72). Многие из них отказывались от идеи линейного расположения организмов лестницей. Например, итальянский натуралист В. Донати соединял их в виде сети (Donati, 1750), а сам Линней предлагал для этого географическую карту.

Паллас также отказался от однолинейного расположения организмов и предложил для установления «истинного родства» руководствоваться «всем строением и развитием организма». Это проявилось в его классификации зоофитов, так тогда называли губок и коралловых полипов. В первой главе «О промежуточной природе зоофитов» («De Zoophytorum intermedia natura)» своего знаменитого труда «Elenchus zoophytorum» (Pallas, 1766b) он одним из первых в естественной истории высказался против полного разделения растений и животных по разным царствам, посвятив этому вопросу специальной раздел под красноречивым названием «Natura non facit saltum» («Природа не делает скачков» (Ibid, р. 23—24). Поскольку в отечественной литературе, как правило, цитируют лишь некоторые выдержки из этого раздела книги Палласа, а перевод дают явно в модернистических интерпретациях, целесообразно привести его полностью на латинском языке:

«Natura non facit saltum.

Adeo ubique illustrissimis confirmatum inveniemus exemplis Naturam nunquam saltum facere; imprimis universum corporum organicorum exercitum continua acie disposuisse, arctissimoque affinitatis vinculo, species in Genera, haec in Ordines, Ordinesque in Classes, Classes vero inter se contexuisse; & quidem non superficiariis his & idealibus, quae a nonnullis in Scala Naturae conficienda requiruntur, v.gr. Vespertilionis in alas expansis palmis, Exocoeti elongatis, volaticis pinnis, Castoris palmipedis squamata cauda, similibusque; sed structura, abstractiori habitu, generandi modo, cet. A simplicissimis ordita, organa sensim pro finium ratione mutat & effingit, simpliciori fabricae nova successive inserit, adaptat. Hinc magni *Analogiae* argumenti, quo tamen judiciose utendum est, origo. Hinc varii autores *Scalam* quandam *Naturae* concinnare studuerunt, quae talis nunquam reperietur, qualem *Bradlejus* & *Bonnetus*, volunt. Neque minus bene, imo forte melius in figurae polyedrae, multilocularis areolis juxta se invicem corporum organicorum genera disponi, variique affinitatis gradus exprimi enim possent. Et jam *Donati* judiciose observavit, non in Scalam & seriem continuata

esse, sed in Rete cohaerere Naturae opera. At omnium optime Arboris imagine adumbraretur Corporum organicorum Systema, quae a radice statim, e simplicissimis plantis atque animalibus duplicem, varie contiguum proferat truncum, Animalem & Vegetabilem; Quorum prior, per Mollusca pergat ad Pisces, emisso magno inter haec Insectorum laterali ramo, hinc ad Amphibia: & extremo cacumine Quadrupedia sustineret, Aves vero pro laterali pariter magno ramo infra Quadrupedia exsereret. Hac figura indicaretur simul Corpora *organica*, *brutis* non continua nec affinia esse, sed tantum *insistere* ceu arbor solo. Truncus e principaliori generum, affinium serie confertus, passim pro ramulis exsereret genera, quae istis laterali affinitate juncta interseri tamen non possunt.

Verum haec obiter hic dicta sunto. Ad propositum pergendum est, Zoophytorumque ordo specialiori pertractatione illustrandus».

Принцип «Природа не делает скачков» был выдвинут немецким философом, математиком и естествоиспытателем Г.В. фон Лейбницем и затем не раз его повторяли основатели униформизма и градуализма, включая самого основателя эволюционной идеи в биологии Ч. Дарвина. Однако, Лейбниц, а вслед за ним и Паллас выдвигали этот принцип в противовес сторонникам безграничного трансформизма, допускавших внезапные превращения организмов. Истоки последнего восходят к трактатам XIII в. «De animalibus» (О животных) и «De vegetalibus et plantis» (О растениях) Альберта Великого, который сообщал о превращении лошадиного волоса в волосатика и описывал таких «животных», как единорог, пегас, русалки и т. д. (подробнее см.: Колчинский, 2002, с. 42—48).

В отличие от сторонников внезапных превращений форм Паллас констатировал3:

«Мир органических тел расположил [свое] воинство непрерывным рядом и соединяет теснейшими узами родства виды в рода, последние в отряды, отряды в классы, классы же между собой; и притом не поверхностными и идеальными [связями], каковые вслед за другими нужны, чтобы составить Лестницу природы, например: летучие мыши, распростирающие лапки в крылья, удлиняющиеся летучие рыбы, летающие перья, бобры с перепонками на лапах и чешуйчатым хвостом, и т. п.; но структурой, более отвлеченным (абстрактным) свойством, способом появления и т. д. Начиная с простейших, [природа] мало по малу меняет и воспроизводит органы сообразно телеологическому (целевому) принципу. Поэтому разные авторы посвятили себя приведению в порядок этой Лестницы природы, которая никогда не будет найдена, как этого хотят Брадлей и Боннет» (Ibid, р. 23).

Отказавшись не только от сальтационистского, но и от всеобщего телеологического трансформизма, имплицитно подразумеваемого в Лестнице существ, Паллас обращается к поиску более адекватного способа графического изображения живой природы. Он полагает, что лучше было бы «расположить рода органических тел в форме многогранника, на площадках со многими ящичками рядом друг с другом, что позволило бы реально выразить разную степень близости». Ему симпатична мысль В. Донати о том, что «творения Природы продолжаются не в виде Лестницы или ряда (вереницы, цепи), но объединяются в Сеть». Однако и эта схема не кажется ему удовлетворительной, и он утверждает:

«...Лучше всего Систему органических Тел можно представить в виде Дерева, которое сразу от корня выбрасывало бы раздвоенный ствол из простейших растений и животных, попеременно сближающихся друг с другом — Животные и Растения; из них первый побег от

 $^{^3}$ Перевод на русский язык, который дается в статье, был подготовлен в 1996 г. при помощи Ю.Х. Копелевич, а в этом году — М.В. Лоскутовой и Л.Я. Жмудя.

Моллюсков шел бы к Рыбам, выбросив между ними большой боковой сук Насекомых, отсюда к Земноводным; и как бы поддерживал на самой вершине Четвероногих. Точно также под Четвероногими [ствол] уходил бы большим суком вбок к Птицам. В то же время этой фигурой показали бы, что органические тела не продолжают и не состоят в родстве с неодушевленными (минералами), но лишь покоятся на них, как дерево на земле. Ствол, состоящий из более главного (коренного) ряда родственных родов, там и сям выбрасывал бы роды вместо ветвей, боковое родство между которыми, однако, установить невозможно.

Однако пусть здесь мимоходом будет сказано об этом. Нужно идти дальше к основной теме и разъяснить в более подробном (частном) исследовании отряд Зоофитов» (Ibid, p. 23—24).

Из цитированного текста видно, что Паллас, критиковавший сальтационный трансформизм и Лестницу существ, не удовлетворился и многогранной схемой классических трех царств природы, а предложил графически изобразить животные и растения в виде двух разделившихся стволов, в основании которых находятся зоофиты, опирающиеся на царство минералов, которые служат почвой для всего органического мира. Сейчас трудно установить, кто подменил рассуждения Палласа о сходстве и родстве (т. е. свойстве) крупных таксонов в виде не связанных друг с другом сучьев на раздвоенном стволе древа жизни, имеющего лишь общий корень, приписав ему создание графической системы ветвящегося дерева, да ещё придав ему генеалогическое значение, и стал рассматривать этот отрывок как предвосхищение филогенетического древа.

Сам Паллас не повинен в подобных трактовках и не имеет никакого отношения к приписываемому ему «генеалогическому древу». Самого рисунка древа Палласа, более ста лет кочующего из одной книги в другую по истории эволюционной идеи, ни в этой, ни в других его трудах никогда не было. И тем более он не мог его интерпретировать в духе единства происхождения всех видов. Напротив, его возражения против идей Бонне было бы правильнее рассматривать как отрицание идеи трансформации всех форм в направлении совершенствования функций и возникновения приспособительных признаков. Совершенство, по Палласу, было возможно только в рамках отдельных групп — такие взгляды были характерны и для других сторонников одной из форм креационизма — бараминологии⁴.

Как и для других его современников, для Палласа его рассуждения имели сугубо инструментальное значение для удобства классификации таксонов в понятийном пространстве естественной истории, а не для расположения во времени. Поэтому А.К. Сытин (1997, с. 20) был прав, возражая против сравнения «древа Палласа» с филогенетическими построениями Э. Геккеля. Из приведенного фрагмента видно, как мучительно Паллас ищет подходящий образ: он начинает с многогранника, потом говорит о «сети» и наконец произносит слово «древо», которое у него выглядит не как буйно ветвящееся «древо жизни», а как все те же лестницы существ растений и животных, на которых по степени достигнутого совершенства развешаны созданные независимые друг от друга крупные таксоны — в их пределах идет трансформация форм на пути к совершенству. Явно испытывая неудовлетворение и этим образом, Паллас стремится поскорее перейти к обсуждению конкретных проблем систематики зоофитов.

⁴ Бараминология — учение о сотворенных родах, допускавшее существование холобараминов, то есть групп, в которых все организмы происходят от общих предков (созданных Богом). В бараминологии классификационные группы обозначают термином «барамин», созданного путём комбинации двух ивритских слов «творить» и «род». В самом иврите такая комбинация не употребляется.

При этом у палласовского образа Древа фактически нет никаких генеалогических коннотаций. Это скорее воспроизведение мифологического древа жизни как некой особой субстанции, возникшей на заключительном этапе космогенеза и составляющей внутренний смысл и цель устройства космоса в целом и органического мира в частности.

Следует заметить, что в том же году французский садовод А. Дюшен (Duchesne, 1766) высказывал идеи о генеалогической преемственности видов и о необходимости изображать их связи не прямой линией, а в виде «генеалогического дерева». Позже появились и другие модели расположения организмов: параллельными рядами (Ф. Вик д' Азир), единого плана строения (И.В. фон Гёте, Л. Окен и др.). Никто из них не был эволюционистом, а трансформистские построения некоторых из них явно носили натурфилософский характер, как и весьма туманные высказывания Палласа в 1772 г. в статье об уродливом поросёнке о возможности образования новых видов путём накопления в ряде поколений отклонений в строении (цит.: Кёппен, 1895, с. 5—6). Следует отметить, что в этот период он в основном работал с музейными коллекциями и практически не имел возможности полевыми наблюдениями подкрепить рассуждения о причинах появления родственных видов в результате уродств (Irthümern).

Полевой исследователь

В 1766 г. Санкт-Петербургская Академия наук и художеств избрала Палласа своим действительным членом, и после некоторых колебаний он прибыл в Россию. Будучи назначен заведующим Натурального кабинета Кунсткамеры, Паллас получил возможность исследовать хранящиеся в нем ископаемые останки носорогов, буйволов и мамонтов, найденных в Сибири (Канаев, 1962). Он измерил, дал точное описание и изображение их черепов, рогов, зубов и других костей, сравнив с некоторыми аналогичными органами современных организмов (Pallas, 1769).

Славу блестящего натуралиста, прокладывавшего новые пути в систематике животных, Паллас умножил в 1768-1774 гг., возглавляя экспедицию в центральные губернии, районы Поволжья, Урала, Западной Сибири, Алтая и Забайкалья. Многолетнее путешествие Палласа не раз было предметом специального анализа, начиная с работ Ж. Кювье (1860), А.А. Солнцова (1876) и В. Маракуева (1877), давшего подробное изложение его путевого дневника, и кончая архивными изысканиями безвременно ушедшего В.Н. Осипова (Научное ..., 1993). О вкладе Палласа в изучение отдельных регионов Российской империи писали биологи, географы, краеведы (Кудрявцев, 1935; Ефремов, 1959; Окрокверцова, 1962; Пузанов, 1974; Муравьев, 1977; Орловский, 1991; Архипова, 2001; и др.). Здесь следует подчеркнуть роль этих экспедиций в формировании позиции Палласа по исследуемому вопросу. Это научное предприятие, как и предшествовавшая ему Вторая Камчатская экспедиция, оказалось беспрецедентным по масштабу и значимости результатов. В нём окончательно сформировался в России специфический тип учёного, который Л.Я. Боркин назвал «универсальным странствующим натуралистом» (Боркин, 2001, с. 24). Паллас на многие годы был оторван от привычных условий и вынужден повседневно решать сложные задачи, преодолевая препятствия не столько со стороны природы, сколько властей и населения России. Десятки тысяч верст покрывались в жару под палящем солнцем или в сильные морозы, в проливной дождь или метель. Ночевать приходилось в кибитках, палатках, землян-

ках. Не раз отряд был буквально на краю гибели. Вот как описывал Паллас путешествие в горах Алтая: «Места столь дикие и опасны, что в самую лучшую пору на лошадях проехать надобно, а в некоторые горы взбираться пешком и лошадь вести на поводу, дабы стремительно с камнем вниз не свернуться». Да и лошадей было трудно достать. Рассказывая о своём путешествии по Восточной Сибири, Паллас сетует, что лошади были столь слабы, что приходилось останавливаться через каждую версту и давать им отдохнуть, а вечером, когда их распрягли, большинство лошадей упали сразу же. В итоге утром путешественники обнаружили, что из 21 лошади 11 сдохли, и на пиршество слетелись громадные стаи ворон, которых удалось разогнать только выстрелами. Другие лошади, присланные через несколько дней, также были, по словам Палласа, лишь кожа и кости, правда, без отдыха и кормежки они могли идти уже около шести верст. Паллас нередко оказывался в местах, население которых враждебно относилось к посланным правительством экспедициям. Кочевые народы были склонны к грабежам и захвату заложников, господствовали разбойничьи шайки, свирепствовали опасные эпидемии. К тому же в Поволжье бушевал пожар пугачёвского бунта, астроном академик Г. Ловиц, захваченный мятежниками, был сначала посажен живьём на кол, а затем повешен на виселице, чтобы, по словам Е.И. Пугачёва, ему удобнее было наблюдать за звёздами. В отряде Палласа от цинги умер чертёжник П. Шумский. Другой его спутник заболел лихорадкой, у третьего (Н. Дмитриева) наблюдались признаки психического расстройства, а егерь был покалечен лошадью. Сам Паллас несколько раз болел дизентерией, страдал хроническим колитом, у него постоянно были воспалены глаза. В Петербург он вернулся совершенно измождённым и седым, а ему было только 33 года.

Несмотря на все невзгоды и трагедии, отряд Палласа изо дня в день упорно продвигался по намеченному маршруту. Обладая энциклопедической подготовкой, Паллас ежедневно записывал разнообразные сведения, относящиеся к разным областям естественной истории: делал многочисленные сборы растений, животных и минералов; упаковывал образцы; изготовлял чучела и вёл дневник путешествия. Путешествие имело огромное практическое значение, помогая правительству узнать природные богатства и биологические ресурсы Сибири и Алтая, которые до этого почти не были известны. Собранные коллекции отсылали в Петербург, а многие образцы до сих пор хранятся в различных музеях мира.

Продолжая традиции натуралистических флоро-фаунистических исследований, заложенные И.Г. Гмелиным и Г.В. Стеллером, Паллас, его ученики и помощники за шесть лет собрали уникальный материал по зоологии, ботанике и палеонтологии. Первые результаты экспедиции в виде дневника путешествия были опубликованы в трёх томах на немецком языке (Pallas, 1771–1776). Уже здесь было описано более 250 видов животных, в том числе десятки новых видов, включая азиатских ослов — джегетая и кулана (*Equus hemionus*), дзерену или зобастую антилопу (*Gazella gutturosa*), дикого кота — манула (*Felis manul*) и т. д. Во многих публикациях, посвящённых итогам флорофаунистических исследований Палласа во время экспедиции, не раз отмечали, что в отличие от обычных зоологических работ того времени это не был сухой перечень видов и их внешних признаков (Rudolphi, 1812; Baer, 1831; Carus, 1872; Кювье, 1860; Соколов, Парнес, 1987). Точность наблюдений и описаний Палласа подтвердили все последующие поколения путешественников.

Он приводил сведения об ареале животных, их сезонной и географической изменчивости, миграциях, питании, поведении. При описании области распространения животных Паллас нередко высказывался о физико-географических факторах их рас-

селения. Такой подход к изучению организмов дал основание видеть в трудах Палласа зарождение идей биогеографии, экологии, и представления об абиотических факторах эволюции. Иногда Паллас не только описывал внешний вид, образ жизни млекопитающих, но и говорил о возможности их одомашнивания и использования в животноводстве. Новаторский подход Палласа особенно ярко проявился в его монографии о грызунах (Pallas, 1778a), в которой при описании отдельных видов учитывались биология, поведение, физиология. В последние годы жизни Паллас был занят подготовкой фундаментального труда по фауне России, который до начала XX в. оставался главным трудом о животных России (Pallas, 1811—1831).

Паллас зарекомендовал себя и как первоклассный ботаник в монографиях о бобовых (род астрагалов) (Pallas, 1801—1803) и особенно в незаконченной им сводке растений России «Flora Rossica» (Pallas, 1784—1788), о которых подробнее рассказано А.К. Сытиным (2004). Для современной же науки непреходящую ценность имеет тот факт, что Паллас описывал природу России, до того когда она испытала силу «преобразующего» воздействия человека и её области обильно населяли виды, многие из которых, например тарпаны, исчезли буквально через несколько десятилетий. В 1890 г. профессор А. Неринг утверждал, что только благодаря описаниям Палласа степей Восточной России и Сибири мы знаем, «как оно было 120 лет тому назад» (цит. по: Кёппен, 1895, с. 8). Очевидно, что в прошедшие после этого высказывания следующие 120 лет значимость работ Палласа для познания экосистем, фактически исчезнувших в результате коллективизации, индустриализации, «освоения целинных земель» и модернизации, многократно возросла.

В трудах Палласа «Flora Rossica» и «Zoographia Rosso-Asiatica» нашла частичное отражение высказанная им ранее идея о расположении животных и растений не в форме восходящего ряда, а ветвящегося древа (Pallas, 1784—1788;1811—1831). Так, «таволговая порода», куда кроме собственно рода Spiraea включают сейчас и позднее установленные роды — Sibiraea, Sorbaria и Filipendula, интересовала его в значительной степени как пример «истинного родства», то есть полиморфной естественной группы. Методологию классификации объектов по принципу «истинного родства» П.С. Паллас использовал при подготовке «Сравнительных словарей всех народов и наречий, собранных десницею Всевысочайщей особы. Отделение первое, содержащее в себе Европейские и Азиатские языки» (Linguarum ..., 1786). Этот проект, выдвинутый Г.Л.Х. Бакмейстером, был поддержан Екатериной II, увлечённой в то время идеей моногенеза языков мира и предполагавшей, что создание всеобщего глоссария позволит открыть язык-предок. Вопреки намерению инициаторов проекта словарь фактически опроверг эту идею. Напротив, в расположении языков сказывалось не всегда последовательное стремление сгруппировать языки, близкие друг другу. Для 285 русских слов, выписанных в заголовки, были приведены соответствия на 200 других языков (51 европейских и 149 азиатских), каждый из которых имел постоянный номер. Вначале шли славянские языки, далее, как правило, группировали также родственные языки (романские, германские, угро-финские, тюрские, семитские с разделением еврейского и жидовского языков, т. е. иврита и идиша, и т. д.). Все слова были даны в русской графике, служащей средством практической транскрипции. Столь своеобразный поиск генетического родства не случаен. Здесь очевиден след опыта Палласа-натуралиста, отрицавшего моногез царств природы и располагавшего таксоны животных и растений в виде параллельных стволов, от которых отходят родственные формы, не связанные с другими единством происхождения.

Важно подчеркнуть, что экспедиция по бескрайним просторам Российской империи в разных климатических зонах окончательно сформировала Палласа как натуралиста-энциклопедиста, владевшего современными для того времени методиками изучения животных и растений. Он смог, как и другие российские естествоиспытателипутешественники до него — Г.В. Стеллер, И.Г. Гмелин, С.П. Крашенинников и др., на практике убедиться и в большой географической изменчивости организмов, не выходящей однако за рамки внутривидовой. Наблюдая изменчивость организмов и ареалы близких видов, он не раз убеждался, что никогда воздействие физико-географических факторов не было столь велико, чтобы привести к преобразованию какого-либо вида в другой. Всегда ареалы близкородственных диких видов были четко разграничены, и в природе он не встречал гибридные формы.

Еще более убедительные факты о неизменности видов во времени дала его знаменитая находка на р. Вилюй в зоне вечной мерзлоты трупа целого носорога, покрытого шерстью (Pallas, 1773). Её описание Палласом стало сенсацией в научном сообществе Европы, так как впервые был обнаружен труп древнего млекопитающего, сохранившегося целиком и не оставлявшего ни малейшего сомнения в его отличиях от современных носорогов. В этом Палласа убеждали и останки двурогого носорога (Coelodonta antiqitatis Bl.), полученного им в Иркутске в марте 1772 г. Изучение других палеонтологических находок во время путешествия дало возможность Палласу высказаться в пользу гипотезы о том, что останки ископаемых принадлежали видам животных, погибшим во время потопа и принёсенных водой с юга (ibid, р. 607-609). Однако не верность Священному писанию побуждала его к таким выводам, а многочисленные находки ископаемым останков мамонов, носорогов, бизонов или туров, перемешанные часто с костями крупных рыб и мелкими кальцинированными «песчанками» (моллюсками). В рапорте в Академию наук от 10 сентября 1771 г. Паллас сообщал: «...вопреки моему прежнему мнению о погребенных слоновых костях, я начинаю склоняться к тому, что в действительности все эти останки следует приписать большим наводнениям» (Научное ..., 1993, с. 176).

В то же время громадное разнообразие доместицированных животных и культурных растений явно свидетельствовало о том, что человек на протяжении многих тысячелетий мог изменить важные видовые признаки, преодолеть стерильность гибридов и, по существу, создать новые виды. Это побудило Палласа впервые ясно поставить вопрос о принципиальных отличиях в целостности и устойчивости диких и домашних форм.

Протагонист катастрофизма и креационизма

В историю эволюционизма вошли две речи Палласа, произнесенные в Торжественном собрании Академии наук в 1777 г. и в 1780 г. В первой из них «Естественнонаучное наблюдение над образованием гор и над изменениями, происшедшими на Земном шаре и в частности в отношении Российской империи» (Pallas, 1778b) была предложена оригинальная гипотеза о длительной истории Земли, строении и происхождении ее гор⁵. Внимательное изучение строения Уральских гор и Алтая позволило

⁵В 1976 г. крупнейший отечественный историк науки Б.П. Высоцкий выполнил детальный анализ этой речи П.С. Палласа и её роли в формировании основных направлений современной геологии, В связи с этим лишь кратко напоминаем её содержание.

ему установить, что ось их составляют граниты, первичные породы, покрытые сланцами без ископаемых остатков животных и растений. За ними следовали породы вторичной формации — известняки, образованные морскими осадками и богатые окаменелостями. Сверху находятся слои третичной формации — песчаник, красные глины с растительными остатками, окаменелые животные и кости крупных млекопитающих. Эти породы, по мнению Палласа, образовались по мере того, как море, покрывавшее большую часть России в геологическом прошлом, отступало от гранитных островов. Это побудило его выдвинуть идею о длительной истории Земли, о преобразовании её поверхности под влиянием вулканических извержений, воздействия воды, процессов выветривания и т. д. Его рассуждения не ограничивались только российской территорией, но касались истории и преобразования горных систем Америки, Африки, Центральной Азии, Северной Европы и др.

Ведущую роль в изменении поверхности и строении гор Паллас однозначно отводил мощным, внезапным и глобальным катастрофам. В то же время, как выше уже отмечалось, он признавал многократность подобных событий и призывал не ограничиваться поиском какой-либо отдельной причины, а соединять разные гипотезы при изучении разных слоев. По его мнению, в разные периоды истории Земли ведущую роль играли разные геологические процессы. Вначале это был подземный вулканизм, в дальнейшем глобальные потопы. Третичные же слои он считал продуктами новых катастроф, изученных очень плохо. В споре сторонников плутонизма и нептунизма Паллас ратовал за утверждение комплексного подхода и считал очевидным, что «природа употребляет весьма разнообразные способы для образования и передвижения гор, и для произведения других явлений, изменивших земли» (ibid, p.4). Эта гипотеза, лежавшая в русле доминировавшего тогда катастрофизма, выходила, однако, за пределы библейского истолкования геологического прошлого. По признанию многих естествоиспытателей, включая Ж. Кювье, она заложила основы стратиграфии и, по существу, дала начало «всей новейшей геологии. Де Соссюр, Делюк, Вернер уже отправлялись от этого факта, чтобы дойти до настоящего понятия о строении земли, — понятия столь отличного от фантастических идей прежних писателей» (Кювье, 1860, с. 1035). В значительной степени благодаря Палласу в России был популярен нептунизм, положенный в основу первого учебника по геогнозии на русском языке (Севастьянов, 1810)6. Образное же сравнение Палласа пластов Земли с книгой, листы которой составляют ее историю, впоследствии не раз повторялось в трудах Ч. Лайеля, Ч. Дарвина и др., так как точно выражало суть геохронологии как летописи геологического прошлого.

Как справедливо отмечал Б.П. Высоцкий, эта речь Палласа опровергает мнение о том, что в 1770-х гг. Паллас был «сугубо осторожен» в своих выводах и учитывал «противоборство реакционной среды» (Высоцкий, 1976, с. 62). Напротив, его воззрения, по мнению Высоцкого, по вопросам образования гранитов, сланцевых формаций, биостратиграфии, поднятия и опускания гор, метаморфизации осадочных пород, цикличности геологической истории, а также широкое использование актуализма и биостраномического метода шли вразрез с доминировавшим тогда церковными догмами. Немало общего установил Высоцкий между воззрениями Кювье и Палласа (там же, с. 62–63). В их числе идеи: об актуализме и биостратономии как методах познания геологического прошлого; о крупных частных катастрофах, уничтожавших жизнь на больших территориях; об убежищах, где во время катастроф выживает часть организмов, виды

⁶Об этом учебнике см. подробнее: Е.Ф. Бурнштейн (2011, с. 108–110).

которых неизменны; о вулканизме и наводнениях как главных причинах «переворотов» на поверхности Земли и невозможности этих грандиозных изменений путём постепенного суммирования мелких изменений на протяжении миллионов лет. Всё это свидетельствует о том, что Кювье не только хорошо знал труд Палласа, о чём он писал во введении к «Исследованиям ископаемых костей» в 1812 г., но и активно использовал в формировании собственной теории катастроф.

Свои взгляды на возможность трансформации видов Паллас изложил 19 сентября 1780 г. на торжественном заседании Императорской Академии наук и художеств (Pallas, 1784). Её новый перевод, отредактированный мной, публикуется ниже, и каждый может убедиться, что говорил Паллас в этой знаменитой речи, а что приписали ему впоследствии интерпретаторы⁷. Мне бы хотелось отметить следующее. Критикуя «странные», по его мнению, идеи Ж. Бюффона об образовании новых видов под влиянием изменений климата, пищи, почвы и предположения К. Линнея о гибридогенном возникновении некоторых видов в природе, Паллас, по существу, впервые систематически изложил доводы против самой идеи трансформации видов. Его аргументы составили основу биологического креационизма и их впоследствии не раз приводили в своих трудах Ж. Кювье в 1812 г., Ч. Лайель в 1832 г., Ж.Л. Агассис в 1859 г. а также другие выдающиеся креационисты XIX в., опровергая учение Ж.-Б. Ламарка. По существу, не добавили к ним ничего нового и современные апологеты «научного креационизма» или концепции «разумного замысла» (Numbers, 2006).

Более 200 лет тому назад Паллас отметил: 1) трудности появления межвидовых гибридов в природе и их бесплодие; 2) изменяемость только внешних признаков (волосяной покров, окраска, размеры и пропорции рогов и т. д.) под влиянием факторов среды; 3) исчезновение появившихся изменений при скрещивании их носителей с исходными формами или при возвращении прежних климатических условий; 4) постоянство признаков многих видов животных, обитающих на громадных территориях с различным климатом (степной сурок, деревенская ласточка, ослы, рыбы, насекомые), да и самого человека, которого Паллас воспринимал как единый вид; 5) отсутствие переходных ископаемых форм; 6) устойчивость многих видов в условиях доместикации (кошка, северный олень, верблюд, свинья) и невозможность вывести новые породы путём особого ухода.

Приводя большое количество данных об устойчивости видов, Паллас показал механизмы, препятствующие скрещиванию особей разных видов. Он указывал на малую вероятность появления межвидовых гибридов в природе из-за различий в поведении и сроках размножения разных видов. Даже возникнув, гибридные формы, как правило, бывают бесплодны и не имеют потомства. Новые же признаки исчезают при скрещивании изменившихся организмов с исходными видами. Устойчивость видов, по мнению Палласа, поддерживается влиянием «неких генеративных сил», которые уравновешивают трансформирующее влияние климата и пищи и противодействуют деградации видов. Он был убежден, что «происхождение видов путем изменений под каким бы то ни было влиянием невозможно и следует признать, что для всех видов, которые нам известны как обособленные, установлен один порядок и одно и то же время их появления» (ibid, р. 100—101). Он напомнил об ископаемых останках носорога, гигантского

 $^{^{7}}$ Эта речь, написанная немцем на французском языке XVIII в., доступна немногим современным российским биологам. А.В. Самокиш взяла на себя огромный труд по её переводу (см. настоящий журнал, с. 72-87).

быка, мамонта, и особенно рыб и моллюсков, и был уверен, что большинство ископаемых животных принадлежат к современным видам. «...Раковины, ископаемые скелеты животных, — подчеркивал Паллас (ibid, p. 75), — которые залегают в пластах, образовавшихся в ранние периоды существования живой природы на земном шаре, показывают те же вариации, те же формы, которые мы и сейчас можем найти живыми». Исключение он делал только для животных, погибших во время потопов.

В то же время Паллас привел немало фактов о громадной изменчивости домашних животных и культурных растений, о возможности преодоления бесплодных гибридов в условиях культуры. Он отмечал широкие возможности межвидовых скрещиваний в формообразовании пород домашних животных и сортов культурных растений. Паллас впервые предложил гипотезу о происхождении многих домашних животных (коз и овец, особенно собак, а также гусей, уток, кур, голубей) от разных диких предков. Отмечая большое разнообразие пород собак, Паллас высказал предположение, что в их формировании первоначально участвовали разные виды семейства псовых (волк, шакал, лисица), и даже, возможно, семейства гиеновых. Допуская возможность происхождения некоторых видов от различных предков, Паллас был уверен, что основное разнообразие живой природы на Земле было заложено при Творении.

Не отрицая сильное влияние климата, пищи, условий содержания на изменяемость доместицированных форм, Паллас всё же отводил им второстепенную роль в формировании разновидностей или близкородственных видов. Более того, он приходил к выводу, что некие генеративные силы исходных форм животных сопротивляются воздействию климата и питания, «удерживая виды от изменений и деградации. Если же имеет место некоторое уклонение или некое дополнительное наследственное влияние, примеры чего нередки, то природа свободно тотчас вступает в свои права и восстанавливает первоначальную форму, как ни старались бы люди сохранить у домашних животных измененную таким образом породу, подбирая пары и закрепляя во многих поколениях новый тип» (ibid, р. 99). Более того, он подчеркивает не раз, что подобные изменения «никогда не могли бы произойти с дикими видами, у которых вариации слишком редки, чтобы таким образом встречаться» (ibid). Весьма актуально звучит и его вывод о том, что «инстинкт самок, который их заставляет обыкновенно предпочитать самцов наиболее сильных, мужественных и совершенных, способствующих с прекрасными самками сохранению вида в той форме внешности, которую самцы, образно говоря, преувеличивают» (ibid). Здесь очевидно, что проблемы гибридизации, механизмов изоляции и их преодоления, половой отбор, поиск подходящего партнера для размножения мутантной формы, влияние климата и т. д., приобретшие особую значимость в рамках эволюционной теории, уже тогда волновали Палласа, и предложенный им дискурс их обсуждения остается актуальным и в наши дни.

Важно, что огромный и разнообразный материал, приводимый Палласом в этой речи, был в значительным степени результатом его собственных многолетних наблюдений. Никто до него не видел столько диких и доместицированных видов. Приходится только сожалеть, что он не реализовал свое намерение подготовить обещанное им в конце речи обширное сочинение с целью обоснования и развития своих оригинальных идей и аргументов.

Итак, Паллас последовательно высказывал мысль о постоянстве видов, и не удивительно, что его речь не раз служила источником аргументов для отечественных критиков дарвинизма К. Бэра и Н.Я. Данилевского. Однако при этом он всецело опирался на ресурсы науки своего времени, и мы не обнаруживаем следов воздействия на его позицию социальных факторов, а тем более желания приспособиться

к воззрениям правящей элиты России. Более того, на протяжении всего жизненного пути Паллас не раз доказывал, что в вопросах науки он никогда не шёл на компромиссы, твердо отстаивая свои взгляды, даже если они неугодны всему мировому научному сообществу или руководству Академии наук и художеств, как это было в случае с В.Ф. Зуевым в 1783 г., когда Паллас вступил в конфликт с директором Академии и близким другом Екатерины II Е. Дашковой, запрещавшей Зуеву преподавать в Учительской семинарии. До конца неизвестны причины внезапного отстранения Палласа от дел в 1792 г., в том числе от обучения цесаревича Александра и великого князя Константина, но возможно и здесь сказалась его неуступчивость в принципиальных вопросах. Хотелось бы подчеркнуть, что его доводы, направленные против идеи наследования приобретённых признаков по существу благоприятствовали позднее возникновению селекционизма, особенно неодарвинизма. Огромный материал по внутривидовой изменчивости и гибридизации домашних животных стал аргументом в пользу будущих эволюционных концепций. Его палеонтологические работы и широкое применение сравнительно-анатомического метода в зоологии также способствовали утверждению эволюционного подхода к живой природе. Не случайно во второй половине XIX в. при обосновании теории естественного отбора Дарвин не раз обращался к этой речи Палласа, заимствуя именно у него, а не у Бюффона и Линнея, многие факты об изменчивости и гибридизации организмов. Так, противник трансформизма Паллас благодаря точности своих данных и рассуждений сделал для победы идеи эволюции в биологии больше, чем авторы необоснованных суждений в пользу преобразования видов.

Аналогичная история произошла и с трудами Ж. Кювье — большого почитателя и практически последователя Палласа. На следующий год после смерти Палласа он выпустил в свет знаменитый, прекрасно иллюстрированный четырехтомный труд об ископаемых животных (Cuvier, 1812), во введении к которому в более систематической форме и на обширном палеонтологическом материале были повторены основные аргументы Палласа в пользу неизменности видов и смены ископаемых в результате наводнений катастрофического масштаба. В 1825 г. это введение было напечатано отдельной книгой «Рассуждение о революциях на поверхности Земного шара» и вскоре переиздано во многих странах, включая Россию (Кювье, 1840). Эта книгу считают классической в биологии, связывая с ней оформление теории катастроф и креационизма как научных концепций исторической геологии и биологии в первой половине XIX в. Сам Кювье воспринимал Палласа как протагониста этих двух направлений теоретической мысли в историческом естествознании и посвятил ему в 1813 г. похвальную речь, вошедшую в его сборник похвальных речей (Cuvier, 1819) и позднее переведенную на русский язык (Кювье, 1860).

* * *

Источники теоретических воззрений Палласа, развивавшихся в сложном социально-культурном контексте науки эпохи Просвещения, следует искать в философских, теологических и естественно-научных трудах Г.В. Лейбница, И. Ньютона, И. Сваммердама, Ф. Реди, а не в трансформистских рассуждениях К. Линнея и Ж. Бюффона. Почти полтора века тому назад Н.А. Северцов писал: «По своей многосторонности Паллас напоминает энциклопедических ученых древности и средних веков; по точности и положительности, это ученый современный, а не XVIII века...» (цит. по: Маракуев, 1877, с. 29). Эта оценка актуальна и в начале XXI в.

Искореняя из биологии остатки наивного трансформизма и формулируя креационистские положения в биологии, он способствовал утверждению концепции реальности вида как полиморфной системы, что в дальнейшем сыграло важную роль в утверждении эволюционной концепции в биологии. Обширная территория России с ее разнообразным климатом давала ему возможность изучить органическое разнообразие в различных экосистемах и анализировать удивительную приспособленность органических структур к жизни в различных средах и разных сообществах. Усвоенная Палласом при обучении в Германии склонность к широким теоретическим обобщениям также была важным стимулом к обсуждению дилеммы трансформизма и креационизма. Сочетание же коллекционной работы в Натуральном кабинете Кунсткамеры с натуралистическими исследованиями в многолетних экспедициях позволило Палласу воспринимать вид как реальное, целостное и устойчивое образование. Его позиция позволила многим российским естествоиспытателям сохранить здоровый скептицизм относительно разного рода трансформистских и натурфилософских спекуляций конца XVIII — начала XIX в. Вот почему официальные институты, и прежде всего Императорская Академия наук, долгое время после 1859 г. старались не вмешиваться в дискуссии вокруг учения Ч. Дарвина, разворачивавшиеся прежде всего на страницах общественно-политических и литературных, а не специальных журналов.

В заключение я хотел бы поблагодарить М.В. Лоскутову, И.Я. Павлинова и А.К. Сытина за внимательное прочтение текста и ценные критические замечания. Я признателен также Л.Я. Жмудю, М.В. Лоскутовой и А.В. Самокиш за помощь в переводе латинских и французских текстов Палласа.

Литература

Архипова Н. Пётр Симон Паллас — учёный и путешественник // Наука Урала. 2001. № 29—30. (Декабрь). С. 13—15.

Бонне III. Созерцание природы / Пер. И. Виноградова. СПб.: Иван Сытин, 1792—1796. Кн. 1—4. Боркин Л. Я. Академические «физические» экспедиции (1768—1775) и формирование герпетологии в России // Русско-немецкие связи в биологии и медицине. СПб.: СПБ ИИЕТ РАН, 2001. С. 21—45.

Боркин Л.Я., Литвинчук С.Н., Розанов Ю.М., Скоринов Д.В. О криптических видах (на примере амфибий) // Зоологический журнал. 2004. Т. 83. № 8. С. 936—960.

Бурнштейн Е.Ф. Александр Севастьянов, дважды российский академик: Набросок портрета // Вопросы истории естествознания и техники. 2011. № 2. С. 99—112.

Высоцкий Б.П. Геологические идеи Палласа и теория катастроф Ж. Кювье // Вопросы истории естествознания и техники. 1976. Вып. 3 (52). С. 59–63.

Гайсинович А.Е. К.Ф. Вольф и учение о развитии организмов. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 548 с. *Гайсинович А.Е.* Зарождение и развитие генетики. М.: Наука, 1988. 424 с.

Данилевский Н.Я. Антидарвинизм. Критическое исследование. СПб.: М.Е. Комаров, 1885. Т.1. Ч. 1. XII, 512 с.; Ч. 2. XII, 530, 148 с.; 1889. Т. 2. I, 200 с.

Дарвин Ч. Иллюстрированное собрание сочинений. Т. 7—8: Изменение животных и растений в домашнем состоянии / Пер. П. Сушкина и Ф. Крашенинникова. М.: Изд. Ю. Лепковского, 1909. 622, 175, XLVIII с.

Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. СПб.: Наука, 2001. 568 с.

Ефремов Ю.К. Петр Симон Паллас // Отечественные физико-географы и путешественники / Ред. Н.Н. Баранский. М.: Учпедгиз, 1959. С. 132—145.

История Академии наук СССР. Т. 1 / Гл. ред. К.В. Островитянов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958, 404 с.

История биологии / Отв. ред. Э.И. Колчинский. Вып. 1. М.: Янус-К, 2003. 112 с.

Канаев И.И. О палеонтологических работах П.С. Палласа (к 150-летию со дня смерти) // Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 15. 1962. С. 146—148.

Кёппен Ф.П. Ученые труды П.С. Палласа. СПб.: Тип. В.С. Балашова и К°, 1895. 54 с.

Колчинский Э.И. От естественной истории к современной биологии. Разделы 2.1, 2.2.5, 2.4, 2.5 // История биологии: Методические материалы для подготовки к кандидатскому экзамену. Вып. 1. М.: Янус-К, 2003. 1. С. 63-67, 77-78, 87-103, 104-112.

Колчинский Э.И. Академия наук и становление естественной истории в России // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII—XX веках. Исторические очерки. СПб.: Наука, 2003а. С. 83—116.

Колчинский Э.И. У истоков трансформизма в российской биологии // Эволюционная биология: история и теория. Вып. 2. СПбФ ИИЕТ РАН, 2003б. С. 87—102.

Колчинский Э.И., Смагина Г.И. «Принцип основателя» и становление академической биологии // Журнал общей биологии. 1999. Т. 60. № 5. С. 469—487.

Колчинский Э.И. Неокатастрофизм и селекционизм: вечная дилемма или возможность синтеза? СПб., 2002. 554 с.

Кудрявцев Ф.А. Из истории изучения Забайкалья // Архив истории науки и техники. 1935. Вып. 5. С. 567-569.

Кювье Ж. О переворотах или изменениях на поверхности земного шара в естествоописательном и историческом отношении / Пер. Т. Дымчевича. Одесса: Гор. тип., 1840. 228, XIV S.

Кювье Ж. Похвальное слово П.С. Палласу // Вестник естественных наук. М.: Изд-во МОИП, 1860. Столб. 1021-1044.

Маракуев В. Петр Симон Паллас, его жизнь, ученые труды и путешествия. М.: А.А. Торлецкий и K° , 1877. 214 с.

Мечников И.И. Избранные биологические произведения / Под ред. В.А. Догеля и А.Е. Гайсиновича. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 797 с.

Микулинский С.Р. К.Ф. Рулье и его учение о развитии органического мира. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 355 с.

Микулинский С. Р. Развитие общих проблем биологии в России. Первая половина XIX века. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 450 с.

Муравьёв В.Б. Дорогами российских провинций: путешествия Петра-Симона Палласа. М.: Мысль, 1977. 94 с.

Научное наследие П.С. Палласа. Письма. 1768—1771 гг. / Сост. В.И. Осипов; Пер. с нем. В.И. Осипова и Г.И. Федоровой. СПб.: Тиалид, 1993. 252 с.

Окрокверцова И.А. Путешествия Палласа по России. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1962. 75 с.

Орловский Н.В. Путешествие П.С. Палласа по Самарскому краю // Самарская Лука. 1991. № 1. С. 177—182.

Павлинов И.Я., Любарский Г.Ю. Биологическая систематика: Эволюция идей. М.: Т-во научных изданий КМК, 2011. 667 с.

Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1986. 344 с.

Поляков И.М. Курс дарвинизма. Ч. 1. М.: Учпедгиз, 1941. 408 с.

Полянский Ю.И., Колчинский Э.И., Орлов С.А. Надо ли возвращаться к креационизму? // Биология в школе. 1991. № 4. С. 7-18.

Пузанов И.И. Пребывания Палласа в Крыму: 1794—1810 // Бюлл. МОИП. Отд. биол. 1974. Т. 89. № 5. С. 22—40.

Райков Б.Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Материалы к истории эволюционной идеи в России. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1951. Т. 2. 588 с.; 1952. Т. 1. 471 с.; 1955. Т. 3. 644 с.; 1959. Т. 4. 678 с.

Райков Б.Е. Пётр Паллас // Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Материалы к истории эволюционной идеи в России. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. С. 42—105.

Севастьянов А.В. Геогнозии или наука о горах и горных породах. С присовокуплением наставлений путешествующему геологу, почерпнутых из 4-го тому путешествий гю Соссюра по Альпийским горам... СПб.: тип. при Имп. АН, 1810. 353 с.

Соколов В.Е., Парнес Я.А. Пётр Симон Паллас — основатель отечественной зоологии (к 175-летию издания «Zoographia Rosso-Asiatica») // Вопросы истории естествознания и техники. 1987. № 2. С. 118-127.

Солниов А.А. Паллас в Крыму // Древняя и новая Россия. 1876. Т. 1. С. 279—289.

Сытин А.К. Пётр Симон Паллас — ботаник. М.: KMK Scientific press, 1997. 338 с.

Сытин А.К. «Российская флора» Петра Симона Палласа // Э.И. Колчинский, А.К. Сытин, Г.И. Смагина. Естественная история в России. (Очерки развития естествознания в России в XVIII веке). СПб.: Нестор-История, 2004. С. 106—129.

Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. 488 с.

Adason M. Familles des plantes: contenant une préface historique sur l'état ancien et actuel de la botanique, et une théorie de cette science. Paris: Vincent, Pt. 1. 1763, CCCXXV, 189 p.; Pt. 2, 1764, 640 p.

Baer K.E. von. Berichte über die Zoographia Rosso-Asiatica von Pallas abgestattet an die Kaiserliche Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. Königsberg: Hartungsche Hofbuchdruckerei, 1831. 36 S.

Baer K.E. von. Zum Streit über den Darwinismus // Sankt-Petersburg Zeitung. 1873. № 119.

Baer K.E. von. Über den Zweck in den Vorgangen der Natur. Erste Hälfte. Über Zweckmassigkeit oder Zielstrebigkeit uberhaupt // Reden gehalten in wissenschaftlichen Versammlungen und kleinen Aufsätze vermischten Inhalts. Th. II. St. Petersburg, 1876. S. 49–105.

Bonnet Ch. Contemplation de la Nature...T. 2. Amsterdam: Mars-Michel Rey, 1764. VI, 260 p.

Carus V. Geschichte der Zoologie bis auf Johann Müller und Charl Darwin. München: Oldenbourg, 1872. XII, 739 S.

Cuvier G. Recherches sur les ossements fossiles des quadrupédes. T. 1–4. Paris; Deterville, 1812. T. 1, 278 p.; T. 2. 270 p.; T. 3. 350 p.; T. 4. 351 p.

Cuvier G. Recueil des éloges historiques lus dans les sénces publiques de l'institut royale de France. Paris; Strasbourg: Levrault, 1819. 484 p.

Cuvier G. Discours sur les révolution de la surface du globe, et sur les changements qu'elles ont produits dans le règne animal. Paris: d'Ocagne, 1830. 408 p.

Darwin et al. Eine Geschichte der Biologie in Portraits / Hrsg. I. Jahn & M. Schmitt. München, Verlag C.H. Beck, 2001. Bd. 1. 552 S.; Bd. 2. 574 S.

Donati V. Della storia naturale marina dell'Adriatico... Lettera del Signor dottore Lionardo Sesler intorno ad un nuovo genere di piante terrestri. Venezia: E. Storti, 1750. LXXXI p.

Duchesne A.N. Histoire naturelle des fraisiers: contenant les vues d'Économie réunies à la Botanique et suivie de remarques particuliers sur plusieurs points qui ont rapport à l'histoire naturelle générale. Paris: Dodot, 1766, XII, 324, 118 p.

Jessieu A.-L. de. Genera plantarum secundum ordines naturales disposita, juxta methodum in Horto Regio Parisiensi exaratam, anno M DCC LXXII. Paris, 1789. 499 p.

Kolchinsky E.I. Zu den deutschen Verläufer von Charles Darwin: Die Quellen des Transformismus in der russischen Biologie // Hrsg. I. Kästner, R. Pfrepper. Deutsche im Zarenreich und Russen in Deutschland: Naturforscher, Gelehrte, Ärzte und Wissenschaftler im 18. und 19. Jahrhundert. Bd. 12. Aachen, 2005. S. 273–285.

Kolchinsky E.I. Forschungsreisende im 18. Jahrhundert als Erforscher der Sprachen der Völker Sibiriens und des Urals — Materialien zur Enzyklopädie "Das wissenschaftliche Sankt Petersburg // Hallesche Beiträge zur Geschichte und Ethnologie Sibiriens / Hrsg. Wieland Hintzsche & Joachim Otto Habeck. Halle, 2011 (в печати).

Kolchinsky E.I., Smagina G.I. Zur Rolle der deutscher Wissenschaftler bei der Entwicklung der Biologie in Russland // Europa in der Frühen Neuzeit. Fortschrift für Günter Mühlpfordt. Bd. 3. Aufbrach zur Moderne. Weimar; Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1997. S. 293—312.

Lefévre W. Natural or Artificial Systems? The Eighteen-Century Controversy on Classification of Animals and its Philosophical Problems // Between Leibniz, Newton and Kant. Philosophy and Science / Ed. W. Lefévre. Dordrecht; Boston: Kluwer Academic Publishers, 2001. P. 191–209.

Leuckart R. Die menschlichen Parasiten und die von ihnen herrührenden Krankheiten: ein Handund Lehrbuch für Naturforscher und Ärzte. Leipzig: Winter, 1863. 268 S.

Linguarum totius orbis vocabularia comparativa; Augustissimae cura collecta P.S. Pallas. Sectionis primae. Linguas Europae et Asiae coplexae. Rars prior. Petropoli: Schnoor, 1786. 411 p.

Numbers R.L. The Creationists. From Scientific Creationism to Intelligent Design. Cambridge (Mass.); London: Harward Univ. Press, 2006. IX, 606 p.

Pallas P.S. Dissertatio de infestis viventibus intra viventia, quam pro gradu doctoratus eruditorum examini sumisit. Lugdunum Batavorum, 1760. 294 p.

Pallas P.S. Miscellanea zoologica: quibus novae imprimis atque obscurae animalium species describuntur et observationibus iconibusque illustrantur. Hagae Comitum: apud Petrum van Cleef, 1766a, XII, 224 p.

Pallas P.S. Elenchus zoophytorum sistens generum adumbrationes generaliores et specierum cognitarum succinctas descriptiones cum selectis auctorum synonymis. Hagae Comitum: apud Petrum van Cleef. 1766b. XVI. 17–28, 451 p.

Pallas P.S. De ossibus Sibiriea fosilibus craniis praesertim rhinocerotum atque buffalorum, observationes // Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. T. XIII. 1769. P. 436–477.

Pallas P.S. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. Th. 1–3. St. Petersburg: den Kaiserlichen Academie der Wissenschaften. Th. 1. 1771, VI, 504 S.; Th. 2. 1773. VIII, 744 S.; Th. 3. LIV, 760 S.

Pallas P. Reise durch verschidene Provinzen des Russischen Reichs. Bd 1–3. SPb., 1771–1776. Bd. 3. 445 S.

Pallas P.S. De reliquis animalium exoticum per Asiam borealem repertis complementum observationes // Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. 1773. T. XVIII. P. 579–609.

Pallas P.S. Novae species quadropedum e glirium ordine cum illustrationibus variis complurium ex hoc ordine animalium. Erlangae: Walther, 1778a. VIII, 387 p.

Pallas P.S. Historie obserevations sur la formation des montagues et les changemens arrivés, au Globe, particulierement à l'égard de l'Empire de Russie; par Mr. P.S. Pallas lues le 23. Juin 1777 à l'Assemblée de l'Académie Impériale des Sciences... // Acta Academiae Scientiarum Imrerialis Petropolitanae, 1778b. Pars 1. P. 21–64.

*Pallas P.*S. Memoire sur la variation des animaux; Premiere partie, lue ál' Assemblee publique du 19 Septembre 1780, en presence de Msgr. Le Prince Royal de Russe // Acta Academiae Scientiarum Imrerialis Petropolitanae. 1784. Pars 2. P. 69–102.

Pallas P.S. Flora Rossica seu stirpium Imperii Rossici per Europam et Asiam indigenarum descriptiones et icones: iussu et auspiciis Catharinae II. Augustae: Petropoli: E Typographia Imperialis I.I. Weitbrecht, 1784. Vol. 1. Pars 1. VIII+80 p.; 1788. Pars 2. 114 p.

Pallas P. S. Zoographia Rosso-Asiatica, sistens omnium animalium in extenso Imperio Rossico et adjacentibus maribus observatorum, recensionem, domicilia, mores et descriptiones, anatomen atque icones plurimorum. T. 1–3. Petropoli: Academiae scientiarum, 1811. T. 1. XVIII, 568 p.; T. 2. 384 p.

Rudolphi K.A. Peter Simon Pallas: ein biographischer Versuch; vorgelesen in der öffentlichen Sitzung der Königlichen Akademie der Wissenschaften den 30sten Januar 1812. Berlin: Haude &. Spener, 1812. 78 S.

Wendland F. Peter Simon Pallas (1741–1811) / Materialien einer Biographie. 2 Th. Berlin; New York: De Gruyter, 1992. 1176 S.

Wendland F. Peter Simon Pallas (1741–1811) // Darwin & Co. Eine Geschichte der Biologie in Portraits / Hrsg. I. Jahn & M. Schmitt. München, Verlag C.H. Beck, 2001. Bd. 1. S. 117–138.

Peter Simon Pallas: a creationist or a pre-Darwinian evolutionist? (Long-standing debates about Pallas' evolutionary ideas)

EDUARD I. KOLCHINSKY

Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov, St. Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; ekolchinsky@yandex.ru

A careful analysis of Peter Simon Pallas' work in a cultural and conceptual context of the advancement of science in the second half of the 18th century confirms his commitment to the ideas of catastrophism and creationism. It was Pallas who was the first to summarise arguments against Linnaeus' limited transformism and much more flexible forms of transformism advanced by Buffon. There are no reasons to interpret Pallas' classification of large taxa as a prototype of the phylogenetic tree and to portray him as 'an evolutionist before Darwin', while explaining his creationist statements by suggesting that they were caused by his desire to conform to public expectations. By purging biology of the vestiges of naïve medieval transformism, Pallas championed the idea of a holistic sustainable species, and therefore he anticipated the ways the problem of speciation and evolution would be formulated.

Keywords: Pallas, systematic, palaeontology, evolutionism, catastrophism, creationism, domesticated species

Вклад П.С. Палласа в изучение фауны позвоночных животных Волжско-Камского края

В.И. Гаранин

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; zilant@ksu.ru

Рассмотрены маршрут и зоологические наблюдения Оренбургской экспедиции П.С. Палласа на территории восточной части Европейской России — Волжско-Камскому краю (ВКК) — в 1768—1770, 1773—1774 гг. и вклад её в становление зоологии. Данные о распространении и численности позвоночных животных в последней трети XVIII в. сопоставлены с современным состоянием фауны.

Ключевые слова: Петр Симон Паллас, Волжско-Камский край, фаунистические исследования.

Паллас руководил первым отрядом Оренбургской экспедиции (1768—1774) и неоднократно пересекал территорию Волжско-Камского края (от истоков Вятки и Камы до р. Урал и от Оки до Белой и предгорий Уральского хребта). В 1768 г. 21 июня он вслед за адъюнктами И.И. Лепехиным и И.А. Гильденштедтом выехал из Петербурга через Новгород Великий и Тверь на Москву, где был 4—14 июля. Маршрут отряда Палласа можно проследить по его «дневным запискам», изложенным в томах «Путешествия», по его переписке, составленной В.И. Осиповым (Научное ... ,1993), к сожалению, осветившей только первую половину пути (1768—1771). Использованы статьи, характеризующие экспедицию в разных аспектах В. Маракуева (1877), Вл. Муравьева (1977), И.А. Окрокверцховой (1962). Даты и точки маршрутных исследований подробно приводит А.К. Сытин (1997), уточняя ряд изменившихся географических названий. В кратком обзоре маршрута мы использовали все эти источники (чаще — без конкретных ссылок).

От Москвы, через бывшие столицы двух царств — Владимир и Касимов, отряд достигает западной границы Волжско-Камского края — реки Оки у г. Мурома. Осматривая песчаные острова и отмели Оки, Паллас записывает: «Сии острова наполнены всякими водяными птицами, и сказывают, что иногда заходят до сего места и колпицы в верьх по Оке» (Паллас, 1773, с. 56). Во всех лесах вдоль Оки «находились черные ядовитые змеи с желтыми пятнами на шее и хвосте (Coluber prester)»¹. «....Там растет много черного папоротника (Struthiopteris). Около сей травы охотно водятся вышеупомянутые черные змеи...» (с. 65). Следующие стоянки были в г. Арзамас и на р. Пьяна (19—23 августа), куда заплывает, хотя и очень редко «белая рыбица». Не менее интересны упоминания о сусликах на полях, [т.е. крапчатый суслик (Citellus suslicus Güldenstaedt) к этому времени уже освоил Приволжскую возвышенность], и о хляби (карстовой пещере) близ р. Пьяны с множеством «летучих мышей, которые днем там летают, а к вечеру выбираются оттуда сквозь ход наружу» (с. 90).

Через Саранск (1 сентября) отряд добирается до г. Пензы (9 сентября) и р. Суры, которая, принимая в себя протекающую через город речку Пензу, «снабдевает жителей изобильно рыбою» (с. 116). Из ряда видов рыб Паллас особо выделяет, кроме «белой рыбицы — калинки», «чехоню нарочитой величины» и «фореллу или крошицу» (с. 117).

¹ Само название «*Coluber prester*» относится к обыкновенной гадюке, *Vipera berus* (Linnaeus, 1758). Однако, судя по окраске (желтые пятна на шее), возможно, речь идет об обыкновенном уже, *Natrix natrix* (Linnaeus, 1758), который, в отличие о гадюки, не ядовит.

Выехав из Пензы 15 сентября, Паллас через «пространной Сурской лес» (с. 123) добирается до Симбирска (22 сентября), Мордовского и Чувашского Мелекессов (ныне г. Димитровград) (28 сентября), «Кичуйского шанца» (устье р. Кичуй, правого притока р. Шешмы, где проходила Закамская линия). Отсюда отряд через Алметьево (ныне г. Альметьевск, нефтяной центр Татарстана) и Слободу Бугулминскую выходит на с. Спасское: «Пятаго числа... прибыли в Спасское село, в котором обыкновенно живет прославившийся своими сочинениями, и по заслугам почтения достойный господин Статский советник Рычков; где я по причине ласкового принятия и весьма приятного обхождения оного преученого мужа пробыл до 11 числа сего месяца». «В текущих между горами речками и в Дим [р. Дымка, приток Ика. — $B.\Gamma.$] впадающими, да и в сей реке водится рыба *крошица*, но еще и другая вкусная малая рыба кутема (Salmo lacustris) находящаяся и в Уральских речках. Как сии из гор текущие воды по причине быстрого своего течения не совсем замерзают, то находится там множество водяных кроме России и Сибири нарочито редких воробьев (Sturnus cinclus)» [оляпка (Cinclus cinclus) — ныне редкий вид]. «В таких лесистых странах, в коих речки зимою не замерзают, есть еще малый кроме России почти неизвестный род выдры, которая у торгующих мехами норка (Mustela lutreola) называется и по большой части питается лягушками и раками, а в протчем житьем своим нарочито сходствует с большою выдрою» (с. 148—150). Переправившись через р. Дымку (11 октября), отряд Палласа достиг истоков р. Сок, которые «от Дима и других текущих в Ик речек отделенные только теми голыми горами, которые следуют беспрерывно за рекою Соком до самой Волги, и составляют часть опускающегося при Кинеле мыса от продолжающегося Уральского главного хребта» (с. 150). Вдоль Сока, Самары и Кинеля встречаются стада caйги [Saiga tatarica Linnaeus], распространенной в те времена в полосе степей от Карпат до Барабы. Во всех этих местах было много *лосей* и *лисии*. По р. Молошной и в Серном озере встречается выдра. По притокам р. Кондурчи «очень много водяных мышей, здесь слепушонками, а в других местах путараками называемых» (с. 174) [кутора (Neomys fodiens Pennant), ныне немногочисленная].

Через Ставрополь (17 октября) Паллас прибывает в Симбирск (21 октября), избранный местом первой зимовки, и занимается подведением итогов первого экспедиционного сезона и изучением фауны окрестностей. Он довольно подробно описывает обе цветовые формы обыкновенного хомяка. В гористых местах нередко попадаются сурки, нередки барсуки, много ловят горностаев, редко попадаются ласточки (ласки). «Но изо всех зверков больше водятся в степи так называемые суслики (Mus citillus)» (с. 197), причем формы восточнее Волги отличаются от правобережных величиной и окраской [суслик большой (Citellus major Pallas)]. Также впервые, отсюда же Паллас описал два вида мышей — noneвую (Mus agrarius) [Apodemus agraricus Pallas] и малютку (M. minutus) [Micromys minutus Pallas], «которые безчисленно плодятся под хлебными обыкновенно на поле поставленными скирдами» (с. 198). Здесь можно отметить несколько фактов изменения ситуации: высокую численность полевой мыши, так и мыши-малютки, которые (особенно последняя) были обычными видами в то время, когда их наблюдал Паллас, но уже немногочисленными или редкими в ХХ в.; второе — наличие обширных и обрабатываемых полей и выращиваемых хлебных злаков, то есть налицо масштабное изменение ландшафта. Во всех озерах вдоль Волги попадалась выхухоль [Desmana moschata Linnaeus], мех которой не уступает бобровому и может быть пригоден «к употреблению на шляпных фабриках» (с. 198). Упоминаются и другие мелкие звери, в частности соня-полчок [Glis glis Linnaeus] и степная пищуха [Ochotona pusilla Pallas]².

² Степная пищуха, по свидетельству Палласа, еще обитала к западу от Волги в долине рек Иловли и Медведицы (бассейн р. Дона). (См. Каталог..., 1981, с. 74. — Прим. ред. А.Сытин).

Из птиц особо отмечаются куриные—*тетерев, рябчик, глухарь* (численность последнего вида теперь очень мала, а куропаток нет совсем) и редкие — *трехпалый дятел, коп* чик, коршун («которого здесь луниом называют» — с. 198), *варакушка*. «Сверьх того во всю зиму видны водяные воробьи [оляпка] при многих соседственных и незамерзающих речках...» (с.199). Названы и основные виды рептилий — прыткие ящерицы («Простых зеленых и серых ящериц столь много, что почти нет ни одного куста, в котором бы не находилось такого животного...» с. 236) и 3 формы змей — ехидны [ужи], простые и черные гадюки. Особое внимание уделяется ихтиофауне: «Не думаю, чтобы какая река в Европе была столь богата рыбою как Волга с всеми текущими в ее реками». «...Сия река купно с Яиком снабдевает целое государство *осетрами*, белугою и икрою и множеством другой рыбы» (с. 199). Далее перечисляется около двух десятков названий видов рыб (с добавлением *миног*), а также и *раки*. Паллас выезжал в декабре из Симбирска в Тетюши, отметив разнообразие фауны района нынешних Шучьих гор, и в Булгар, а весну 1769 г. он встретил уже в Самаре. Здесь, кроме *сайги*, обитателя степей, встречались лоси — выходцы из тайги. Пересечение фаун разных зон во времена Палласа видимо было более обычным явлением, чем в ХХ в. Степная зона ещё сохраняла свой исконный облик в большой степени благодаря стабилизации её растительного покрова крупными травоядными млекопитающими. В истоках рек Бузулук и Большой Иргиз паслись стада тарпанов — диких лошадей, позднее полностью истреблённых в Европе и Азии. В бассейне Свияги, на её притоке р. Бирюче, были найдены кости мамонта, а по р. Яику (Урал) также останки быков и бизонов, вероятно, населявших эту территорию в плейстоцене. Летом 1769 г. в Поволжье была сильная засуха, видимо, сравнимая по интенсивности с засухой 2010 г. От Волги до Урала попадались тарантулы, один из них укусил казака, помогавшего при отлове животных; был дважды укушен и Паллас. Из видов птиц, обнаруженных в этом регионе, надо отметить розовых пеликанов, «которые по Волге иногда до Казани доходят». П.В. Плесский (1955) упоминает о залете розового пеликана даже в Кировскую область, что вызывало сомнения (Попов, 1977), но такие проникновения птиц на север возможны, как, например, отмеченный в первой трети ХХ в. залет кудрявого пеликана до Камы. Добравшись до Яика и Каспия, отряд через Каргалинскую слободу, Сакмарский городок и Стерлитамак (30 сентября) вернулся в Уфу, где прошла зимовка 1769/1770 гг. В окрестностях города встречались лесная куница, европей*ская норка*, в верховьях р. Уфы и по Каме попадался *соболь*. В конце марта начался пролет птиц, в числе которых отмечен *кречет* (видимо, сибирский). В приложении к дневникам 1768/1769 гг. Паллас приводит дополнительный список форм позвоночных, встреченных между Волгой, Уралом и Каспием. В их числе упоминаются сайга, а также перегузня (перевязка) [Паллас называет её Mustella sarmatica = Vormela peregusna Güldenstaedt], coxpaнившаяся на юге Волжско-Камского края (Самарская обл.), видимо, до XXI в. Паллас упоминает полевую мышь, три вида сов, круглоголовки, ящурки, четыре вида змей, в том числе водяного ужа, три вида амфибий, в том числе озерную лягушку и чесночницу.

Возвращаясь из путешествия по Сибири, 4 марта 1773 г. Паллас выехал из Челябы (Челябинска) через Урал мимо крепости Красноуфимск. Он пишет о встреченных зверях и птиц в Башкирии: «...В еловниках при Уфе по всей части лесной сей страны даже до Камы, кроме другой красной дичи, находятся лапландские олени, по башкирски юше, которые часто выходят большими стадами» (Паллас, 1788, с. 20). Также весьма характерно следующее замечание Палласа: «Соболей здесь весьма мало видно, напротив того в сем месте куницы бывают крупнее и лучше нежели во всей России» (с. 21). «Лесистая полоса, которая Пермскую и Уфимскую провинции разделяет, состоит по большей части из ели и в иных местах находятся сосны и черной лес. Нигде не видал я такого множества клестов, как в оном лесе, так и в других лесах при реке Уфе растущих...» (с. 24).

10 марта 1773 г. Паллас переправился у д. Бураево на правый берег р. Танып, и через Камбарский железный завод А.Г. Демидова, стоявший в устье р. Буй, 12 марта прибыл в Сарапул. Из Сарапула он ездил в Казань, спускаясь по левому берегу р. Казанки, «коея правый берег выше и гористее, также и дубовыми лесами весьма изобилен» (с. 44), и пересёк левые притоки Казанки — ручьи Бирюли, Бусгар, Урман, Иштерма и Тиндер (Киндерка. — $B.\Gamma$.). Летом они пересыхают, в 2010 г. пересыхала и р. Киндерка, питающая сады северо-восточных окраин Казани.

7 апреля Паллас вернулся в Сарапул, 14-го тронулся лед на Каме. «...Здешняя белая рыбица, осетры и стерляди далеко Волжских превосходят. Сверх с их трех родов в Каме за главную рыбу почитать должно лососей, или так называемую красную рыбу» (с. 48). «В 70 верстах от Сарапула вверьх по Каме и в 30-ти верстах от оныя в гору, в верьховьях речки Иша (Иж. — $B.\Gamma$.), находится Ишевская молотобойная фабрика, далее же при ручье Вотке, впадающем в 40 верстах ниже в Суву, соединяющуюся с Камою, выстроен Воткинской завод» (с. 50).

21 апреля Паллас выехал из Сарапула и вскоре пересек Каму «при урочище Белоусть», находящемся «гораздо ниже переправы при втечении речки Пещанки» (ныне — п. Белоус в национальном парке «Нижняя Кама». — $B.\Gamma$.). «На холодном и лесистом берегу ещё никакие весенние цветы не распустились, но весьма мало перьвыя насекомыя на цветущем тальнике летали; тем более было водяных крыс и под кустарниками ползающих ужей и черных ехидн, кои последние ради своего пагубного, великую опухоль причиняющаго, угрызения известны ...» (с. 62). Здесь он впервые описал встречающуюся в регионе чёрную форму обыкновенной гадюки.

«Немного отъехав от Камы надобно пробираться по высоким и несколько гористым местам, покрытым дубовыми и березовыми лесами». «Пение дроздов, коих нигде столь много как в лесах Камских, наполненных можжевеловыми кустами, не водится, повсюду были слышимы» (с. 63). «За 4 версты от Шильнебаша увидел я конец Сакамиской (Закамской. — $B.\Gamma$.) линии — вал и ров» (с. 64). Паллас упоминает, что «садовая овсянка водится повсюду между Камою и Самарою» (с. 65). В наше время она остается обычным, хотя и не столь массовым видом. Близ Мензелинска «возвышенные места несколько сухи, и менее нежели за версту от деревни (Мирясово) находится из окаменелаго песку состоящий пригорок, на коем невероятное множество сусликов водится» (с. 66), то есть популяции большого (рыжеватого) суслика (описанного самим Палласом) тогда уже освоили, распространяясь с юга, область Закамья. За д. Балтачево на запад протянулся горный хребет Ялтай. «Чрез 21 версту приехали мы спускаясь при крутизне при громогласном крике больших лягушек, каковые и в Яике водятся, к находящейся на реке Саю или Сею (3ай. — B. Γ .) бедной мельнице» и «прибыли в пригородок Бугульму» (с. 71). Оттуда Паллас снова заехал в Спасское. «Большие лягушки» — это были впервые описанные также Палласом озёрные лягушки (Rana ridibunda Pallas). Видимо, впервые Паллас упоминает в печати замечательную гору Шатир-Тау (Чатыр-Тау, ныне природный заказник (Азнакаевский р-н, Татарстан), где сохранилась самая северовосточная колония сурков, а также обособленная популяция обыкновенной слепушонки (*Ellobius talpinus* Pallas).

30 апреля Паллас был в с. Русский Кандыз, 1 мая продолжил путешествие к Кинелю. За рекой. Кинель он проехал д. Килюшкину, «при которой мы небольшой в Кинель впадающий Кундуслы (Бобровой ручей) переехали» (с. 77). Бобры были фактически истреблены, но память о них сохранилась в названиях водоемов и поселений. Только в четырех северозападных районах Оренбургской области экспедиция казанских зоологов насчитала 5 речек с «бобровыми» наименованиями (Попов, 1960). Следующей рекой был правый приток р. Самары — р. Ток. «Река Ток, а особливо небольшие озера, на ея низменностях находящиеся, наполнены черепахами и такими же кричащими лягушками, коих много в Яике водится»

(с. 79). 8 мая Паллас переправился через р. Самару «при Сорочинской крепости» и продолжал движение по Общему Сырту.

Проехав через Яицкий городок, он посетил низовья Волги, в Астрахани застал профессора С.Г. Гмелина, а в июне — через Чёрный Яр — Царицын — Покровскую слободу (ныне— г. Энгельс) выехал в Саратов, где был 15—18 августа, посетил солёное озеро Эльтон, а 28 августа вернулся в Царицын, куда в октябре прибыл и И.Г. Георги. Здесь Паллас провел зиму 1773/1774 гг. и описал осенние и весенние фенологические явления. Он отметил, что, несмотря на суровую зиму, *утки, жаворонки* и *куропатки* не улетают на юг. «...Только 25-го числа сего месяца (марта) появляются болотные и большие кулики, степные курицы, *белыя трясогуски, черныя и белыя плешанки* и *коршуны*. Третьяго апреля прилетели *ласточки*; в сие же время вперьвые, не смотря на холодный восточный ветр, ожили насекомые. Почти в то же время прилетели дикие полевые голуби, кукушки, сивоворонки, щурки и потатуйки. Между шестым и десятым числом опустились к Сарпе целыми стадами в севере живущие красногорлые гуси (Anser pulchricollis...), но вскоре улетели. Пролетели через сию страну зяблики (Fringilla coelebs) с серыми коноплянками (Fringilla Petronia), да позние кулики...» (с. 287). Из зверей Палласом упоминаются: сайгаки, или антилопы, карсаки, или малые горные лисицы (по другой стороне Волги), красные лисицы и зайцы, большие и малые слепыши. «Повсюду весьма много ласточек [т. е. ласка (Mustela nivalis Linnaeus)], горностаев и хорьков; в лесистых странах к Илавле прилежащих водятся иногда и перегузни, и на дубнике, растущем на поемных местах и долинах вьют обыкновенно свои гнезда в нарочитом множестве, лещадная мышь (Mus quercinus) здесь под именем полячки известная (об этом названии см. ниже). Земляных зайцев, трипалых и пятипалых сусликов водится здесь весьма много...» (с. 288). На Ахтубе «Водяных черепах, водящихся во всех реках поемных мест, и тогда для совокупления выходивших на берег, было необъятое множество» (с. 303).

4 июня Паллас выехал из Царицына через станицу Урупинскую, Новохоперскую крепость, Тамбов, Козлов, Ряжск, Сарайск (Зарайск) и Коломну и 30 июля прибыл в Москву.

В третий раз Паллас был на территории края в 1793—1794 гг., проезжая из Арзамаса через Пензу на Саратов и через Царицын и Сарепту, Астрахань и Красный Яр в Калмыцкие степи.

Паллас, обобщив данные его коллег, составивших основу списка видов позвоночных животных обследованных территорий. Итоговую работу «Zoographia Rosso-Asiatica» (1811—1814) Паллас считал главным трудом жизни. Он писал: «Она содержит в себе одну восьмую часть животных всего обитаемого мира». Эта монография высоко оценивалась как современниками Палласа, так и зоологами наших дней (Степанян, 1979; Соколов, Парнес, 1993), от систематиков до экологов. Датировка публикации частей посмертной работы Палласа приняты благодаря исследованиям А.Н. Световидова (1976). В «Зоографии» описаны 151 вид млекопитающих (в том числе относившихся к фауне Волжско-Камского края).

Из животных Татарстана и прилежащих территорий Паллас описал 8 видов амфибий (из них $1 - Rana\ ridibunda - впервые)$, 5 видов рептилий (из них 2 впервые), 56 видов птиц (из них 24 впервые) и 19 видов млекопитающих (все описаны впервые).

Можно сделать некоторые выводы по изменениям распространения и численности отдельных видов животных, отмеченных Палласом и его спутниками в ВКК, учитывая наличие или встречаемость этих видов в XX—XXI вв.

В своих работах Паллас упоминает 54 вида амфибий и рептилий, из них 13 — им описанных видов, 3 из них имеют отношение к ВКК и прилежащим территориям. Следует

отметить, что Паллас не разделял земноводных и пресмыкающихся на два класса. Хвостатых амфибий он соединял с ящерицами в один род Lacerta, а всех бесхвостых амфибий относил к роду Rana; веретеница с удавчиками объединялись в род Anguis, все ужовые относились к одному роду Coluber, а щитомордник — к гадюкам (как принято и в наше время) и к роду *Vipera*. Но Паллас разделил на два вида зелёных лягушек, чего не делали многие последующие исследователи. В настоящее время, точнее, почти полвека, пересматривается положение видов и форм зелёных лягушек (группа «Rana esculenta»). Выявлен ряд новых видов и форм не вполне ясного систематического положения. Ряд локально редких видов амфибий (или на границах ареалов) занесён в Красные книги областей и республик: сибирский углозуб (Средний Урал, Нижегородская обл., Республика Марий Эл [далее — РМЭ]), гребенчатый тритон (Республика Татарстан [далее — РТ], Республика Башкортостан [далее — РБ], Ср. Урал), краснобрюхая жерлянка (РТ, Ср. Урал), обыкновенная чесночница (Ср. Урал), серая жаба (РМЭ, РТ, РБ), зелёная жаба (Ср. Урал), прудовая лягушка (РБ), озёрная лягушка (Ср. Урал), травяная лягушка (РБ); болотная черепаха (Нижегор. обл., РТ, РБ), веретеница (РТ, Ср. Урал), прыткая ящерица (Ср. Урал), уж водяной (РБ), медянка (Ср. Урал, РБ, РТ, Нижегор. обл.), полоз узорчатый (РБ), обыкновенная гадюка (Нижегор. обл., РТ), степная гадюка (РТ).

Из амфибий к отряду хвостатых относятся в ВКК 3 вида. Сибирский углозуб (Salamandrella keyserlingii Dybovski) — единственный представитель семейства углозубовых обнаружен в Европе, в том числе в Волжско-Камском крае только в XX в., впервые, видимо, в Марий Эл (Никифоров, 1966), а позднее найден в Нижегородской, Кировской и Пермской областях. Из семейства саламандровых отмечены оба вида тритонов, которые стали в некоторых районах ВКК редкими, особенно укола, или гребенчатый тритон (Lacerta aquatica = Triturus cristatus) — любитель чистой воды. Отряд бесхвостых представлен 4—5 семействами. Реже, чем 200 лет назад, встречается представляющая семейство жерлянок (Bombinatoridae) краснобрюхая жерлянка (Rana cruenta = Bombina bombina), даже в заповедниках, видимо, в связи с загрязнением водоемов. Особо надо отметить встречи обыкновенной квакши (Rana arborea, Hyla viridis = Hyla arborea), о чём сообщают не только Паллас («в средней России, на Волге, Дону, Днепре... Очень редка в южной Сибири»), но и $\Pi.И.$ Фальк (по рекам Терек и Урал) и И.Г. Георги (на Волге и Урале), а позднее, на Урале — Л.П. Сабанеев (1870-е гг.). Причины исчезновения вида — представителя семейства *квакш* — в XX в. на территориях от Волги (или бассейна Оби) до Дона неизвестны, хотя катастрофических изменений рельефа и климата на этих территориях не было. Из двух видов семейства жаб обычной была в XVIII в. серая жаба (Rana bufo = Bufo bufo), в настоящее время сокращающая ареал и встречающаяся в лесостепи южнее среднего течения Камы, в основном, по остаткам старых лесов. Вечерняя лягушка, обыкновенная чесночница (Rana vespertina = Pelobates fuscus)³ и зелёная жаба (Rana variabilis = Bufo viridis) и в наше время является обычным видом, заходя в леса и осваивая урбанизированные территории, как и единственный у нас

³ Популяции обыкновенной чесночницы на территории Волжско-Камского края относятся к криптическому виду, отличному от обыкновенной чесночницы (*Pelobates fuscus*) по ряду цитогенетических и молекулярных параметров. Эту восточную форму следует называть *Pelobates vespertinus* (Pallas, 1771); предложено русское название — «чесночница Палласа» (См.: *Литвинчук С.Н.*, *Розанов Ю.М.*, *Боркин Л.Я.*, *Скоринов Д.В.* Молекулярно-биохимические и цитогенетические аспекты микроэволюции у бесхвостых амфибий фауны России и сопредельных стран // Вопросы герпетологии. Материалы Третьего съезда Герпетологического общества им. А.М. Никольского 9–13 октября 2006 г. Пущино-на-Оке. СПб., 2008. С. 248).

вид семейства чесночниц — вечерняя лягушка, обыкновенная чесночница (Rana vespertina = Pelibates fuscus). Наши виды из семейства лягушек делятся на две экологические группы — бурых (наземных) и зелёных (водных) лягушек. Из бурых лягушек обычным видом, особенно в лесах, остаётся остромордая лягушка (Rana arvalis). В таёжной зоне, севернее, её место занимает травяная лягушка (R. temporaria), связанная на юге ареала с выходами родниковых вод. Сложнее положение с видами зелёных (водных) лягушек, из коих наиболее многочисленной является молодой вид — лягушка-хохотунья, озёрная лягушка (Rana cachinnans, Rana gygas = Rana ridibunda Pallas) (впервые описанная Палласом именно в Волжско-Камском крае), предпочитающая водоёмы открытых биотопов и расширяющая свой ареал на север и восток. Из двух других видов прудовая лягушка (R. lessonae) населяет лесные водоёмы, а съедобная лягушка (R.esculenta), описанная К. Линнеем, но выделенная как гибридный вид Л. Бергером (1964, 1976), предпочитает опушечные водоёмы.

Из 9 видов рептилий, упомянутых Палласом и его спутниками и относящихся к отрядам черепах и чешуйчатых, болотная черепаха (Testudo europaea, Testudo orbicularis = Emys orbicularis) вновь начала продвигаться на север, достигнув Ульяновской области и Татарстана, возможно, Камы. Из отряда *чешуйчатых* все виды ящериц снизили численность и встречаемость. В семействе настоящих ящерии был всплеск численности прыткой ящерицы (Lacerta agilis) в связи с массовой посадкой лесополос в середине XX в. и её спад вследствие массированной химизации полевых и опушечных биотопов. Однако в середине XX в. отмечается расширение на север ареала лукавой ящерицы, разноцветной ящурки (Eremias arguta Pallas) освоившей песчаные почвы сосновых лесов (в ВКК — от Бузулукского бора до Жигулей). Локально упала численность веретеницы (Anguis fragilis) из семейства веретеницевых и вследствие истребления человеком и расширившим свой европейский ареал на восток в 1970-х гг. кабаном. Более стойкой к воздействиям, даже антропогенным, оказалась живородящая ящерица (L. vivipara) Из змей семейства ужовых редкими остались водяной уж (Coluber hydrus = Natrix tessellata), медянка (Vipera chersea, Coluber chersea = Coronella austriaca) и локально расширивший ареал узорчатый noлoз (Coluber dione = Elaphe dione Pallas). Сохранил высокую численность обыкновенный уж (Coluber natrix = N. natrix), ставший синантропом, а локально даже оставивший приводные биотопы. Из семейства гадюковых степная гадюка (V. renardi) была неизвестна во времена Палласа, хотя, безусловно, не была редкой. Обыкновенная гадюка (Vipera prester, Coluber prester = Vipers berus) снизила численность вследствие тех же причин, что и веретеница, и оказалось вынужденной в определённой степени синантропизироваться. В настоящее время до 6 видов амфибий и до 5 видов рептилий, включая оба вида гадюк, занесены в Красные книги областей и республик Края.

Еще сложнее положение с орнитофауной Края. Из 425 видов, описанных Палласом, в ВКК отмечено более 320 (только в РТ — 321 вид). Описано впервые, по крайней мере, 77 видов птиц, из них почти треть — 24 вида в ВКК. Из отмеченных видов стали редкими (в основном, вследствие преследования человеком) крупные виды: из гусеобразных — гуси и лебеди; соколообразные — скопа (Pandion haliaetus), змееяд (Circaetus gallicus), орлы и соколы (в последние годы — даже обыкновенная пустельга (Falco tinnunculus); курообразные, в первую очередь — глухарь (Tetrao urogallus), а также серая куропатка (Tetrao perdix=Perdix perdix), становящаяся синантропом, и локально — перепел (Coturnix coturnix); из журавлеобразных — серый журавль (Grus grus); дрофа (Otis tarda) и стрепет (Tetrax tetrax) отступили на юг от Средней Волги и Камы до Саратовской области; исчезли пеликанообразные: бабы-птицы, пеликаны — залетающий до устья Белой розовый пеликан (Pelecanus onocrotalus) и гнездившийся по Волге, Каме и в Башкортостане кудрявый пеликан (P. crispus); из

аистообразных — стали редкими оба вида выпей — большая выпь (Botaurus stellaris) и малая выпь (Ixobrychus minutus), а также почти исчезнувший черный aucm (Ciconia nigra); почти исчезнувшей на гнездовании считалась и *серая цапля (Ardea cinerea)*; однако она резко увеличила численность с 1970-х гг.; в это же время появилась единично гнездящаяся большая белая цапля (Egretta alba) и начал гнездиться белый aucm (С. ciconia) (Нижегородская область). Также редко залетает в северную половину ВКК — до Камы, Нижегородской и Кировской областей красный гусь, фламинго (Phoenicopterus roseus Pallas), единственный представитель фламингообразных. После появления водохранилищ на Волге и Каме чаше стали встречаться крупные виды чаек — мартышка, черноголовый хохотун (Larus ichthyaetus Pallas), клуша (L. fuscus), хохотунья (L. cachinnans Pallas) и др. Из голубей стал редким дуплогнездник *клинтух* (*Columba oenas*), но проник южный вид-урбофил кольчатая горлица (Streptopelia decaocto). В XX в. отмечена в ВКК и стала гнездиться глухая кукушка (Cuculus saturates). Из совиных обычны неясыти — серая (Strix aluco) и уральская (S. uralensis Pallas); ушастая (Asio otus) и болотная (F. flammeus) совы; остальные редки, в частности филин (Bubo bubo). Стал реже встречаться козодой (Caprimulgus europaeus). Из ракш остается редкой сизоворонка (Coracias garrulus), гнездящаяся в южной половине ВКК; редкий зимородок (Alcedo atthis) местами обычен (реки Илеть, Большой Черемшан, Мёша, Степной Зай, Ик, притоки Вятки). Из дятлов редки и занесены в Красные книги виды широколиственного леса — cedoй (Picus canus), зелёный (P. viridis) и таёжный mpexпалый (Picoides tridactylus). Менее редок, но очень заметен своей бурной деятельностью (по «лечению» леса) самый крупный дятел — чёрный (желна) (Dryocopus martius). Труднее сравнивать встречаемость и особенно численность большой группы видов воробьинообразных птиц, но кое-что можно отметить и здесь. Реже стали встречаться приводные овсянки — камышовая (Emberiza schoeniclus) и особенно дубровник (E. aureola Pallas), появившийся в ВКК примерно во времена Палласа. Численность ряда видов открытых биотопов и опушек снижалась в «эру пестицидов», но восстановилась в целом в последнем десятилетии XX в., когда пестицидов не стало. Это относится к целой группе видов — от лесного конька (Anthus trivialis) и обыкновенной овсянки (E. citrinella) до полевого жаворонка (Alauda arvensis). Остались обычными трясогузки (по крайней мере, 3 вида жёлтых (Motacilla flava), «соломенного цвету трясогузка (M. citreola)» = желтоголовая (M. lutea) и белая (M. alba) трясогузки, став синантропами (а последняя — урбофилом). С конца XX в. резко сократилась численность ещё недавно обычного синантропа — обыкновенного скворца (Sturnus vulgaris). Причин мы не знаем, но не исключено массированное воздействие пестицидов в местах зимовок. Иное положение с видами врановых. Ворон (Corvus corax) остается обычным, но немногочисленным видом, гнездящимся, кроме высоких деревьев в лесах, на колокольнях и вышках линий электропередач. Грач (C. frugilegus) — массовый вид, отчасти зимующий (с середины ХХ в.) и гнездящийся в городах (где постепенно его колонии исчезают), в сельских поселениях, на кладбищах, в лесополосах. Галка (С. топedula) стала массовым урбофилом. Серая ворона (С. cornix), гнездившаяся в лесах, вышла на опушки, в придорожные лесополосы, а в конце ХХ в. стала массовым видом птиц в городах. Три последних вида образуют к зиме совместные стаи, кормящиеся в городах, около животноводческих ферм и мясокомбинатов. К ним присоединяется сорока (Ріса pica), ставшая синантропом-урбофилом. По другим группам воробынообразных можно отметить редкость в ВКК «водяного воробья», или оляпки (Cinclus cinclus), считавшейся во времена Палласа многочисленной в восточной половине ВКК, урбанизацию зелёной пеночки (Phylloscopus trochiloides) и варакушки (Luscinia svecica), продвижение на восток из Предволжья ареала мухоловки-белошейки (Ficedula albicollis) и горихвостки-чернушки (Phoenicurus phoenicurus), на запад из Башкортостана — черноголового чекана (Saxicola torquata), появление усатой синицы (Panurus biarmicus) и увеличение численности обыкновенного ремеза (Remiz pendulinus) на водохранилищах, появление зимой сибирского вида выорковых — длиннохвостой чечевицы, или урагуса (Ptrrhula caudate = Uragus sibiricus Pallas). В связи с уничтожением пойм крупных рек стали редкими ранее обычные виды приводных овсянок — камышовая овсянка (Emberiza schoeniclus) и особенно золотистый подорожник, дубровник (E. aureola Pallas).

Из 151 вида млекопитающих, упоминавшихся Палласом, около половины относятся к спискам фауны ВКК, дополнившись новыми. Из териофауны России Паллас описал около 40 видов, из BKK — 19. В отряде насекомоядных из семейства *ежовые* из вида ёж европейский (Erinaceus europaeus Linnaeus) выделен вид ёж белогрудый (E. concolor Martin), являющийся обычным в северной половине BKK. В его южной половине распространился на север в 1980-е гг. ушастый ёж (Hemiechinus auritus S. G. Gmelin), пройдя за треть века от Самарской и Оренбургской областей до Ульяновской области, Предволжья и Закамья РТ. Из семейства *кротовых — европейский крот (Talpa europaea)* остается обычным и распространённым по всей территории ВКК. Использовался как поставщик шкурок, «Водяной крот» — русская выхухоль (Desmana moschata), многочисленная 250 лет назад, постепенно сокращает свой ареал и исчезла в ряде регионов, в частности, в РТ с 1983 г. Из землеройковых ныне отмечено до 7 видов, в основном бурозубок (Sorex). Малая белозубка (Crocidura suaveolens Pallas) появилась в городе Казани и стала (или является) урбофилом (И. Аськеев, О. Аськеев, А. Беляев, 2000). Водяная землеройка — *путо*рака, обыкновенная кутора (Neomys fodiens) — ныне довольно редкий вид, обитающий в поймах, по берегам водоемов, в период миграций — в лесах.

В ВКК насчитывается до 14 видов *рукокрылых* из семейства *гладконосых*, численность которых в последние десятилетия резко, иногда в разы, упала. Большинство видов внесено в региональные Красные книги (только в Красной книге PT-11 видов, из них один — *гигантская вечерница* (*Nyctalus lasiopterus* Schreber) внесен в Красную книгу $P\Phi$ и Красный список $MCO\Pi$).

Отряд зайцеобразных беден видами. Из двух видов семейства зайцевых сохранился в лесной зоне заяц-беляк (Lepus timidus), разделяющий лесные биотопы с зайцем-русаком (L. europaeus Pallas), расширившим свой ареал, в связи с вырубанием лесов, на север до Карелии и Кирова. Третий вид, малая пишуха, малый заяц, земляной заяц, чекушка (Lepus minutes = Ochotona pusilla Pallas) из семейства пищуховых в XVIII в. ещё встречалась от Самары до Камы, отступив позднее и достигнув на востоке устья р. Салмыша, притока р. Сакмары (Попов, 1960)..

Из 38 видов грызунов 7 относится к семейству беличых. Севернее Волги и Камы встречается в лесах от Нижегородской области до Башкортостана и сейчас редкая летяга (Pteromys volans Linnaeus). Массовым видом остается белка (Sciurus vulgaris Linnaeus), проникающая в лесные участки, даже парки в городах. В трёх точках РТ сохранился сибирский подвид — телеутка (S.v. exalbidus), акклиматизированный в 1940—1950-х гг. Азиатский бурундук (Tamias sibiricus Laxmann) — немногочисленный вид, распространённый севернее рек Волга и Кама от р. Керженец до р. Белая, а выше г. Набережные Челны перешедший с елью и пихтой на левый берег Камы. Суслики были многочисленны. Паллас отмечал, что для размножения сусликов не было препятствий, так как татарское население считало их истребление грехом. Это — малый суслик (Spermophilus pygmaeus Pallas), заходящий к северу до южных районов Самарской области и г. Бузулука Оренбургской области, рыжеватый, или большой суслик (S. major Pallas), в конце XX в. переправившийся между

г. Ульяновском и Самарской Лукой через Волгу и продвигающийся к Пензе, и крапчатый суслик (S. suslicus), сохранившийся на Правобережье Волги. Все они резко снизили численность, а многие колонии исчезли к концу XX в. Самый крупный вид семейства — сурокбайбак (Marmota bobak Müller) был в XX в. почти уничтожен в ВКК. Взятый под охрану, восстановился и был выведен из Красных книг. Северные колонии сурка имеются в РЧ и РТ в Предволжье и Восточном Закамье; выпущен в Предкамье, где сохранился в двух местах. Единственный вид семейства бобровых — обыкновенный, или речной, бобр (Castor fiber Linnaeus), он же единственный средообразующий вид среди наших зверей, исчез в ВКК в 1802 г. Почти через полтора века этот вид был восстановлен (1949) и стал обычным. Все виды соневых и мышовковых сохранились, относясь к категории редких, что объясняется отчасти их скрытным образом жизни. Не ясно, однако, какой именно из видов сонь Паллас называл полячкой, или лещадной мышью (Mus quercinus)? Судя по массовости, это могла быть садовая соня (Eliomys quercinus Linnaeus), обитающая теперь не в дубняках, а в сосняках и заходящая по ним на восток за Урал. Кроме того, нам неизвестны её гнезда на ветвях: их сооружает мушловка, орешниковая соня (Muscardinus avellanarius Linnaeus), редкий вид; добывалась в Нижегородской области, в долине р. Оки, и дважды в РТ. Тоже на Правобережье Волги в дубравах обитает самый крупный вид сонь — полчок (Glvs glis Linnaeus). Описанная Палласом в дубовых лесах Казанского Поволжья лесная соня (Dryomys nitedula Pallas) обычна и встречается чаще других, являясь, в определённой степени, синантропным видом. Восточная граница её ареала проходит в РТ по линии Елабуга — Черемшан. Два вида мышовковых, найденных Палласом, сохранились: между реками Кама и Урал — мышка нежная, мышовка степная (Mus subtilis = Sicista subtilis Pallas), севернее, в лесных биотопах ВКК — более обычная *лесная мышовка* (S. betulina Pallas). Представитель семейства *пятипалых пушканчиков* (земляные зайцы) — *большой тушканчик (Allac*taga jaculus Pallas), отмеченный в XVIII в. на Волге южнее Симбирска, распространился на север до Оки, Волги и Камы, являясь обычным видом остепнённых участков. Представитель семейства *слепышовых* — обыкновенный слепыш (Spalax microphthalmus), распространённый по правобережью Волги, сократил ареал за счёт Мордовии и Нижегородской области. Он был найден Палласом, позднее — И.С. Башкировым (1935) и В.А. Поповым (1960) в Жигулях. Это, видимо, крайняя северная точка нынешнего распространения вида. Наоборот, таежный вид из семейства хомяковых — красная полевка (Cletrionomys rutilus Pallas) — исчез в Жигулях, а в северной половине ВКК снижает численность, исчезнув в ряде регионов еще в последней четверти XX в. Хомяк, или карбыш (Cricetus cricetus Linnaeus) имел и 250 лет назад две цветовых формы, которые встречались вместе «иногда в одном кусту». Из хомячков Палласом отмечен в Крае серый хомячок (Cricetulus migratorius Pallas), описанный из области нижнего течения р. Урал. Северная граница ареала этого вида проходит в РТ между природными заказниками — о. Спасский — гора Чатыр-Тау (названная в печати впервые Палласом). Из *полевочьих степная пеструшка* (Lagurus lagurus Pallas), описанная из степей по р. Урал, встречается у нас в долинах степных речек южнее Камы; Паллас упоминает о поедании пеструшкой саранчевых. Из серых полёвок Паллас отметил в ВКК три вида. Обыкновенная полёвка (Microtus arvalis Pallas), в основном, синантроп, в ВКК остается массовым видом, несмотря на упадок сельского хозяйства и зарастание пашни сорняками. Полёвка-экономка; Sumpfmaus (нем.) (M. oeconomus Pallas) редкий околоводный вид (ср. нем. Sumpf — 'болото, топь'); название же Палласа связано с «хозяйственностью» полёвки, запасающей корм. Узкочерепная полёвка (М. gregalis Pallas) — очень редкий вид, обитавший в Татарстанском Закамье в верхнем плейстоцене и впоследствии отступившая к Уралу (добыта близ г. Перми). Водяная полёвка (Arvicola terrestris Linnaeus), многочисленный пойменный вид до создания водохранилищ на Волге и Каме, снизила численность, в частности, под воздействием завезённой из Северной Америки мускусной крысы, ондатры (Ondatra zibethica Linnaeus), и изменила использование биотопов: отдельные популяции существуют годами вдали от водоёмов. Из семи видов семейства мышиных, из них двух видов крыс чёрная крыса (Rattus rattus Linnaeus) была обычной во времена Палласа даже в городах. В Казани она добывалась в начале XX века, в окрестных селениях — в середине XX века. Исчезла в РТ, но сохранилась в Марий Эл, в частности в национальном парке «Марий-Чодра». В большинстве регионов исчезла, возможно, из-за конкуренции с серой крысой (R. norvegicus Berkenhout). Последняя, ставшая явным синантропом, использует и природные биотопы, но многочисленна в городах, на фермах, свалках и т. п. «кормных» местах. Остались редкими, сохранившись в лесо-полевых и лесо-луговых экотонах, полевой житник, полевая мышь (Mus agrarius = Apodemus agrarius Pallas) и мышь-малютка (Mus minutus = Micromys minutes Pallas), а также малая лесная мышь (Apodemus (Silvaemus) uralensis Pallas).

23 вида представляют отряд хищные охватывают все биотопы ВКК. Из видов семейства псовых испытывает колебания, иногда значительные, особенно в XX в., численность волка (Canis lupus Linnaeus), в меньшей степени — лисицы (Vulpes vulpes Linnaeus), проявляющей склонность к синантропизации. Можно отметить как редкий степной вид корсака (C. corsac Linnaeus), доходящего на север до Бугульминско-Белебеевской возвышенности. Интродуцированный вид псовых — енотовидная собака (Nyctereutes procyonoides Gray) завезённый из Приморья (1934), нашёл свою экологическую нишу и сохранился в конкуренции с другими хишными — от лисицы до куньих, но не стал многочисленным. Сохранился, сократив свою численность, единственный представитель семейства *медвежьих* — бурый медведь (Ursus arctos Linnaeus), заселяющий спелые леса на севере и востоке ВКК. В богатом видами семействе куньих — до 14 видов, связанных со всеми биотопами Края и со всеми ярусами этих биотопов. Из них соболь (Martes zibellina Linnaeus) еще в XVI в. встречался к северо-востоку от Казани (Арск), на Каме и в верховьях р. Уфы, но позднее отступил на северо-восток за верховья Камы. То же произошло с другим таежным видом — pocomaxoй (Gulo gulo Linnaeus), сохранившейся в истоках Вятки и иногда заходившей на юг до Марий Эл. Наоборот, южные виды — степной, или светлый, хорь (Mustela eversmanni) и белодушка, или каменная куница (Martes foina Erxleben) промысловый вид, к концу I тыс. н. э. расширили свои ареалы на север, перейдя Среднюю Волгу и Нижнюю Каму. Последний вид в начале XX в. обитал в Жигулях, но исчез. Таёжный хорь — κ улонок, или κ олонок (Mustela sibirica Pallas) распространился с востока на запад по Сибири, перешёл Урал, дойдя до Волги и Ветлуги, но остался редким видом. Самый мелкий вид этой группы — «ласточка», ласка (Mustela nivalis Linnaeus), оказался и самым экологически пластичным, оставшись обычным видом лесных и полевых биотопов. Из видов этой группы, связанных с водоёмами, горностай (M. erminea Linnaeus) перестал быть промысловым видом, резко сократив свою численность после затопления пойм Волги и Камы в середине ХХ в., выбыл из списка промысловых видов, как и европейская норка (Lutreola lutreola = Mustela lutreola), сократившая численность, а местами исчезнувшая под воздействием ввезенной в Край американской норки (Mustela (Neovison) vison), вида, близкого экологически, более пластичного и конкурентоспособного, но оставшегося немногочисленным. Третий южный вид — *перевязка (Vormela peregusna)* — доходит к северу в ВКК до Саратовской, Самарской и Оренбургской областей, хотя в XVIII в. распространялась до верховьев Оки и Суры. Барсук, или язвец (Meles meles) сохранился как вид, но его численность сократилась. Некоторые зоологи (Аристов, Барышников, 2001) делят этот вид на два: европейский барсук (М. meles), обитающий в Предволжье, и азиатский (М. anakuma). Речная выдра, или порешня (Lutra lutra), считавшаяся, как и бобр, почти истребленной в ВКК в XVIII в., сохранилась как редкий вид, обитающий в реках второго-третьего порядка с облесёнными берегами и достаточной кормовой базой. Единственный представитель кошачых — рысь (Lynx lynx) — немногочисленный вид, сохранившийся в основном по крупным лесным массивам. По облесённым поймам рек (Сура) заходит в лесостепные и степные районы; заходит в города (Казань).

Из отряда парнокопытных в ВКК встречаются виды двух семейств. Единственный представитель семейства *свиных* — *кабан* (Sus scrofa) — водился в ВКК до эпохи бронзы (около 3 тыс. лет назад) и появился вновь в 1970-е гг., связав европейскую и уралосибирскую части ареала. Он стал массовым промысловым видом, войдя в лесные и пойменные экосистемы. Из семейства оленьих упомянутый Палласом и его спутниками благородный олень (Cervus elaphus) является сибирским подвидом — маралом, заходившим на Урал. В XX в. (1960–1970-е гг.) благородный олень был выпущен в лесах Чувашии, Самарской и Ульяновской областей, и в 1990-е гг. численность его составляла более 300 голов. Косули — сибирская (Capreolus pygargus Pallas), возможно, и европейская (С. capreolus) — обитали на территории ВКК до XVII—XVIII вв. и снова появились в XX в. Европейская косуля была выпущена в Самарской области, а сибирская пришла из Башкортостана и впервые была отмечена в 1944 г. в Игимском бору (Татарстан), широко распространившись в последующие годы, в районах с низким снежным покровом, в том числе в широколиственных лесах Бугульминско-Белебеевской возвышенности. Самый крупный олень — *лось* (Alces alces) был почти истреблен к XX в. в Европе, в том числе и в ВКК, но восстановлен в середине века, став важным промысловым видом, численность которого остается достаточно высокой, и видом, перспективным для полувольного содержания и одомашнивания. Лапландский олень, северный олень (Elaphe tarandus = Rangifer tarandus) отступил на север в связи со сведением таёжных лесов и прямым истреблением. Нерегулярно заходит до Марий Эл. Из семейства Π олорогих сайга (Antilope saiga = Saiga tatarica) была обычным видом в лесостепи южнее Камы до VIII—X вв. (Петренко, 1984), а заходы ее отмечались до XVII–XIX вв. (Кириков, 1966).

Из отряда *непарнокопытных* два вида семейства *лошадиных* отмечались Палласом и его спутниками — *кулан* (*Equus hemionus*) и тарпан. Первый вид отступил на юго-восток, сохранившись в Средней Азии. Второй вид — *тарпан* (*E. caballus*)— полностью вымер в XIX в.

Таким образом, сравнение качественного и количественного состава фауны наблюдавшейся Палласом в последней трети XVIII в. с современным ее состоянием, демонстрирует довольно сложную картину, отчасти отражающие изменения, возникающие в результате антропогенных нарушений ландшафта.

Литература

Аськеев И.В., Аськеев О.В., Беляев А.Н. Млекопитающие Республики Татарстан (Конспект современного состояния фауны). Казань, 2002. 35 с.

Аристов А.А., *Барышников Г.Ф.* Млекопитающие фауны России и сопредельных территорий. Хищные и ластоногие. СПб., 2001.560 с.

Башкиров Ив. Реликтовые элементы в фауне Жигулей // Бюлл. МОИП. Отд. биол. 1935. Т. 44, вып. 5. С. 240–242.

[Бергер Л.] Berger L. Is . Rana esculenta lessonae Camerano a distinct species // Annales Zoologici. 1964. Vol. 22, № 13. P. 245—261.

Бергер Л. Является ли прудовая лягушка Rana esculenta L. обыкновенным гибридом // Экология. 1976. № 2. С. 37-43.

Дементыев Г.П. П.С. Паллас (к стопятидесятилетию со дня смерти) // Зоол. журнал. 1964. Т. 63, вып. 2. С. 262-271.

Кириков С.В. Промысловые животные, природная среда и человек. М., 1966. 148 с.

Колчинский Э.И. Энциклопедист XVIII века // Выдающиеся отечественные биологи. Вып. 1. СПб., 1996. С. 5-12.

Маракуев В. Петр Симон Паллас, его жизнь, ученые труды и путешествия. М., 1877. 62 с.

Муравьев Вл. Дорогами Российских провинций. Путешествия Петра Симона Палласа. М.: Мысль, 1977. 94 с.

Научное наследие П.С. Палласа. Письма. 1768—1771 гг. / Сост. В.И. Осипов. СПб.: Тиалид, 1993. 250 с.

Никифоров Д. Загадка углозуба // Вокруг света. 1966. № 8. С. 58–59.

Окрокверцхова И.А. Путешествие Палласа по России. Саратов, 1962. 76 с.

[Паллас П.С.] Петра Симона Палласа, медицины доктора, натуральной истории профессора, Санктпетербургской Императорской Академии наук и Вольного Экономического общества, Римской Императорской Академии, Королевского Англинского собрания и Берлинского естественно-испытательного общества члена Путешествие по разным провинциям Российской империи. 3 части. 5 тт. 1773, 1786, 1788. 657 + 117 с.; 476 + 571 с.; 624 + 480 с.

Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 176 с.

Плесский Π .B. Материалы для орнитофауны Кировской области // Ученые записки Киров. пед. ин-та. Вып. 9. 1955.

Попов В.А. Млекопитающие Волжско-Камского края. Насекомоядные, рукокрылые, грызуны. Казань, 1960. 468 с.

Попов В.А. Птицы Волжско-Камского края. Неворобьиные. М., 1977. 296 с.

Световидов А.Н. О годах опубликования «Zoographia Rosso-Asiatica» П.С. Палласа // Зоол. журн. 1976. Т. 5. Вып. 4. С. 596—599.

Соколов В.Е., Парнес Я.А. Петр Симон Паллас — основатель отечественной зоологии // Вопр. ист. естеств. и техники. Вып. 2. М.: Наука, 1987. С. 118—127.

Степанян Л.С. Палласова «Zoographia Rosso-Asiatica» и вопрос о номенклатурном статусе некоторых имен // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 84. Вып. 2. 1979. С. 80-84.

Сытин А.К. Петр Симон Паллас — ботаник. М.: КМК, 1997. 338 с.

[Pallas P.S.] Zoographia Rosso-Asiatica sistens omnium animalium in extensor imperio Rossico et adjacentis maribus observanorum recensionem domicilia, Mores et distriptiones anatomen atque icons pluriorum. Petropoli, 1811–1831.

Pallas' contribution to the study of vertebrate fauna of the Volga-Kama Region

Valerian I. Garanin

Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia; zilant@ksu.ru

In 1768–1770 and 1773–1774 Peter Simon Pallas travelled across the eastern part of European Russia (the Volga–Kama region). The route and and zoological results of the itinerary are considered. The data obtained by Pallas are compared with current situation in vertebrate fauna of the region.

Keywords: Peter Simon Pallas, Volga—Kama region, vertebrate fauna.

Peter Simon Pallas, Siberia, and the European Republic of Letters

RYAN TUCKER JONES

Idaho State University, Pocatello (Idaho), USA; riones1275@gmail.com

Peter Simon Pallas was also a member of what European men of learning in the eighteenth century often called a "Republic of Letters," an idealized society that cut through state borders and acknowledged no limits to its pursuit of knowledge. His intensive engagement with the leading theorists of the time, his attempts to separate himself from the dilettantish scientific efforts of the nobility, and his struggle to craft a space of independent action within the Academy of Sciences all attest to his membership in the Republic. Admittedly, Pallas often fell short of the Republic's ideals; some of his scientific work directly supported Russian imperial claims, he refused to investigate the issues at the heart of the Pugachev Rebellion, and by the last decades of his life he was enjoying most of the prerogatives of privilege in Russia. The limitations of the Republic inside Russia were ultimately due to its citizens — men like Pallas — who found the favors offered by the Russian state a seductive alternative to the more demanding Republic of Letters.

Keywords: Pallas, Republic of Letters, European culture, Russia, social background

Peter Simon Pallas was a renowned traveler, zoologist, geologist, botanist, ethnographer, and linguist who enjoyed a long and successful career with the St. Petersburg Academy of Sciences. He was also a member of what European men of learning in the eighteenth century often called a "Republic of Letters", an idealized society that cut through state borders and acknowledged no limits to its pursuit of knowledge. From Portugal to Poland, even across the Atlantic in parts of the New World, scholars spoke a common language, willingly shared the fruits of their research, and would rally in support of compatriots oppressed by church or state¹ (see Daston, 2004; Eskildsen, 2004). In practice, a host of contradictions and competing loyalties perpetually threatened this Republic, and its members were not always as devoted to its preservation as their rhetoric suggested. In a world of monarchies, a small, fragmented Republic faced constant siege. Nonetheless the Republic persisted, offering scholars throughout Europe comfort, intellectual stimulation, and sometimes real assistance when called upon. In order to understand Peter Simon Pallas's place in the history of the natural sciences, we must understand his relationship to this Republic of Letters, for its concerns guided his research, shaped his career in Russia, and helped determine the success or failure of his scientific work. Pallas' life as employee of the Russian empire also offers valuable insight into the strengths and limitations of this imagined Republic, for there the contrasts between the Republic's ideals and monarchical realities emerged most clearly.

Nowhere did the Republic of Letters face starker contradictions than in eighteenth-century Russia, where the notion of a republic encountered hostility from the highest levels of society. Many European savants would not even have considered Russia a part of their Republic. However, in some respects, Russia offered ideal conditions for the realization of the ideals of the Republic of Letters. Under a series of reforming autocrats beginning with Peter I (1682–1725), the Russian state had embarked on a program of modernization that promised both greater

¹See: Daston, 2004; Eskildsen, 2004 — in "Literature".

engagement with Europe and an increase in national power and influence. This modernization program required a large influx of Western European experts in naval technology, industry, commerce, and science. Emperors from Peter I to Catherine II (1762–1799) hired from the best European universities in France, Switzerland, and, above all, Germany. But, the men of letters who came in constant streams throughout the eighteenth century faced difficult dilemmas upon arrival in St. Petersburg or Moscow. Hired to augment the power of the Russian state, they also maintained personal, intellectual, and national ties to their countries of origin. Most difficult perhaps, these men were expected to retain their place in the Republic of Letters while serving the least republican of governments in Europe.

Pallas' career in Russia embodied all of the difficulties mentioned, but it also shows the resilience of the Republic. Though geographically he sat at the very edge of Europe, Pallas entered wholeheartedly into the Republic of Letters. Maintaining correspondence with over 200 other German, Dutch, English, and Portuguese scholars, and with at least 183 others within the Russian empire (Wendland, 1991, p. 749), Pallas made himself as well-connected as any naturalist of that century. In fact, Pallas occupied a particularly important place in the Republic of Letters. His network of contacts extended not only westward to Europe, but eastward through the vast, and expanding, Russian empire in Siberia and East Asia. Pallas thus tapped into a circuit of information concerning Siberian ethnography and natural history that garnered immense interest in the rest of Europe. Just as the Englishman Joseph Banks stood at the hub of late-eighteenth century research into the South Pacific Ocean (Williams, 1999), so did Pallas gather and disperse the reports of travelers throughout the Russian Empire. At times, the scope of his contacts even extended into Banks' territory; Pallas, it seems, learned about Cook's death at Kealakakua Bay in Hawaii before Banks himself did2. Unlike Banks, Pallas made his name and contacts in natural history without the benefit of an aristocratic background, another way in which the German scholar embodied the Republic's ideals.

Still, Pallas had to contend with several challenges to his membership in the Republic, including periods of nationalism within the Academy, interference from meddling aristocrats, and — most difficult perhaps — the growing temptations offered by a Russian society which accentuated privilege for its favored members. Despite some setbacks, however, Pallas' long career offers proof of the vibrancy of the Republic of Letters in Russia, and demonstrates the opportunities for prestige and advancement in European society that the Russian Empire could offer.

Pallas' Road to Siberia and Back

Peter Simon Pallas was no ordinary hired hand. Though of relatively humble birth (his father was a physician), when Catherine II brought him to Russia in 1768, his name had already risen to the top ranks of European natural historians. A native of Berlin, his University of Leiden dissertation (written when he was only 19) on intestinal worms, marked him as the equal of Buffon, Banks, and Linnaeus (Rudolphi, 1812, p. 10). Pallas had spent his formative years taking something of a grand tour of the centers of European science, managing to hear

² Letter, Peter Simon Pallas to Thomas Pennant and Joseph Banks, December 15 (26), 1779, in "Historical Records of New Zealand", New Zealand Electronic Text Centre http://www.nzetc.org/tm/scholarly/tei-McN01Hist-t1-b1-d18.html (accessed May 10, 2011).

lectures at the Universities of Halle and Göttingen, probably Germany's top two centers of natural history in the eighteenth century. He then traveled through England and Holland, making a number of important scientific acquaintances along the way. Though he never fulfilled his wish of making a voyage of exploration to North America, he became acquainted with the best collections of specimens throughout Europe, and especially in Holland. Back in Berlin, Pallas entered into publishing, editing the *Stralsundisches Magazin*, a periodical that, typical of the time, covered a range of subjects from Zoology to Ethnography, and disseminated to German speakers a large amount of information about Russia (Wendland, Lühman, 2008, p. 741). He also published his *Spicilegia Zoologica*, which laid out a system of species organization meant to compete with Linnaeus's *Systema Naturae*, then approximately 30 years old and still subject to criticism. Despite these and several other impressive publications, Pallas was unable to secure any permanent employment in Western Europe and gratefully accepted Catherine's invitation to come to St. Petersburg.

When Pallas arrived in St. Petersburg in April, 1768, he knew little of the vast country. However, this changed quickly as he immediately embarked on long tour throughout the Eastern portions of the Russian Empire that would ensure his fame throughout Europe and set his research agenda for the next forty years. The "Academy Expeditions", the program of discovery, classification, and mapping that Pallas participated in, was Russia's most ambitious attempt to date to gain some sort of mental map of its rapidly expanding Asian possessions. As Catherine herself put it, the expedition was meant to "put in proper light the condition and the products of [our] hitherto unknown provinces" (Rudolphi, 1812, p 24). The Academy Expeditions were more than just fact-finding missions, however — they were meant to demonstrate to the rest of Europe that Catherine's Russia could equal France, Britain, or any other nation in the production of enlightened knowledge. Metaphors of casting light on Siberia abounded. As a marker of Russia's Enlightenment, then, it was important that the knowledge gained not merely be proprietary, but be shared openly with the rest of Europe.

For six years Pallas traveled through much of Siberia and Central Asia. His furthest efforts took him east of Lake Baikal, and he even made it to the Chinese border. Plans to go as far as Beijing had to be abandoned due to a combination of ill health and hesitation on the part of the Academy of Sciences, which found the trip to be impractical³. Pallas suffered intensely at times during the travels, often succumbing to a creeping melancholy and hypochondria ("how little is my body adapted to this unusual climate" he once complained), and returned to European Russia prematurely grey-haired (Pallas, 1993, p. 162).

Sometimes during his journey Pallas felt cut off from mainstream European intellectual life and depressed by squalid conditions in Siberia. News about Captain James Cook's voyages of the exploration in the Pacific, which were then drawing the attention of all the Republic of Letters, made Pallas question his choice to work for the Russian empire. In 1771, Pallas wrote to his friend and fellow academician Gerhard Friedrich Müller about the Swedish botanist Daniel Solander, who had just returned from Cook's voyage:

What you have written me about your friend Solander makes me extremely envious. I begin to dream when I think of that felicitous and generous field of discovery he had [the South Pacific], and how niggardly in contrast is the cold of Siberia, which I have chosen. And I think how one can travel a hundred versts here without even making a discovery.

³ "Materialy o Pallase". Archive of the Russian Academy of Sciences (Archive RAN). F. 92. Op. 1. No. 103. P. 10.

Befitting Pallas's gregariousness, cosmopolitanism, and expansive mind, he then requested an introduction to Solander "in any language he may understand"⁴ (Pallas himself wrote and spoke Greek, Latin, German, English, and French from childhood, and learned other languages easily throughout his life) (Rudolphi, 1812, p. 7).

Despite his renowned expertise in Siberian natural history, Pallas long retained an inferiority complex when discussing the South Pacific, writing to Joseph Banks that nature there was "by far inferior, in every respect, to the happy climates thro' which your voyage lay"⁵. When Pallas finally did get his hands on some South Pacific articles, by way of Magnus Behm, the Baltic German governor of Kamchatka, he immediately began to fret that the collection of Tahitian artifacts would "soon begin to gather dust under the supervision of the Russians in the *Kunstkammer*"⁶. Nonetheless, Pallas' Siberian experience — far more than his scientific work — made his name instantly recognizable in European scientific circles and made his acquaintance absolutely necessary for any scholar interested in the vast eastern reaches of the Russian empire (a good chunk of the globe after all). As Pallas, in typically understated tone, put it to Banks, "the productions of [the Russian] empire ... may however pretend to some peculiarities unknown in other parts of the world & more difficult to procure, as the great distance by land and the scarcity of Collectors make them rather rare..."⁷

One of Siberia's principal attractions, in the opinion of contemporaneous natural historians around Europe, lay in the abundance of fossil remains of mysterious creatures. At least since the seventeenth century, Siberia had been recognized as the world's most fertile hunting ground for the skeletons of giant elephants dug out of river banks, and some of Pallas' predecessors in the Academy of Sciences had already written on the topic (Cohen, 2002, p. 65, 66). It was not long before Pallas joined the search for specimens and speculation over what they might mean. In 1769, while near Samara, he first reported finding "bones from elephants and large buffalos", which were continually being exposed on the banks of the Irgiz River, and he would find many more such specimens during the course of his travels⁸. Pallas also found petrified seal and shark teeth near Krasnovarsk, thousands of miles from the nearest ocean (Pallas, 1987, p. 63, 175). He wrote his first scientific commentary on fossils in 1769, discussing theories that the normally tropical animals might have been taken there by Alexander the Great or migrated north during Mongol times⁹. He managed to bring parts of a frozen mammoth back to St. Petersburg, which long held a place in the Academy's museum, and formed the basis for many Europeans' musings on the history of extinction¹⁰. Siberian fossils were a subject Pallas would return to on several occasions, since it evinced great interest in Europe. Gathering evidence from around the

⁴ Peter Simon Pallas, Letter to G.F. Müller, November 7, 1771, in Archive RAN. F. 21.

⁵ Peter Simon Pallas, Letter to Joseph Banks, March 2/10, 1779, in the British Library Manuscript Department, Add MS 8094, pp 237, 237 op.

⁶ Peter Simon Pallas, Letter to G.F. Müller, May 23, 1780, in Archive RAN. F. 21. Op. 3. D. 22a. P. 116.

⁷Peter Simon Pallas, Letter to Joseph Banks, March 2/10, 1779, in the British Library Manuscript Department, Add MS 8094, pp 237, 237 op.

⁸ Pallas, Report to the Academy of Sciences, February 16, 1771, in Archive RAN. F. 3. Op. 32. D. 12. P. 96.

⁹ Peter Simon Pallas. De Ossibus Fossilibus // Novi Commentarii Acad. Scient. Imper. Petrop. (1769), 13 (1768), pp 439, 440.

¹⁰ See for example, Tilesius von Tilenau, "Skeleto Mammonteo Sibirico", Commentarii Academiae Scientarium Imperialis (1815); Anton Friedrich Büsching, Wöchentlichen Nachrichten (October 31, 1774), p 347.

world, and reading in the major European scientific journals, Pallas concluded by 1795 that the Siberian mammoths and rhinoceroses offered "new proof for the Flood that spread these foreign animal remains across northern Asia"¹¹.

Pallas' interest in fossils helped create some unlikely contacts. Included amongst Pallas' personal papers kept in the Berlin Staatsbibliothek is an undated letter from "Theophanes Archepiscopis Novgorodensis", a still unidentified Russian cleric. In the letter Theophanes asked Pallas's opinion concerning recent finds of mammoths buried in the Siberian permafrost. Had these animals been washed there by the biblical flood, or, like other mammals such as marmots and moles, did the giant elephants live underground? Why were sea animals found buried under the ground far away from any ocean?¹² Most likely Theophanes was responding to an article on mammoths Pallas had written for the Academy's newsletter in 1772. He was undoubtedly happy to hear that Pallas, too, believed that the biblical flood had deposited the mammoths in Siberia, but the Archbishop's engagement in the question tied him to a wide circle of savants throughout Europe who were debating the meaning of Siberian fossils. Even the *encyclopedists* in France weighed in, decisively rejecting the diluvial explanation (Cohen, 2002, p. 80). An intellectual conversation involving Denis Diderot and the archbishop of Novgorod must count amongst the least likely of 18th-century encounters, but Pallas made it possible.

During his years of travel on the Academy expeditions, Pallas made most of the Siberian acquaintances who would consistently provide him with local information for the succeeding decades. None of these contacts came from the peasantry, with whom relations were often testy. While near Kazan, Pallas lamented that, despite his best attempts to "win the trust of the locals", he suspected that they hid many curiosities from him (Pallas, 1987, p 51). He also mistrusted many of the reports he received from Russian fur-traders in the North Pacific, whom he suspected of trying to put the best light on their behavior and anyway were incapable of producing valuable scientific information. Government officials with German backgrounds stationed in Siberia — and there were many of these — proved easier to work with and made for natural allies. Behm, whose Kamchatkan location gave him access to interesting information, became a trusted correspondent, sharing with Pallas the same native language, an interest in the Pacific, and the struggles and rewards of working in Russia. The two later coordinated work on the economic development of Russia's Far Eastern colonies¹³.

However, Pallas also tapped into a wide circle of educated Russian officials, who often dabbled in natural history. Typical of these men was Pavel Demidov. While in Krasnoyarsk, Pallas enjoyed staying with this Russian nobleman. Demidov had a fine garden there, which he filled with plants from all around Siberia. Pallas gathered some of Demidov's seeds and sent them onward to the great Swedish botanist Carl Linnaeus for classification, in this way connecting Siberia with the leading lights of European biology¹⁴. Elsewhere, educated government officials presented Pallas with local curiosities they had proudly discovered. The governor of Kazan,

¹¹ Peter Simon Pallas. Kurze Nachrichten // Neue Nordische Beyträge. V. 6. St. Petersburg and Leipzig, 1795. P. 251.

¹² Undated letter from Archbishop Theophanes, in Staatsbibliothek zu Berlin, MS. Germ. Fol. 788.

¹³ Peter Simon Pallas. Izvestie of Vvedennom Skotovodstve I Zemlepashestve v Kamchatke... // Trudy Volnago Ekonomicheskogo Obshchestva. 1783. Part XXXIII. (Паллас П.С. Известия о введенном скотоводстве и землепашестве в Камчатке и около Охоцка при Узском остроге, лежащем подле Охотского моря // Продолжения Трудов Вольного экономического обществаю. 1783. Ч. 3—4. Пер. на русск. яз.)

¹⁴ Peter Simon Pallas, Letter to G. F. Mueller, October 10, 1772, in Archive RAN. F. 21. Op. 3. D. 222. P. 141.

the grandly named Prince Andrei Nikitich Kvashnin—Samarin, governor of Kazan, presented Pallas with a black hare, a curiosity "very rarely met with in the animal kingdom" (Pallas, 1993, p. 57). The governor of Irkutsk, von Brill, took regular measurements of the temperature and even slaughtered one of his pregnant donkeys so that Pallas could dissect it and try to resolve the relationship between old- and new-world donkey species¹⁵. Pallas's Siberian network was vast, encompassing Cossacks, foreign naturalists, and several prominent government officials. In the course of his career, these Siberian connections would be his most valuable contribution to the Republic of Letters.

Pallas in St. Petersburg

Such international connections contributed to Pallas' explicit goals for natural history, which included the widest dissemination of information possible. Writing to Müller in 1770, Pallas expressed a wish that Russia's knowledge of Siberia and the Pacific would be "finally made completely known to the world"16. In fact, much of Russia's exploration of Siberia had remained secret from Europe (and even from Russians, as important documents long remained buried in the archives). Pallas, by publishing his account of exploration as well as many documents of his predecessors (such as the Pacific journals of Georg Wilhelm Steller) presided over a decisive refutation of the empire's former secrecy. Reversing decades of policy, in 1776 Catherine gave Pallas obtained permission to share detailed accounts of Russian voyages to the North Pacific with influential foreigners (Wendland, 1991, p. 642). Pallas was the ideal man for the job, for he sat at the hub of a wide wheel of foreign academicians and travelers interested in Russia and the North Pacific. His best-known correspondent, the Comte de Buffon, received Pallas' extracts from Russian journals of exploration first, and he incorporated information on North Pacific mammals into the twelfth volume of *History of Quadrupeds*. While this openness was a clear shift in Russian policy about its North Pacific activity, old fears still persisted. Writing to another correspondent, the Welshman Thomas Pennant, Pallas requested him to "Be so kind to leave also out \dots the wanton cruelties committed by the first Russians that visited the Islands" 17 . Pallas recognized that it was still dangerous to share information too liberally.

To continue research into Russian nature, Pallas trained up a number of students during his travels. One of his Russian assistants, Nikita Sokolov, was especially talented, and Pallas recommended that the Academy of Sciences send the young man to a foreign university for further training. Three years later Sokolov and one other of Pallas' students ended up at the University of Leiden, bringing their Siberian experience to one of the most outstanding centers of Western European learning (Pallas, 1993, p. 180, 220). Pallas was also an invaluable contact for any foreign traveler in Russia, often providing a place to stay and always ready with advice

¹⁵ Wendland, 1991, p. 388; Pallas P.S. Bemerkungen über den Onager der Alt oder den Eigentlichen Wilden Esel // Neue Nordische Beyträgen. V. 2. St. Petersburg and Leipzig, 1781.

¹⁶ Peter Simon Pallas, Letter to G.F. Mueller, November 16, 1770, in Archive RAN. F. 21. Op. 3. D. 222. P. 95 ob.

¹⁷ Peter Simon Pallas, Letter to Thomas Pennant, 1779, in Carol Urness, ed., A Naturalist in Russia: Letters to Thomas Pennant (Minnesota, 1968), p 119. Sensitivity about Krenitsyn's remarks by no means died with time. The latest publication of his journals, published in the last years of the Soviet Union, omits his criticisms of Russian behavior towards the Aleuts.

for where to go and what to look for¹⁸. In 1781 Pallas recommended a young Austrian student to Müller, asking the latter to put in a good word to a Russian prince and thereby "do a good deed for a worthy and currently somewhat oppressed young scholar"¹⁹. The Englishman Samuel Bentham, traveling through Russia around 1780, also received a high recommendation from Pallas as "a worthy young traveler" full of a "thirst for knowledge" (*Wissbegierde*)²⁰. Such was the ideal essence of the European Republic of Letters, a society of (mostly) men thirsting for knowledge, with little attention paid to their social backgrounds. Of course, noble patronage remained necessary to grease the wheels of career advancement, but Pallas himself, despite a decidedly bourgeois background, had become an extremely active and effective benefactor in Russia.

At times Pallas's cosmopolitanism moved ahead of the state's interests. His relationship with the famous American traveler, John Ledyard, caused problems for both men. The two had become acquainted in St. Petersburg, and Pallas wrote letters of introduction for the American to help on his onward journey through Siberia²¹. Ledyard's plans to catch a ride on a Russian ship and sail to America, however, raised suspicions in Siberia, and Empress Catherine became alarmed. As she wrote to the Baron Grimm in Germany, "Regarding Ledyard, discovery for others is not always discovery for us..."²². In other words, whereas Pallas may have believed that Ledyard's travels could benefit the larger Republic of knowledge, Catherine found the political implications of that knowledge far more interesting. Ledyard's gossipy familiarity with Thomas Jefferson and Joseph Banks threatened to expose the scope of Russian activities in the North Pacific too widely.

In fact, Pallas too played an important role in defending Russian imperial interests. Despite his commitments to disinterested science, Pallas couched his works of natural history in explicitly national terms. His Flora Rossica (1784) detailed the plants specific to the Russian Empire, a grouping that made little sense botanically, but displayed the empire's incredible size and diversity. His Zoographia Rosso-Asiatica (1821) defined its animals within similar political boundaries, and reviewers noted the remarkable number of animals found only in Russia (Rudolphi, 1812, p. 56). Such works reinforced to an international audience Catherine's claims of ruling over the world's largest, most diverse empire. At other times, Pallas was eager to establish the primacy of Russian geographical discoveries in the Pacific Ocean. Again and again he urged Müller to publish accounts of Russia's voyages of exploration. These were ostensibly important contributions to the worldwide fund of knowledge, but Pallas saw them in political terms; the accounts would prove that Russia, and not England, had better information about the Arctic Ocean and the North Pacific, important imperial arenas in the late eighteenth century²³. The patriotic edge Pallas gave to Pacific exploration was particularly notable, since the British voyages were commonly thought to have embodied the essence of disinterested science and international cooperation (Gascoigne, 1998, p. 157). Even in the Republic of Letters, knowledge rarely came without implications for power.

¹⁸ See for example Peter Simon Pallas, Letter to Samuel Bentham, 12 March, 1781 in Wendland, p 201.

¹⁹ Peter Simon Pallas, Letter to G.F. Müller, December 2, 1781, in Archive RAN. F. 21. Op. 3. D. 22a. P. 187 ob.

²⁰ Peter Simon Pallas, Letter to G.F. Müller, May 17, 1780, in Archive RAN. F. 21. Op. 3. D. 22a. P. 121.

²¹ John Ledyard, Letter to Thomas Jefferson, in Stephen Watrous, ed., John Ledyard's Journey through Russia and Siberia, 1787–1788. The Journal and Selected Letters (Madison, 1966), p 123.

²² Catherine II, Letter to Baron von Grimm, November 26, 1787, in "Pis'ma Imperatritsy" in "Sbornik imperatorskago russkago istoricheskago obshchestva". V. 23. St. Petersburg, 1878. P. 424.

²³ Peter Simon Pallas, Letter to G.F. Mueller, May 1, 1777, in Archive RAN. F. 21. Op. 3. D. 222a. P. 24 ob.

If Pallas had to exercise some caution when sponsoring foreign travelers in Russia, and sometimes used his scholarship to advance imperial aims, he also made sure his own work was widely accessible to Europeans. When he finally had gathered enough material to compose his life's masterpiece — the *Zoologia Rosso-Asiatica* — Pallas took the by then unorthodox step of publishing it in Latin. At a time when other European academies were moving increasingly towards publication in the vernacular²⁴, St. Petersburg remained committed to the international languages of Latin and French (even through the Napoleonic invasion). Not until the mid-19th century would the Academy's publication language change to Russian. Certainly, St. Petersburg found its choice of languages to be limited. Many of its members were not proficient in Russian, and few European readers could be counted on to be familiar with the language. The multinational Empire that Russia was increasingly becoming contributed to this international ideal; Baltic Germans in particular formed an important contingent of academicians by the beginning of the nineteenth century. Whether by choice or necessity, Russia's community of scholars remained far more international in composition and language than did its competitors in Western Europe.

This exaggerated cosmopolitanism, however, coexisted uneasily with Russia's growing nationalism (See: Rogger, 1969). In the 1740s, the Academy had been under the influence of members who wanted to sideline foreign members of the Academy, elevating and recruiting new Russian members. Among those who suffered was Pallas's friend Müller (See: Black, 1986). Attempts to russify the Academy failed, as Pallas's hire in the 1760s attested, but the battles over nationality were far from over. In the 1770s the Academy's director insisted that all scientific work be first published in Russia, and only then distributed abroad (Gordin, 2006, p. 17), a precursor to the far more aggressive national politics of the nineteenth century. While Pallas was still new to Russia, in 1768, he had to apologize to the Academy of Sciences for not submitting his reports from Siberia in Russian:

"Only after my last report", he wrote, did it become known to me that, in accordance with the Academy of Science's demand, I should write the names of places in Russian, and that because of negligence on my part there was no Russian written in the last report. I ask your forgiveness for this oversight. (Pallas, 1993, p 55)

Pallas improved his Russian and complied with the Academy's demands in the future. In the end, the incident suggests again the remarkably cosmopolitan and contradictory structures within which he and other naturalists worked. Though they constantly threatened, questions of nationality and language never seriously impeded Pallas's international contacts or cosmopolitan orientation. In the meantime, the lure of knowledge in Russia was great enough to counter the intermittent annoyances. "If I were to return to Germany", Pallas once wrote, "I would die of boredom" 25.

Democrats, Bureaucrats, Aristocrats

Despite Pallas's contributions to the Russian Empire, on several occasions he ran into serious problems that call into question the vitality of the Republic of Letters in Russia. Firstly, Pallas kept relations with European scientists that sometimes appeared too cozy to

²⁴ For example, the Prussian Academy of Sciences began publishing in German in 1804.

 $^{^{25}}$ Peter Simon Pallas, Letter to G.F. Mueller, May 17, 1773, in Archive RAN. F. 21. Op. 3. D. 222. P. 172.

the Russians. During his Siberian journey Pallas sent several boxes of specimens to Dutch colleagues instead of St. Petersburg. Furthermore, these boxes were unmarked, suggesting that Pallas was attempting to defraud the Academy of Sciences. When the Academy opened one of the suspicious boxes, Pallas came under fire. Fellow academician Leonhard Euler reprimanded him in Siberia: "You send the best and the rarest things to foreign lands ... without asking the Academy, and we can assume that you've done this previously as well, as the [European] learned newspapers are reporting your finds" Pallas had run up against one of the significant boundaries of the Republic of Letters — knowledge was not free to cross borders at will, but belonged first and foremost to those who had paid for it. Pallas hardly faced this problem alone; all around Europe, with the rise of the learned Academy as the Republic's home, men of learning found their autonomy compromised in exchange for material support (Goodman, 1994, p. 21). Even the Royal Academy in London, fiercely proud of its independence from the monarchy, in fact was closely tied to the British state (Gascoigne, 1998, p. 31).

Pallas faced far more immediate dangers during his return trip from Siberia to St. Petersburg. In 1773 the Pugachev Rebellion had broken out in Southern Russia, and Pugachev's route to Moscow lay directly in Pallas's path. When Pallas arrived on the Ural River that year the area was in a near panic. Refugees from further south were streaming in. The Cossacks (those "raw people" as Pallas called them) were agitated and looked on the brink of rebellion²⁷. In the winter, Pallas's co-expeditionary, Johann Güldenstedt was taken captive in the rebellion. Given the circumstances, perhaps it is not surprising then that Pallas found little sympathy for the revolutionaries. For him they represented an unwanted obstacle to his work, unsavory Steppe-folk descended into anarchy without any real reason. As Pallas put it, the revolt was "a new proof of the old saying that the god of war is no friend of the muses" (Pallas, 1987, p 202). Such statements show a shocking lack of empathy for the barbaric social conditions prevailing on the Steppe. Though Pallas sometimes spoke disparagingly of the "despotism" of Russian provincial officials²⁸, he never commented on the grinding serfdom that increasing numbers of Cossacks and Russian peasants were subject to under Catherine's enlightened reign. Instead, his republicanism had seemingly been checked at the door when he entered the service of the Russian Empire. As Folkwart Wendland remarks, Pallas and the others' refusal to grant the rebellion any legitimacy instead legitimized the autocracy they served (Wendland, 1991, p. 63). While the Republic of Letters in Russia usually met its peers abroad in a spirit of open exchange, the metaphor was rarely pursued in the domestic sphere. In other ways, Pallas was readier to stake his claim in the meritocratic Republic that scorned traditional honors and class distinctions. In a society riddled with petty "princes", especially in the provinces where Pallas spent much of his time, there were many easy targets. In Tsaritsyn, Pallas mocked the dilettantish natural history efforts of Major Nikolai Petrovich Rychkov²⁹. Rychkov showed an annoying eagerness to help Pallas during the latter's travels, devising his own expedition that, in Pallas' estimation, would bring little new information (an assessment the Academy ultimately agreed with) (Pallas, 1993, p. 134, 160). In addition to doing local topographical and zoological work, the Major had set his whole family to the task of researching silk worms, and was working "for the general good with the

²⁶ Letter, from Euler to Pallas, 27. August, 1772, "Materialy o Pallase, from the archival collections of the Academy of Sciences, collected by Keppen," p. 13.

²⁷ Letter from Pallas to Mueller, 17 May, 1773, in Archive RAN. F. 21. Op. 3. D. 222. P. 172.

²⁸ Letter from Pallas to Mueller, November 21, 1771, in Archive RAN. F. 21. Op. 3. D. 222. P. 122.

²⁹ Rychkov's father, Petr Ivanovich Rychkov, was well-known for his scientific work, including the *Topografiya Orenburgskaya* (1762). See Denis J.B. Shaw (2010).

sweat of his own noble Family" in order "to make his name immortal in the history of worms" 20. Pallas played up the (for him) comical distinction between the self-interested, provincially-minded Russian gentry and their adoption of modish Enlightenment phrases and cosmopolitanism. Fame, as Loraine Danston has pointed out, was the gold standard in the Republic of Letters, the only unbiased measure of a person's contribution, and Pallas smugly predicted that, whatever his honors, fame was one thing Rychkov would never get.

Later, Pallas would have many opportunities to rue the still-pervasive power of the aristocracy, especially in Russia. In St. Petersburg, unlike in London or Edinburgh, (though in common with Paris) the head of the Academy of Sciences was a member of the aristocracy. Pallas's tenure began under the leadership of Graf V.G. Orlov, who badly neglected the Academy. Graf Domashnev took over in July, 1775, nearly ruining the Academy through an even more total neglect. The academicians finally demanded his removal, in part because he had shown undue favoritism to Pallas (Gordin, 2006, p. 10). In 1783 Domashnev was succeeded by Princess Ekaterina Dashkova. Dashkova, a personal friend of Catherine II, in particular made life difficult for Pallas, who by that time was one of the most famous of the Academy's members. While Dashkova spoke in favor of the Republic of Letters, she also maintained a firmly national version of the Academy's tasks (Quoted in Gordin, 2006, p. 12). Pallas remarked acidly to Joseph Banks that "Princess D. is too well known in England than to demand an explanation" for why Russian academicians faced difficulties in the 1780s.³¹

In 1784 the brewing battle between Dashkova and Pallas came to a head. In that year the Princess attempted to get Pallas's student, Vasilii Zuev, removed from the Academy for supposedly devoting too much time to extra-academic affairs. When the Academy protested the decision, tension escalated. In a surprising display of anti-aristocratic backbone, Pallas supported his student over Dashkova's wishes, claiming explicitly that Zuev could claim a place in the scientific society through his own merits:

I attest that [Zuev] has never been irresponsible in his science ... during the entire time of his service to the academy as an adjunct. The tasks assigned to him for the *Acta Academia* as well as for the Chancellery are proof of this, and in part have already been published. ... I would even go so far as to say that, in general, he is thriftier and more diligent than his compatriots.³²

Pallas even proposed a ballot be submitted to all members of the Academy asking whether or not Zuev had fulfilled his duties responsibly. The other academicians declined, probably for fear of looking too combative against the Princess. Nonetheless, Pallas persisted and enlisted the Empress Catherine's support. This show of force intimidated Dashkov, who overturned her decision. Pallas must have savored this rare victory over his aristocratic superiors.

As the Zuev incident demonstrates, Pallas' relationship with the aristocracy was by no means simple, and he often benefited tremendously from imperial patronage. Pallas cultivated a personal friendship with Catherine, and reaped the benefits in terms of plum scientific tasks and some measure of influence over imperial policies. Rewards also came in the form of honors and titles that fit uneasily with Republican pretensions. In 1782 the empress granted Pallas the rank of Collegiate Councillor and in 1793 he became a State Councillor, titles which were a great

³⁰ Pallas, Letter to Müller, 9. April, 1774, in Archive RAN. F. 21. Op. 3. D. 222. P. 238 ob.

³¹ Peer Simon Pallas, Letter to Joseph Banks, September 3/14, 1789, in British Library, Add MSS 8097, p 234.

³² Quoted in Raikov, 1955, p. 193.

source of pride for Pallas. More seriously for Pallas' independence from the Russian court, in the 1790s Catherine granted him extensive landholdings in the newly-conquered Crimea, along with a large number of serfs. There Pallas behaved as a typical landowner, jealously guarding his rights to the common woods from his peasants (Rudolphi, 1812, p. 43).

Like most Enlightenment men of letters, Pallas craved the benefits of title even as he dismissed their importance. His relationship with the Englishman Joseph Billings illustrates some of the tensions tugging Pallas in different directions. Billings was a simple seaman who had sailed with James Cook on the captain's third, and last, voyage. When looking for a commander of a new government expedition to the North Pacific in the 1780s, Pallas turned to his international contacts for possible naturalists and sailors. After several possibilities led nowhere, Pallas began to consider Billings. Banks responded to an inquiry about the sailor's character with some disparaging remarks:

Not deriving much hope from the station Mr. Billings held on board the Discovery ships that he could gain insight into the manner of conducting an expedition and consequently not forming any sanguine expectations of his success I postponed answering your last letter. I may, however easily be wrong in my judgment of that gentleman not having any personal acquaintance with him although I believe he has been sometimes in my Library, which I hope is open to all who have any pretense to science.³³

Despite his pessimism, Banks' nod towards the meritocratic aspirations of the Republic of Letters may have helped convince Pallas to give Billings his chance. For a variety of reasons the results of the Billings Expedition (1785–1795) were mixed — Billings has received most of the blame for its shortcomings — but Pallas himself benefitted richly from Billings' scientific endeavors during the voyage. The untutored Englishman diligently sent box after box of Alaskan specimens to Pallas³⁴, who used many of them in completing his *Zoologica Rosso-Asiatica*, and still possessed a large collection of "dried fish from Unalaschka" at his death in 1810 (Rudolphi, 1812, p. 63). For all his labors, Billings received little thanks. Back in St. Petersburg, he began courting Pallas' daughter. Though Pallas' exact words are not recorded, his response was very unfavorable, and seemed to be based on contempt for Billings' low social status. As Billings wrote in an agonized, pitiful 1795 letter: "I will wait with patience till time and fortune shall prepare a period more propitious to the feeling (sic) of my heart which are not under our command"³⁵. Billings died a few years later fighting for the Russian Navy, and Pallas' daughter married the Russian General Lieutenant Baron von Wimpfel (Rudolphi, 1812, p. 48).

Conclusion

The question of the presence or lack of Republic of Letters in Russia carries particular weight because Russia is often claimed to have lacked the institutions of civil society present in early modern Western Europe (Bradley, 2002). What the life and letters of Peter Simon Pallas tell us,

³³ Joseph Banks, Letter to Peter Simon Pallas, September 22, 1785, in Deutsche Staatsbibliothek zu Berlin, Handschriftabteilung, MS. germ. fol 788, p 58.

³⁴ Joseph Billings, Letters to Peter Simon Pallas, November 9, 1790, May 8, 1791 in Deutsche Staatsbibliothek zu Berlin, Handschriftabteilung, MS. germ. fol 788, various pages.

³⁵ Joseph Billings, Letter to Peter Simon Pallas, March 20, 1795 in Deutsche Staatsbibliothek zu Berlin, Handschriftabteilung, MS. germ. fol 788, p 71 op.

however, is that there was significant independent space for a man of letters to operate. In certain respects, even, Russia was an exemplary Republic. Pallas broached controversial subjects such as evolution and fossils that challenged established religion, bringing Enlightenment Europe's debates to the Russian domestic audience. He contributed — haltingly — to the growing professionalization of Russian intellectual and cultural life, as it moved away from the gentry and into the hands of university-educated men. Most importantly, Pallas gave Russians throughout the expanse of the Empire access to a European market for ideas and opinions that faced no significant limitations. While Pallas sometimes censored materials for foreign audiences, the private letters and reports that constituted the core of the Republic flourished in eighteenth-century Russia. Though this republic inside an autocracy faced immense strains, scholars nonetheless enjoyed or created enough autonomy to maintain their cosmopolitan connections and were able to devote themselves as much as anyone in Europe to the disinterested pursuit of knowledge.

The ideals of the Republic of Letters guided much of Pallas' work. His intensive engagement with the leading theorists of the time, his attempts to separate himself from the dilettantish scientific efforts of the nobility, and his struggle to craft a space of independent action within the Academy of Sciences all attest to his membership in the Republic. Admittedly, Pallas often fell short of the Republic's ideals; some of his scientific work directly supported Russian imperial claims, he refused to investigate the issues at the heart of the Pugachev Rebellion, and by the last decades of his life he was enjoying most of the prerogatives of privilege in Russia. The limitations of the Republic inside Russia were ultimately due to its citizens — men like Pallas — who found the favors offered by the Russian state a seductive alternative to the more demanding Republic of Letters.

Literature

Black J.L. G.-F. Müller and the Imperial Russian Academy of Sciences, 1725–1783: First Steps in the Development of the Historical Sciences in Russia. Montreal, 1986.

Bradley J. Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia // The American Historical Review. 2002. Vol. 107, no. 4 (Oct.). P. 1094–1124.

Cohen C. The Fate of the Mammoth: Fossils, Myth, and History. Chicago: University of Chicago Press, 2002. 297 p.

Daston L. The Republic of Letters $\!\!\!//$ Journal of the History of Ideas. 2004. Vol. 65, no. 3 (Jul.). P. 421–432.

Eskildsen K.R. How Germany Left the Republic of Letters // Journal of the History of Ideas. 2004. Vol. 65, no. 3 (Jul.). P. 421–432.

Gascoigne J. Science in the Service of Empire: The British State and the Uses of Science in the Age of Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 247 p.

Goodman D. The Republic of Letters: A Cultural History of the French Enlightenment. Ithaca and London, 1994.

Gordin M.D. Arduous and Delicate Task: Princess Dashkova, the Academy of Sciences, and the Taming of Natural Philosophy // The Princess and the Patriot: Ekaterina Dashkova, Benjamin Franklin, and the Age of Enlightenment / ed. by Sue Anne Prince. Philadelphia, 2006.

Pallas P.S. Reise durch Verschiedene Provinzen. Leipzig, 1987.

Pallas P.S. Nauchnoe Nasledie: Pisma 1768—1771 / ed. by V.I. Osipov. St. Petersburg: Tialid, 1993. 252 р. [Научное наследие П.С Палласа. Письма. 1768—1771 гг. / сост. В.И. Осипов. СПб.: Тиалид, 1993.]

Raikov B.E. Akademik Vasilii Zuev, Ego Zizhn i Trudy. Moscow; Leningrad, 1955. [Райков Б.Е. Академик Василий Зуев, его жизнь и труды: К двухсотлетию со дня рождения. М.;Л.: Издательство АН СССР, 1955.]

Rogger H. National Consciousness in 18th Century Russia. Cambridge, MA, 1969/

Rudolphi K. Peter Simon Pallas: ein biographischer Versuch; vorgelesen in der öffentlichen Sitzung der Königlichen Akademie der Wissenschaften den 30sten Januar 1812. Berlin: Haude &. Spener, 1812. 78 S.

Shau D.J.B. Utility in Natural History: Some Eighteenth-century Russian Perceptions of the Living Environment // Историко-биологические исследования [Istoriko-Biologicheskie Issledovaniya. St. Petersburg]. 2010. V. 2, № 4. P. 35–51.

Wendland F. Peter Simon Pallas(1741–1811): Materialen einer Biographie. Vol. 1. Berlin, 1991. 833 S.

Wendland F., Lühman H.E. Georg Wilhelm Steller (1709–1746). Transfer und Rezeption seiner Forschungsergebnisse im 18. Jahrhundert // Unbekannte Quellen, Aufsätze zu Entwicklung, Vorstufen, Grenzen und Fortwirken der Frühneuzeit in und um Europa: Festschrift für Günter Mühlpfordt / ed. by E. Donnert. Köln und Weimar, 2008.

Williams G. To Make Discoveries of Countries Hitherto Unknown: The Admiralty and Pacific Exploration in the Eighteenth Century // Pacific Empires: Essays in Honour of Glyndwr Williams / ed. by Alan Frost and Jane Samson. Vancouver, 1999.

Пётр Симон Паллас, Сибирь и европейская «Республика Учёных Писем»

Райан Т. Джонс

Университет штата Айдахо, Покателло, США; riones1275@gmail.com

Анализ эпистолярных материалов и трудов П.С. Палласа рассматривается с точки зрения сопричастности его к «Республике Учёных» — прогрессивному, гуманистическому движению, традиционно объединявшему деятелей европейской культуры эпохи Просвещения независимо от государственной принадлежности. Его интенсивные контакты с ведущими теоретиками своего времени, его попытки отмежеваться от дилетантизма в науке и, в то же время, взаимодействовать с аристократами-интеллектуалами, его борьба за независимость Академии Наук от административного произвола — все эти обстоятельства свидетельствует о принадлежности Палласа к «незримому союзу», хотя неизбежные компромиссы принуждали его отступать от основных принципов «Республики»: поддерживать имперские амбиции государства, игнорировать причины и следствия восстания Емельяна Пугачева, пользоваться рядом привилегий, даруемых его положением при дворе. Ограниченное влияние идеологии «Республики Учёных» в Российской империи проистекало из-за невосприимчивости общественного сознания, тяготеющего к государственности и сформированного абсолютистской иерархией социальной структуры.

Ключевые слова: Паллас, «Республика Учёных Писем», европейская культура, Россия, социальный контекст.

«Дар с неба спавший...» (К истории метеорита «Палласово железо»)

В.С. Соболев

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия; ihst@ ihst.nw.ru

Статья посвящена одному из малоизвестных эпизодов знаменитой экспедиции П.С. Палласа 1768-1774 гг. В ней на основе выявленных в Архиве РАН источников, не вводившихся ранее в научный оборот, освещена история открытия «Палласова железа», показан большой интерес научного сообщества к этому открытию.

Ключевые слова: Петр Симон Паллас, «палласово железо», история коллекции Кунсткамеры

Пётр Симон Паллас, приглашённый на должность профессора Петербургской Академии наук, прибыл в Россию в июле 1767 года, и вскоре главным его занятием стала подготовка к предстоящим Физическим экспедициям. На основе инструкций, которыми руководствовались участники Второй Камчатской экспедиции, Паллас совместно с Самуилом Готлибом Гмелиным разработали новые варианты инструкций. Переработанные положения «Инструкций...» неоднократно обсуждались на заседаниях Конференции Академии наук. В результате была составлена и утверждена Общая инструкция, содержавшая обширную программу экспедиционных исследований.

Приведём выдержку только из одного, 7-го пункта этой программы, как имеющего непосредственное отношение к настоящей статье. Этим пунктом, в частности, предусматривалось изучение «полезных родов земель, солей, каменных угольев, турфа или тундры и рудных признаков, так же полуметаллов, важных для коммерции, особливо которых в России ещё не достаёт» (Научное наследие ..., 1993, с. 9.)

В сентябре 1771 г., на третий год экспедиции, когда уже были преодолены тысячи вёрст тяжёлого пути, П.С. Паллас вёл свои исследования на территории нынешнего Красноярского края. В своём рапорте от 20 октября 1771 года, направленном из Красноярска в Академию наук, он следующим образом описывал ход своего путешествия:

«В середине сентября я отправился от Ачинского острога в сторону Абаканского острога, посетил встретившиеся мне на пути соляные озёра около Юса, равно как и серебряные рудники на Карыше и Юрбе, и был вполне вознаграждён за тяготы путешествия, имев удовольствие собрать естественные достопримечательности в большем количестве, нежели надеялся. Наступившие холода и непогода главным образом и затруднили продвижение вперёд, вторую половину пути от Есагашского завода до Красноярска, в виду отсутствия проезжей просёлочной дороги вдоль Енисея, мне пришлось проделать вниз по реке на плотах» (Научное наследие ..., 1993, с. 185).

Именно в этот период экспедиции, на одном из берегов Енисея, между Абаканом и Красноярском, Паллас сделал удивительное открытие, обнаружив «глыбу самородного железа, весом около 40 пудов» (по десятичной системе мер этот вес составляет около 650 кг).

Окрестные жители на вопросы П.С. Палласа о происхождении этого предмета, сообщили о том, что «оная глыба есть дар с неба спавший» 1 , что указывало на внеземное происхождение этого объекта.

Позднее, 19 апреля 1773 г. на заседании Конференции Академии наук было зачитано одно из писем П.С. Палласа, отправленное им из экспедиции. В нём, в частности, сообщалось о найденном «редком образце руды весом 39 пудов и 18 ливров» (по десятичной системе мер ливр равен 489 г). Высоким собранием было принято тогда решение «просить Красноярскую канцелярию помочь доставить образец указанной руды в Петербург» (Летопись..., СПб., 2000, с. 603).

Таким образом, глыба «самородного железа» в числе других многочисленных и ценнейших экспедиционных материалов был доставлена в Санкт-Петербург и передана на хранение в Кунсткамеру.

В 1794 г. Э.Ф. Хладни издал на немецком языке книгу «О происхождении найденной Палласом и других подобных ей железных масс и о некоторых связанных с этим явлениях природы», в которой предположил космическое происхождение глыбы «самородного железа» (Еремеева, 2006). Уникальная находка, войдя в состав коллекций Кунсткамеры, называлась «Палласово железо».

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН нам удалось выявить документы, свидетельствующие об интересе к «Палласову железу». В конце декабря 1818 г. президентом Санкт-Петербургской Академии наук Сергеем Семёновичем Уваровым было получено письмо, написанное на листе простой белой бумаги, но подписанное министром внутренних дел Российской империи Осипом Петровичем Козодавлевым.

Министр писал, в частности, следующее: «До сведения моего дошло, что славный Паллас во время путешествия своего в Сибири открыл там метеорическое железо, и что оное хранится якобы в здешней Кунсткамере. Имея нужду знать о сём достоверно, я обращаюсь к Вашему Превосходительству с партикулярною просьбою, об уведомлении меня, точно ли сие справедливо»².

Позволим себе сделать небольшое отступление и скажем несколько слов об авторе этого письма. О.П. Козодавлев (1754—1819) являлся высококультурным представителем правящей российской элиты. В 1783 г. он стал советником при директоре Академии наук, княгине Е.Р. Дашковой и членом Российской Академии, одним из издателей журнала «Собеседник любителей российского слова». В том же 1783 г. ему поручена подготовка первого академического собрания сочинений М.В. Ломоносова. Современникам О.П. Козодавлев был известен в качестве писателя и переводчика. Он переработал для русской сцены комедию И.-Я. Энеля "Der Diamant", получившую название «Перстень» (1780), трагедию И.-В. Гёте «Клавиго» (1780) и поэму М.А. Тюммеля «Вильгельмина» (1783). Весьма популярна у зрителей была и его пьеса «Нашла коса на камень» (1781). В 1784 г. Козодавлев перешел из Академии наук в Комиссию народных училищ и стал директором Главного народного училища в Петербурге. В этом же учреждении преподавал Василий Федорович Зуев — спутник Палласа по путешествию, его бывший студент и переводчик многих сочинений учителя. Известным приказом Е.Р. Дашковой от 17 февраля 1784 года Зуев был уволен из Академии под предлогом невозможности сочетать научную работу с преподаванием без ущерба для Академии. Только прямое обращение Палласа к императрице позволило Зуеву восстановиться на прежней должности. Зуев с 1785 по 1787 г. был редактором образовательного журнала «Растущий виноград»,

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1-1818. Д. 1. Л. 4.

²Там же. Л. 2.

который выходил под наблюдением Козодавлева. С 1810 по 1819 г. Козодавлев возглавлял Министерство внутренних дел. На этом посту он стал одним из сподвижников императора Александра I в решении проблем улучшения положения российского крестьянства. Козодавлев разработал закон о праве казённых, помещичьих крестьян и вольных хлебопашцев основывать фабрики и заводы (Управленческая элита..., 2008, с. 328). За либеральные устремления его даже называли «новым Гракхом». Основанное Козодавлевым под эгидой министерства издание «Северная почта, или Новая Санктпетербургская газета» носило просветительский характер. Академик П.И. Кёппен отметил, что находил в нем «познание о многих таких вещах, о коих в других сочинениях нельзя почерпнуть удовлетворительных сведений». Издание это прекратилось со смертью Козодавлева (Кулябко, 1999). Возможно, именно для этого издания Козодавлев и обратился в Академию за справкой.

Сразу же по получению письма министра внутренних дел, Канцелярией Академии наук по поручению её президента был направлен срочный соответствующий запрос в Кунсткамеру. Ответное послание руководства Музея сохранилось в архивном фонде Канцелярии Академии наук в виде «Записки о Палласовом самородном железе». Именно на основании этой «Записки» и был подготовлен ответ О.П.Козодавлеву.

В архивном фонде также хранится и черновик этого письма с рукописной правкой самого С.С.Уварова. Анализ текста этого документа показывает, что, видимо, кем-то из помощников президента Академии наук был подготовлен проект ответного письма. В нём О.П.Козодавлеву сообщалось, в частности, следующее: «В кунсткамере Императорской Академии наук действительно хранится глыба самородного железа, найденная Палласом в 1772 году, между Красноярском и Абаканом на реке Енисее, где она лежала на вершине высокой горы отдельно и не была приросшей к оной. Весу в ней первоначально было около 40 пудов. Вид имела неровный, сплюснутый, снаружи покрыта была охряною корою»³.

Однако этот ответ не удовлетворил С.С. Уварова. На листе имеется сделанная его рукой следующая помета: «Включить всё из Записки о железе». После этого к тексту письма было сделано следующее добавление: «а внутри, как и ныне видно, содержится железо ковкое, гибкое, магнитом притягиваемое, с ячейками, кои заключают в себе зеленоватое стекловидное вещество, называемое некоторыми хрисолитом или оливином»⁴.

В таком окончательном виде и был отправлен ответ О.П. Козодавлеву.

В заключение следует отметить, что «Палласово железо» и в наши дни сохраняет свою исключительную научную значимость. Сегодня этот «посланец космоса» экспонируется в отделе метеоритов Минералогического музея РАН им. А.И. Ферсмана в Москве.

Литература

Еремеева А.И. История метеоритики. Истоки. Рождение. Становление. М.: Феникс, 2006. 896 с. *Кулябко Е.С., Козодавлев О.П.* Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. (К $-\Pi$). СПб.: Наука, 1999. С. 100-102.

Летопись Российской Академии наук. Т. 1. СПб., 992 с.

Научное наследие П.С.Палласа. Письма. 1768—1771 гг.: Сб. документов / отв. ред. В.С. Соболев; сост. В.И. Осипов. СПб., 1993. 249 с.

Управленческая элита Российской империи. История министерств. 1802—1917. СПб., 2008. 693 с.

³СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1818. Д. 1. Л. 3.

⁴Там же. Л. 4-4 об.

«A Gift drop down from the Heavens…» (on history of the meteorite "Pallas Iron")

VLADIMIR S. SOBOLEV

Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov, St. Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; ihst@ihst.nw.ru

In 1772 scientific expedition P.S. Pallas in the head exploring a nature in Krasnojarsk region, had been found a 680 kilogram lump of metal. Pallas arranged for it to be transported back to St Petersburg. Subsequent analysis of the metal showed that it was a new type of stony-iron. 1794 E.Hladni had made an analysis of the stone and came to the conclusion that it is the meteorite. This scientific find so called "Pallas Iron" marked the beginning of the Science Academy meteorite collection et Kunstkammera (now — in the Museum of Mineralogy RAS, Moscow). The Minister for Internal Affairs (Department of the Interior) Osip Petrovi Kosodavlev (1754—1819), writer and publisher, was a good educated man and liberal administrator in government of emperor Alexander the First. He published educational edition the "Severnaja Pochta" ("The Northern Post") till his death. Documents from Archives of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg Branch) evidenced on Kosodavlev's special interest in the "Pallas Iron".

ПУБЛИКАЦИИ

П.С. Паллас Мемуар об изменчивости животных (Mémoire sur la Variation des Animaux¹)

Перевод и подготовка к печати А.В. Самокиш Комментарии и примечания Э.И. Колчинского, А.В. Самокиш²

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия; tomasina84@mail.ru

Во избежание возможных сложностей с переводом названий видов животных в круглых скобках дано французское название животного, предложенное Палласом, далее в квадратных — предложенное научным редактором международное (латинское) название.

Так как терминология с XVIII в. подверглась изменениям и некоторые слова могут нести в настоящее время несколько иной смысл, ниже предлагается небольшой словарь терминов, употребляемых Палласом, и их русских аналогов, использованных в переводе. Использовались наиболее близкие по смыслу термины, порой не соответствующие в контексте современному положению вещей.

Race — в тексте чаще дан перевод «раса», однако также используется в значении «порода».

Espèce — вид

Variété — вариация (часто используется как «вид»)

¹ *Pallas P.S.* Mémoire sur la variation des animaux; Première partie, lue á l'Assemblée publique du 19 Septembre 1780, en presence de Msgr. Le Prince Royal de Prusse // Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. 1784. Pars 2. P. 69–102.

² Комментарии и примечания редакторов даны в квадратных скобках курсивом. Комментарии самого Палласа приведены в подстрочнике, как и в оригинальном издании. При этом в круглых скобках сохранена их буквенная нумерация, принадлежащая автору.

Mélange — скрещиваине

Métis — метис, гибрид

Genre — род

Classe — класс

Famille — семейство

Bâtard — бастард, метис

Туре — тип

Déviation — отклонение

Dégénération — перерождение

Некоторые фрагменты настоящего текста ранее были известны в переводе Б.Е. Райкова, выполненном для издания «Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Материалы к истории эволюционной идеи в России»³.

Мемуар об изменчивости животных

Часть первая, представленная на публичной ассамблее 19 сентября в присутствии принца Прусского

Науки многим обязаны великим людям, которые время от времени возвышаются силой своего гения и дают новый толчок человеческому познанию. Однако нельзя отрицать, что благодаря их собственным мнениям, подчас рискованным (a)⁴, и тем уклонам (если можно так выразиться), которые они придают науке, они иногда приносят науке вред и задерживают ее движение вперед, ставя препятствия на пути средним ученым, которые объединенными усилиями, не подчиняясь обаянию гениев, достигают весьма заметных, хотя и менее блестящих результатов.

Естественная история подвержена этому в наши дни сильнее других наук. Тому, кто учится и исследует сегодня, приходится выбирать между двумя великими учителями. Один из них [Карл фон Линней], чрезмерно преданный номенклатуре и описаниям внешних признаков, влюбленный в схоластически искусственную систему, небрежно относится к анатомии, физиологии, к идее связи всех организованных существ, к поведению и нравам животных. Другой [Жоржс-Луи Леклерк, граф де Бюффон] — противник этих методов, отвергаемых, кажется, самой природой, почти не стремится узнавать порядок, план, взаимодействие всего в подлунном мире, и отрицает, в буквальном смысле слова, сходные признаки, по которым сама Природа собрала в группы свои творения. Он считает наивностью выделение этих естественных родов, которые даже не слишком опытный взгляд может определять и всегда созерцать с удовлетворением.

Я не пытаюсь здесь дискутировать о недостатках этих двух известных натуралистов. Здравый ум избирает путь между их противоположными мнениями, и мы можем видеть, что первый из этих великих мужей втайне предпочитает естественный порядок бытия и против собственных правил порой исправляет свою систему в угоду законам природы. С другой стороны, граф Бюффон, отказавшись не только от системы Линнея, но и от идеи естественной системы (естественных родов)

³ *Райков Б. Е.* Пётр Паллас // Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Материалы к истории эволюционной идеи в России. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. С. 42—105.

⁴ (а) Ничто более не замедляет прогресс знаний, чем дурные открытия известного автора, так как прежде чем двинуться дальше, нужно начать с выхода из заблуждений. Монтескье Ш. О духе законов. L. 30. Pc. 15.

вообще, закончил тем, что сам скомпоновал роды и семейства (b)⁵, особенно в тот момент, когда количество видов стало угнетать его в прогрессе работы (c)⁶. И один, и другой, к счастью для естественной истории, пришли в науку в одном столетии, приводя огромными шагами эту науку к совершенству, хотя и разными, порой противоположными, путями. Один, принимавший лишь систематический ум, проявил его, введя порядок и точность в науку, и работал всю жизнь с редким усердием, чтобы умножить знания об организованных существах. Другой, поддерживаемый исследованиями [Луи Жан-Мари] Д'Обантона [Louis Jean-Marie D'Aubenton (1716—1800) французский натуралист, член Французской и Петербургской академий. Известен как главный сотрудник в 1749—1767 гг. «Естественной Йстории» Бюффона, где поместил обширные анатомические *исследования, отличающиеся особенной точностью],* почти исчерпал естественную историю четвероногих, раздвинул границы науки и с помощью внесенного философического духа, открытых им крупных видов и привлекательности своего красноречия заставил многих великих любить науку. Поскольку каждый создал себе сторонников, зло стало меньше, так как авторитеты были уравновешены беспристрастным судом сведущих персон. Если бы это было не так, то, возможно, каждый из них ввел бы в науку воззрения и предрассудки, намного более трудные в преодолении. Важнейшее, что сам я воспринял в предмете изучения, что представляет сюжет этой записки, в чем сблизились два этих великих учёных — есть сюжет изменчивости и перерождения видов; один из них своим вниманием к растительному царству, другой — к животным.

Мне стоило труда разрушить путы, которые были внушены авторитетом этих великих натуралистов. Лишь анализ и сравнение фактов дали мне возможность зафиксировать мои идеи относительно главных причин вариаций среди организованных существ, причин поразительной неустойчивости известных рас (races) домашних животных и относительно своеобразия и сохранения неизменным того, что мы называем видом. Эти трудности обязали меня изложить мои взгляды, которые не согласовываются с идеями шевалье де Линнея и графа Бюффона, и также представить доктрины этих великих мужей в этом материале.

Покойный Линней был первым в ботанике, кто справедливо оценил многочисленные виды (variétés) растений, выращенных в садах, или «детей случайных обстоятельств», которые Турнефор [Joseph Pitton de Tournefort (1656-1708), французский ботаник, профессор ботаники при Королевском саде лекарственных растений в Париже, предложил классификацию растений, наиболее крупные подразделения которой были основаны на строении вен $uu\kappa a \ uem\kappa a]$ и другие ботаники легко ранжировали на простые сорта (espéces primitives). Его усердие в очищении ботаники от этих вариаций, возможно, зашло слишком далеко. После него ботаники долгое время разбирают «завалы» и занимаются восстановлением истинных видов, возможно, слишком легко вычеркнутых им из списка как «вариации», без должного их изучения. Учение Линнея не полагалось на его доктрину в отношении культурных растений, а объявляло простой вариацией любое отклонение от простых форм, которые могут размножаться семенами, или, по крайней мере, которые достаточно быстро вымирают в силу изменения культуры или по причине оставления без внимания всей культуры, поскольку это было причиной вариации. Это хорошее правило также имело исключения, всегда противопоставляемые Природой тем законам, которые люди хотели бы ей предписать. Известный швед определил как истинные виды отклонения диких видов, происходящие непрерывно на наших глазах, которые были, несомненно, обусловлены почвой, климатом или другими обстоятельствами, сильно влияющими на растения, произрастающие из семян на ниве. С другой стороны, он определял некоторое количество видов, близких между собой или сходных, но несколько другого рода, выращенных на той же почве и сохранивших свои характери-

⁵(b)По: Перерождение животных (*La dégénération dex animaux*). *Hist. nat. Vol. XIII*.

⁶(c)В его «Орнитологии» (Ornitologie).

стики, несмотря на воздействие. Первые порой упорно склоняли к определению их как видов, хотя были не более чем явной вариацией (d)⁷. Вторые — достаточно часто представляют результат смешения видов совершенно различных, происходящих из разного климата, но в гербариях, особенно, казавшихся достаточно близкими. Наконец, виды, где сама Природа, которая часто копирует саму себя, словно позаимствовала некоторые черты двух близких или различных видов, чтобы создать нечто среднее, внушили Линнею мысль, которую его ученики повторяют и расширяют: она состоит в том, чтобы рассматривать данные явления как результат «гибридизации». Он принял за правило, что части цветка и вообще органы размножения должны всегда наследоваться от матери, а листья и другие части растения происходят от предполагаемого отца (e)⁸. Линней настолько привык к этой мысли, что никогда не затруднял себя отрицанием самостоятельности этих видов. Он предполагал, что большая часть этих видов, открытых еще со времен Турнефора, могла возникнуть за это время путем «недозволенного» смешения (mélanges illicites). Более того, Природа, по его мнению, не только продолжала производить подобным способом новые виды, но, возможно, само творение принесло сначала только первоначальные виды, а затем постепенно их успешное смешение дало начало всему тому многообразию видов, что мы знаем сегодня.

Некое сомнение мешает нам принять эту гипотезу, которую автор распространял и на животных. Эти сомнения одолевают нас везде, где встречаем изобилие вариаций: большая трудность произвести «гибридизацию» между двумя различными видами, несмотря на все человеческие умения. Фактически доказана невозможность воспроизвести, сохранить эти гибриды как определенные виды или породы (races), будет ли причиной этого их абсолютное или относительное бесплодие или регрессивное вырождение, от чего зависит их исчезновение. В то же время, эти гибриды требуют, для того чтобы быть плодовитыми, помощи от своего первоначального родоначальника (f)9. Все это противоречит факту простой вероятности и заставляет предполагать, что все эти виды, созданные природой сходными или образующими связь между родами, являются намеченными в первоначальном плане творения и обособленными для того, чтобы сформировать цепь существ, которой мы удивляемся, не имея возможности привести другого объяснения, кроме того, что сама творческая сила совершила выбор сочетания и смешения красок и форм, чтобы украсить свои творения. Мы видим, что особенно в родах и классах, богатых видами, часто случается, что два, три и даже более видов словно созданы по одной модели, с большими или меньшими отличиями, но остаются постоянно разделенными между собой $(q)^{10}$. Мы видим это среди классов и семейств, где вариации являются естественно редкими или ложными, где скрещивание становится невозможным из-за строения цветка и даже при помощи человека $(h)^{11}$. Но мы также видим и сходства, которые связывают эти

 $^{^{7}}$ (d)Я цитирую только его *Atraphaxis*, где он выделяет *Polygonum fruticosum; Peloria*, которая является лишь уродством; *Veronica multifida* вариацией от *V. austriaca*, возможно, так же, как *V. virginica* от *V. sibirica*.

 $^{^{8}}$ (e) См. его работы: Plantae hybridae, vol. III и Generatio ambigena, vol. VI. Amoenitates academicae, так же как и другие фрагменты его трудов.

⁹(f) Кельрейтер и Эбель [Joseph Gottlieb Kölreuter (1733—1806), немецкий ботаник, первым указал на роль насекомых при опылении цветков; Johann Gottfried Ebel (1764—1830), немецкий географ и геолог. Оба ученых являлись иностранными членами Императорской Академии наук] произвели опыты над метисами растений, но результаты оказались совершенно противоположными мнению Линнея. См. также Nov. Comment. Acad. Petropol. Vol. XX. P. 56.

¹⁰ (g) Здесь уже были приведены примеры, начиная с обезьян и однокопытных до бабочек и моллюсков.

¹¹ (h) Например, растений из семейств губоцветных (Labiées) [Lamiaceae], мотыльковых (Papilionacées) [Fabaceae] (особенно родов астрагал (Astragales) [Astragalus] и фасоль (Phaseoles) [Phaseolus]), рода льнянка (Linaires) [Linaria], орхидных (Orchidécs) [Orchidaceae] и др.

естественные виды, роды и даже семейства и которые продолжают существовать без того, чтобы на наших глазах прибавилось хоть одно новое звено. Прошло более века с тех пор, как стали проводить наблюдения за растениями и животными при особом за ними уходе, но не удалось выявить ни одного вида современного происхождения, вполне устойчивого и хорошо обособленного. Наконец, раковины, ископаемые скелеты животных, которые залегают в пластах, образовавшихся в ранние периоды существования живой природы на земном шаре, показывают те же вариации, те же формы, которые мы и сейчас можем найти среди ныне живущих.

Я не распространяюсь более об этих идеях, которые рассматривают преимущественно для растительного царства, дабы перейти к тем, которые Бюффон изложил по вопросу об перерождении животных, как наиболее близким к теме, которую я намерен осветить. Этот натуралист-философ пошел дальше, чем Линней. Со своей гипотезой, приблизительно сходной с линневской по отношению к животным, несомненно, он имел основания уменьшить количество первоначальных предков многочисленных рас домашних животных, хотя он не всегда различал истинное происхождение и иногда принимал за вариации ясно очерченные виды $(i)^{12}$. Однако трудно не восхититься большей части тех исправлений, которыми зоология обязана ему в этом смысле. Развивая свои взгляды, он зашел слишком уж далеко. Как вариации, исходящие из одного корня, он вывел весь род газелей (Gazelles) [Gazella], с одной стороны, и с другой — домашних коз (Chêvres domestiques) [Capra aegagrus hircus], козерога (Bouc-étain) [возможно, Capra ibex], серну (Chamois) [Rupicapra rupicapra] и овцу (Brebis) [Ovis aries] (животных совершенно разных по строению тела и особенно по инстинктам). Поразительно, что в поисках доказательства этого утверждения не нашлось ни одного примера, кроме допущения, что скрещивание между козлом и овцой обыкновенно оказывается плодовитым и дает плодовитое потомство. Однако неизвестны случаи скрещивания серны с этими видами или скрещиваний видов газелей (по свидетельству самого Бюффона) и на свободе или в прирученном состоянии под влиянием человека, если не брать в расчет тех редких случаев, о которых сообщает Линней, или неясное указание на скрещивание газели с молодым козлом. Однако сходство газелей между собой не слишком велико и, пожалуй, менее интересно, чем сходство между видами рогатых парнокопытных или хищников, имеющих втягиваемые когти, которых французский Плиний [$E \omega \phi \phi o \mu$] тщательно отделяет (k)¹³.

Наконец, в своем красноречивом мемуаре о перерождении животных (Mémoire sur la degeneration des animaux) прославленный автор, который писал прежде, что «все виды животных обособлены и имеют равное право на творение (un droit égal à la création)», что «в природе все оригинально¹⁴ и она не знает никаких "родов"», в итоге забыл это и сам стал группировать близкие виды четвероногих по естественным родам и семействам, и, основываясь на этих сходствах, он представил совершенно справедливый вывод о том, что были даны причины, которые могли повлечь за собой появление вариаций среди домашних животных, и даже «спонтанные виды» (espèces spontanées), для того чтобы поддержать свою странную доктрину о трансформации известных видов, которые он принимает как первоначальных родоначальников, которых было столько, сколько видов и даже родов (или по его определению рас), близких и сходных, существует сегодня. Еще более странны его идеи о происхождении большинства четвероногих нового времени путем метаморфоз, настолько чудесных, как и превращения у Теллиамеда [герой произведения «Теллиамед, или Беседы индийского философа с французским миссионером о понижении уровня моря, образовании суши,

¹² (i) Dégénération des anim. Vol. XVI из Hist. Nat. p. 328 и далее стоит обратить внимание на несколько видов, коллатеральных по отношению к свинье или оленю, также для альпийского зайца, которого он рассматривает как вариацию, но я доказал, что это отдельный вид.

¹³ (k) См. Spicilegia Zoologica XIII, р. 35 и далее.

¹⁴(l)) См. L'hist. nat. du Zebre («Естественную историю зебры»), vol. XII, р. 3 и критику методов.

происхождении человека и т. д.» (1748) французского путешественника и натуралисталюбителя де Майе] или Овидия [речь речет о поэме «Метаморфозы» (Metamorphoses) древнеримского поэта Овидия, в которой описаны различные превращения, произошедшие со времени сотворения мира, согласно античной мифологии], от древних, уцелевших в глобальных катастрофах, обрушивавшихся на земной шар. Со всеми разумными уступками, как то влияние климата, питания и многочисленных случайностей, связанных с численностью индивидов и их потомства, у наиболее плодовитых видов (три причины, на которых Бюффон принципиально настаивает) все же эти причины никогда не могли бы, как бы долго они ни продолжались, полностью изменить формы, пропорции и даже внутреннюю структуру (m)15 с той точки зрения, которую поддерживает эта гипотеза. Мы видим на примере домашних животных, которых человек перемещает в совершенно иной климат, что власть свыше изменяет лишь их покровы и цвет; что пища может изменить (что мы рассмотрим далее) лишь размеры и пропорции рогов, прибавить несколько «жировых депо» в форме; но небольшое число прирожденных признаков часто исчезает под «другим солнцем», и это именно те, которые животное получило за века своего одомашнивания. К тому же, при рассмотрении видов, как четвероногих, так и птиц, наиболее многочисленных по числу индивидов и дающих наибольшее количество потомства, видно, что сумма наблюдаемых аберраций не обусловлена численностью. Некоторые весьма многочисленные виды не образуют вариаций, в то время как другие, менее многочисленные, довольно изменчивы¹⁶. Даже очень близкие виды, почти равные по численности, распадаются на две группы: одни дают изменения в новом климате, и формируют отчетливые вариации, другие — остаются неизменными. Байбак (Bobak) [Marmota bobak, грызун рода сурков, один из самых крупных представителей семейства беличьих] и суслик (Souslik) [Spermophilus] могут служить наиболее убедительным примером, тем более что Бюффон считал,

^{15 (}m) Американская дикая свинья Пекари (Pécari) — единственный вид, сходный со свиньей по всем внешним признакам этого рода, но имеющий желудок со многими отделениями, подобный тому, что имеется у жвачных животных [пекариевые (Tayassuidae) — семейство нежвачных парнокопытных млекопитающих, которые ранее причислялись к семейству свиней /. И более чем один мешочек открыт в почках, но он существует во всем царстве животных, кроме пекари и еще единственного примера вида Африканской газели, описанного проф. Алламандом [Frédéric-Louis Allamand (1736—после 1803), швейцарский ботаник, в 1749 г. был вынужден поселиться в Нидерландах] в голландском издании Бюффона. Между тем, Бюффон счёл эти две особенности, которые единственные показывают различие пекари, недостаточными и полагал возможным ввести пекари в расу свиней, как пришедших из Старого света, но измененных климатом Америки. Панголин (Pangolin) *[панголины или ящеры — отряд плацентарных млекопитающих Pholidota*, включающий одно семейство яшеровые (Manidae); какой именно род имел в виду Паллас, неясно] и белобрюхий ящер (Phatagin) [Phataginus, род из семейства ящеровые (Manidae), отряда панголины] им же были, кажется, определены, как предок муравьедов Америки (с. 371). Но я предпочту так же вывести броненосца (tatous) [Dasypodidae] от ежа (herisson) [семейство ежовых Erinaceidae включает 23 вида, относящихся к 7 родам], тапира (tapir) [Тарігия, крупные травоядные животные из отряда непарнокопытных, обладающие коротким, приспособленным для хватания хоботом] от носорога (rhinoceros) [Rhinocerotidae], опоссумов (Philandres) [Philander, род семейства Didelphidae] от землероек (musaraignes) [Soricidae] (которых Бюффон вообще забыл определить в какое-либо семейство, так же как и кабаргу (Portemusc, Chevrotain) [Moschus]). И почему орангутан, согласно его доктрине, не является дегенерировавшим человеком, как некогда предполагал Монбоддо [лорд Джон Беннет, автор гипотезы о том, что люди научились говорить от птиц]?

¹⁶ (n) Ласточки (hirondelles) [вероятно, Hirundo rustica], мыши (souris) [Mus musculus] и лесные мыши (mulots) [Sylvaemus uralensis], несомненно, наиболее многочисленны, однако их вариации достаточно редки, так же как и среди рыб, и многочисленных классов насекомых. Здесь можно ссылаться на бесконечное количество примеров.

что растительная пища должна оказывать более значительное влияние на животных, чем питание мясом. Посему хищные виды менее подвержены изменениям. Байбак, который питается только растительной пищей, никогда не прикасаясь к животной, остается, тем не менее, неизменным от Польши до Лены. Суслик, столь же плотоядный [на самом деле суслик в основном является зерноядным животным, с тем исключением, что может употреблять в пищу насекомых], как и серая крыса (Surmulot) [Rattus norvegicus, отличается от большинства грызунов повышенной животноядностью], формирует в одних широтах и в сходных условиях множество чрезвычайно отчетливых вариаций по размеру, цвету, пропорциям (0)¹⁷.

Вслед за представлениями древних, пытавшихся объяснить переселение видов следствием одной из крупных катастроф, произошедших на Земле, Бюффон также видел них причины изменчивости. При этом влияние климатических условий на животных намного преувеличивается, чем оно есть на самом деле. Никогда, между тем, не будет найдена причина, по которой виды, распространенные на обоих континентах, от зоны льдов до тропиков, изменялись бы в своей форме и природе беспрерывно. Почему даже сам человек, который приспосабливается к любым климатическиим условиям и в любых местностях земного шара, сохранил свой вид чистым, и самое большее, что наблюдается, — изменение цвета кожи и волос: вопреки жестоким натискам видов, также близких к нему, как орангутан / \emph{B} озможно, з $\emph{d}\emph{e}\emph{c}\emph{b}$ автор имеет в виду конкуренцию], вопреки его расселению в природе, питанию и разнообразию обычаев. На одной и той же географической долготе можно обнаружить три народности достаточно близкие, вплоть до особенностей строения лица, цвета волос и кожи, в то время как географическая широта обуславливает совершенно различные распределения. Таковы индийцы, питающиеся растительной пищей, цивилизованные и живущие в знойном климате; татары и монголы, кочующие и питающиеся мясом, проживающие в центре Азии... Хотя питание, тем не менее, оказало существенное влияние на нрав и даже на вес и плотность тела (r) 18 . Питающиеся рыбой самоеды $\int c$ амодийцы, общее название ненцев, энцев, нганасан, селькупов и др. народов, говорящих на языках самодийской группы] зоны льдов и народность, распространенная на берегу Слоновой кости, с тем же питанием, в одинаковом климате, но совершенно различны по чертам лица, цвету кожи и волос. Я предложил в качестве примера самоеда, так как я знаю, каковы эти люди (в самом деле огромного роста, который совершенно не согласуется с образом жизни охотников), равно как и их близких родичей по происхождению койбалов (koibales) [исчезнувшая группа носителей одного из диалектов самодийского языка «койбальского», лексика которого записана Палласом], населяющих южную границу Сибири, которые должны им уступить преимущество $(s)^{19}$.

Приручение, практикуемое человеком по отношению к домашним животным, никогда ещё не оказало влияния ни на один дикий вид. Состояние порабощения и сопутствующие ему обстоятельства, несомненно, являются более объективной причиной изменчивости у домашних рас, чем всё то, что дикие животные могут испытать при переселении их в условия, наименее благоприятные для них. И все же человек не мог изменить ни одного животного, им прирученного, если говорить об образовании определенного, достаточно устойчивого вида или расы. Определённый вид домашнего животного, прирученный в конкретных климатических условиях, даже в малой степени не испы-

¹⁷(o) Cm. Novae Spec. quadr. e glir. ordine p. 103. 122. seq.

¹⁸(r) Я выше рассказал о необыкновенном изяществе [грациальности] кочевников расы монголов, которая живет за Байкалом (Samlungen uber die Mongolischen Volkerschaften. I Thel p.171). Специфическая массивность тела варьируется от человека к человеку, особенно среди женщин, чему трудно найти достаточные причины.

¹⁹(s) См. Мемуар о самоедах и лопарях (Mémoire sur les Samoyedes et les Lapons) Клингштедта (Mr. de Klingstaedt) и в части 3 моих Путешествий, с. 68 (о самоедах) и с. 374 (о койбалах).

тывает изменения в различных климатах, где он постоянно должен существовать. Лошадь (Cheval) [Equus ferus] и осел (Ane) [Equus asinus], дикий и домашний, мало меняются при перемене климатических условий. Двугорбый верблюд (Chameau) [Camelus bactrianus. Иногда диких бактрианов выделяют в отдельный вид Camelus ferus] Азии и дромадер (Dromadaire) [одногорбый верблюд Camelus dromedarius] Африки везде, где могут жить, имеют ту же форму, надо полагать, сходную с той, которую животное имеет в диком состоянии (t)²⁰. Если собака, овца, лошадь подвергались изменениям более заметным, то ни питанием, ни содержанием в неволе, ни различиями климата это объяснить невозможно. Здесь причины более глубокие и могущественные. Вследствие смешения видов производительная способность этих рас подвержена известному «пороку». Порок этот можно представить как некоторую порчу флюидов и даже влияние какого-то фермента, миазма [возбудителя болезни] на живое тело. Чистые и первоначальные виды, которые были результатом творческого акта, никогда не смешиваются в естественном состоянии: инстинкт, взаимное отвращение отталкивает их друг от друга. Если, в качестве редкой случайности, особи разных видов и полов, но достаточно сходные между собой, и произведут скрещивание между собой (они могут быть в обособленном одиночном состоянии благодаря какой-либо изоляции), то их потомство либо будет бесплодным, либо не даст далее промежуточных форм, либо при скрещивании с родителями в первом или во втором поколении возвратятся к первоначальной форме того или другого вида. Метисы почти всегда обладают в основном характером матери и тех, от кого они ближайшим образом произошли, как это повсеместно наблюдается у птиц. Потомство всегда возвращается к предкам, сглаживая черты, полученные от «сторонних» самцов, если только они не получают их снова от самца другого вида $(u)^{21}$. Поэтому производство новых видов путем спонтанного смешения должно признать маловероятным, и комбинации, полученные путем скрещивания (joindre) различных видов в диком состоянии, достаточно редки во все эпохи существования земного шара. Даже среди насекомых, у которых скрещивание наблюдается между многими видами, а также среди рыб, у которых оплодотворение выметанной икры происходит вне тела матери, почему возможны, казалось бы, частые скрещивания между разными видами, — даже среди них метисы достаточно редки, как и вариации и уродства $(v)^{22}$.

²⁰ (t) Двугорбые верблюды, которые в достатке существуют в диком состоянии между Тибетом и Китаем, наделены горбами и мозолями для поддержки их «приземистого» тела, однако Бюффон предполагал, что эти свойства были приобретены домашними верблюдами в результате порабощения; но с тем же успехом он мог бы назвать мешочек мускуса и заднюю железу пекари опухолями, вызванными болезнью. Осел, с которым обходились еще хуже, чем с верблюдом, и альпака (Pacos) [Vicugna pacos], которым приходилось носить свой груз, почему-то не обзавелись приобретенными наследственными горбами. Лошадь тоже не имеет приобретенных горбов, несмотря на обилие работы, наибольшим результатом которой являются синяки и другие следы усталости, вызванные сбруей или седлом.

²¹ (u) Китайский гусь (Oye chinoise) [Anser Cygnoides] часто скрещивается в России с самками обыкновенного домашнего гуся (Oye domestique ordinaire). Метис, полученный путем этого союза, дает весьма плодовитую прекрасную породу, но которая быстро возвращается в состояние домашнего гуся, если нет постоянных новых скрещиваний с китайским.

²² (v) Среди древесных клопов (punaises d'arbres) [Acanthosomatidae], божьих коровок (coccinelles) [Coccinellidae] и листоедов (chrysom les) [Chrysomelidae] наблюдается частое гетерогенное [межвидовое] скрещивание; при этом мы не видим рождения новых видов и явления вариаций, приближающихся к одному или другому изначальному (примитивному) предку. Метисы рыб не являются достоверно признанными, хотя находятся уродства различного вида среди мелких рыбешек раннего возраста, однако практически нет примеров тому, чтобы существовали подобные уродства в более позднем возрасте.

Совершенно по-другому дело обстоит с домашними животными. Первые люди, которые догадались их приручить с намерением использовать образованные стада для своего прокормления, скорее всего не производили никакого отбора среди приручаемых особей. Несколько молодых особей, которые были пойманы на охоте живыми, должны были погибнуть в раннем возрасте. Те, которые остались в живых, продолжали скрещиваться с самцами другого близкого вида, которых представлял им случай, в те ранние времена домашние животные были ещё редки. Несомненно, виды, гибриды которых относительно бесплодны и не могут скрещиваться, не могли передать свои первоначальные формы. Хозяева продолжали сохранять чистоту породы, и бастарды, скрещиваясь с родительскими pacaми (races parentes), деградировали. Таким путем лошадь и осёл остаются неизменными в любых климатических условиях. Таким чистым видом является также домашний бык, который не имеет других значительных вариаций, кроме наличия жировых наростов, известных у быков в жарких странах — отличие, зависящее от лучшего питания, как большой живот у обжоры. Верблюд и дромадер по одному виду в каждой части света, там, где они приручены, не поддаются смешению и не подвергаются значительным изменениям в течение 30 веков их одомашнивания. Домашняя свинья (Cochon domestique) в Европе и большей части Азии или обыкновенный кабан (Sanglier ordinaire) [Sus scrofa], распространенный вплоть до Восточного океана, были одним видом, из которого могла быть выведена эта раса, практически всегда сохраняющая свою первоначальную форму. Несмотря на частоту ее многочисленных пометов, несмотря на грубую и разнообразную пищу, к которой ее вынуждают, она не изменяется ни в чем, кроме как в размерах, жирности, цвете и размере и «степени повислости» ушей $(*)^{23}$.

Наконец, северный олень (Renne) [Rangifer tarandus], единственно распространённый в арктических пространствах, не способный существовать в других условиях, остаток чистой расы, почти не изменившейся в одомашненном состоянии. Можно сюда причислить и кошку, вариации которой проявляются в окраске и длине шерсти и вообще незначительны.

Но ситуация совершенно иная с козой, овцой и собакой и также некоторыми домашними птицами. Эти животные настолько видоизменились относительно своего первоначального типа, что с трудом можно узнать их дикого предка. Возможно, некоторые из них — скорее искусственные расы, и не следует указывать в качестве их предка какой-либо единственный вид. И как ни парадоксальна эта идея, а я надеюсь, что она всё же недалека от истины, если обратить внимание на детали, которые

^{23 (*)} Не могут опровергнуть мои рассуждения и два нижеследующих примера. Китайская свинья (Cochon chinois) со спиной округлой, почти голой, приземистая, выведенная англичанами в Европе и самими китайцами в Сибири, ни Гвинейская свинья (Cochon de Guinée) *[ошибочно* может быть перевена как морская свинка (Cavia porcellus), однако речь идет не о ней, а о виде домашних свиней, также известных под названием cochon nainel с остроконечными длинными ушами. Я всегда был согласен с теми путешественниками-исследователями, которые однажды доказали, что эта китайская раса произошла от дикого вида, совершенно иного по форме и по инстинктам от наших кабанов. Этот вид — кабан Новой Голландии, который так упоминали путешественники (Pennent Hist. Of Quadropeds. P.128). Домашняя раса распространилась уже по всем островам Индийского океана и большого Южного моря [«Южный Ледовитый океан»: регионы Тихого, Индийского и Атлантического океана в районах, прилегающих к Антарктиде]. Возможно, что на самом деле не существовало ни диких, ни домашних свиней в Индии, как это утверждает Elien [Johanns Alcok Elien] вслед за Ктесием (Ctesias) [Ктесий Книдский, древнегреческий историк второй половины V – начала IV вв. до н. э., автор «Индики», сочинения, посвященного Индии и составленного на основе рассказов персидских информаторов историка/ в Livre III Chapter 3 его Hist. Des. Anim. Для гвинейских свиней (Cochon de Guinée) возможно происхождение от другого дикого вида, ещё достаточно не известного (Pennent. L.c.p. 132). Эти два вида, даже домашние, не скрещивались добровольно с нашими обыкновенными свиньями, хотя все животные в одомашненном состоянии более пылки в совокуплении и менее верны по отношению к своему виду.

помогут мне доказать это и с большой вероятностью покажут нам происхождение и причину многочисленных и серьёзных изменений среди этих домашних животных.

Почти все натуралисты считают альпийского козерога (Bouc-étain) [альпийский горный козёл, Capra ibex Pallasl единственным родоначальником нашей домашней козы. Несомненен факт, что она легко производит потомство с этим животным в прирученном состоянии $(x)^{24}$. Но метисы от этого скрещивания настолько похожи на отца по шерсти и форме рогов, что эту сторонюю примесь можно сразу заметить. Я уже доказывал, что первоначальный предок наших коз, откуда произошла форма их рогов, это дикий козел, которого описывал Э. Кемпфер [Engelbert Kämpfer (1651–1716), нем. естествоиспытатель, врач и путешественник, один из первых европейцев-исследователей Японии] под именем пасенжа (Paseng) [Capra caucasica Güldenstaedt et Pallas; кавказский горный козел или тур], животное, близкое к безоаровому козлу (Bezoard) [Capra aegagrus. Бородатый козёл, считается прародителем домашней козы] (у)²⁵. Он встречается в горах Индии, Персии, возможно, также в Малой Азии и Греции. В этих древних горных странах, которые, несомненно, были колыбелью человеческой цивилизации, имелись пастбища, пригодные также и для козерога, который многочислен в самых высоких горах Азии, довольно редко приручаемого по причине того, что жил слишком высоко и в недоступных местах. Спариваясь с козами, пасенжи постепенно становились домашними и производили при таком смешивании метисов — формы сильно измененные, плодовитые, которые и сейчас можно наблюдать, когда спаривается козерог с домашней козой. Это странное скрещивание, имевшее место в Альпах, где обитали прежде кочевники и охотники, должно было дать первые изменения, первый тип девиации первичного вида. Однако первоначальный вид достаточно хорошо мог быть распознан по форме рогов среди домашних коз $(z)^{26}$. На Кавказе и в высокогорьях Малой Азии есть ещё один вид дикой козы, неизвестный Бюффону, с сильно изогнутыми рогами, на манер муфлона (Mouflon), но с раздвоенной бородой [Capra cylindricornis. Восточнокавказский или дагестанский тур], как у пасенжа²⁷. Возможно, что введение нескольких прирученных индивидов этой козы произвело, совместно с климатом Малой Азии, ангорских коз (Chévres d'Angora), совершенно иную, особенно со своими расходящимися, скрученными в спираль рогами. Из первоначальных пород коз нельзя вывести другие только благодаря условиям влияния солнца и климата. Можно предполагать также, что эти ангорские козы происходят напрямую от прирученных кавказских коз, и что скрещивание того же дикого вида с домашней овцой дало породу овец Валахии и Венгрии, у которых спиралевидные рога свидетельствуют об общем происхождении. Африканская коза (Cabri d'Afrique) еще, кажется, сохраняет свою окраску и другие отличия от скрещивания с диким видом, который мог бы быть своеобразным для гор Африки²⁸. Возможно, все чуждые породы были далеко увезены от их первой родины, или более того, эта коза не могла скрещиваться с дикими особями, которых люди истребили охотой повсеместно, или была изолирована

²⁴(х) См. примеры подобных скрещиваний в Spicileg. Zoologica Fasc. XI р.

²⁵ (у) Я описал это животное во введении, процитированном в предыдущей записке. Будет излишним повторять здесь, что Бюффон ошибочно атрибутировал настоящего безоарового козла как вид газели, который он назвал Pasan.

²⁶ (z) В Далмации, по наблюдениям Брюниха [Morten Thrane Brünnich (1737—1827), датский зоолог и минеролог, состоял в переписке с Палласом], домашние козы все похожи на альпийского горного козла (Ibex). Во всей Северной Азии они распространены более, чем пасенж (Paseng). Здесь можно заключить, что стадо далматских коз было произведено и чаще скрещивается с расой альпийского козерога, в Азии же, напротив, предпочтителен пасенж.

²⁷(a) Cm. Acta Acad. Petrop. La description de Capra caucasica.

²⁸ (b) Лесная антилопа (Tragelaphe) [Tragelaphus] Кая, описанная также у Пенанта [Thomas Pennant (1726-1798), натуралист из Уэльса, член шведской королевской Академии наук, автор «Истории четвероногих») (Hist. Quadr. p. 47), кажется отличной от коз Кавказа.

от них той мерой, которой удерживаются стада и популяции на земном шаре. Мало-помалу эти породы перемешались, изменчивость доказывает их связь, и домашняя коза стала, наконец, такой, какой мы ее знаем сегодня, породой изменчивой и причудливой.

Наши овцы (bêtes a laine) воспроизведены, возможно, от муфлона как первоначального предка. Ho apxap (Argali) [Ovis ammon — apxap или apгaли] из Сибири, несомненно, является видом чрезвычайно близким и мог бы принимать участие в доместикации. Если домашняя раса, произведенная или муфлоном, или архаром была бы оставлена чистой, то мы не увидели бы столь заметных вариаций. Сейчас, когда мы находимся здесь, в натуральном кабинете Академии, мы видим шкуру этого животного Туркестана, которого персы называют диким бараном (Béliere sauvage) и который, как мне кажется, отличается от муфлона Корсики и Сардинии (c)²⁹; я уже начал сомневаться, что архар является вариацией, как я считал это ранее, вместе с Бюффоном — форма рогов кажется особенно сходной при сравнении. Если эти животные принадлежат к самостоятельным диким видам, то сравнение их внешнего облика, тем не менее, показывает, что они, без сомнения, весьма близки между собой, и можно полагать, что один или другой вид приручен в Азии. Скрещивание животных со сходством столь очевидным должно непременно быть плодовитым и ухудшать в домашней породе чистоту происхождения, от которой зависит постоянство форм у животных. К тому же дикие виды, которые производили потомство совместно с домашней козой, могут сильно способствовать в деле искажения облика первоначального предка нашей овцы, как козел это неоднократно делал, производя с овцой плодовитых метисов (d)³0. Более чем вероятно, что овцы, по воле человека обитающие в различных климатах, и производительные силы которых утеряли первобытную простоту, воспроизводят под влиянием климата и пищи более значительные и быстрые отклонения от первоначального типа, которых не могло быть у чистой расы животных.

Наконец, различные породы домашней собаки предъявляют нам наиболее поразительный пример таких отклонений и наиболее серьезные доказательства существования причины, на которую я сам указываю. Среди всех рас домашних животных эта, если можно так сказать, создана человеком в её текущем состоянии путём постепенного соединения различных диких видов, близких по своей природе. В течение веков эти виды скрещивались с целью получения тех пород собак, какие были желательны для службы и охоты. Согласно Аристотелю, это смешение было произведено ещё до начала его эпохи (е)³¹. Хотя Бюффон в нескольких неудавшихся (manquées) опытах выказал сомнение в том, что собака могла бы скрещиваться с каким-то видом волка или лисицы, многочисленные современные наблюдения уже подтвердили эти факты. Например, волчица с домашним псом во Фландрии или в Англии, есть многочисленные примеры плодовитого скрещивания собак с волком (f)³². В окрестностях Москвы наблюдается большое количество волков, плодящихся

²⁹ (с) Это животное достаточно описано Гмелиным [Самуил (Самуэль) Георг Готлиб Гмелин, Гмелин-младший (1744—1774) в Vol. III его путешествия в Персию. Согласно «Описанию Сардинии» (Descripzione della Sardegna) Цетти [Francesco Cetti (1726—1778), итальянский натуралист] муфлон Италии также является рыжеватым, каков он в Персии, и самки одного или другого края не имеют рогов, что полностью отделяет муфлона от архара.

³⁰ (d) Если баран не дает плодовитого союза с козой, в то время как козерог плодовит с овцой, я не утверждаю здесь вместе с Бюффоном, что раса «длинношерстных животных» (b tes a laine) более слаба; но я недавно нашел причину этой разницы через строение органов козы и барана, которые не подходят, возможно, так хорошо, как у козла и овцы.

³¹ (e) Аристотель. Hist. Anim. Lib. VIII с. 28.Ossian.cyneget. lib. R. vers. 392 seq., где, однако, сказано, что чистые расы были лучшими; и vers. 429, и что собаки были предпочтительны те, которые имели сходство с дикими животными, например волком, лисицей, тигром.

³²(f) Пеннант (Pennant) Hist. Of Quadr. p.222, 223.not.Pline сказал (в Liv. VIII. Chap. II его Hist. nat.), что галлы смешивали волков с собаками, чтобы произвести лучших собак для службы.

с собаками и получающих плодовитых метисов, без всякого внешнего вмешательства. Есть многочисленные примеры плодовитого скрещивания лисицы и домашней собаки в Германии и Англии $(q)^{33}$, где метисы также показывают свою плодовитость. Следовательно, неразумно сомневаться в том, что скрещивание собаки с шакалом (Chacal sauvage) [Canis aureus], наиболее ей подобным из всех животных размером, формой и инстинктами, с обычными породами домашних собак должно быть плодовитым, особенно в естественном для шакала климате. Единственный современный опыт в этом роде также прекрасно доказывает связь шакала и собаки и их естественную дружбу (h)34, но он не был расмотрен, так как использованное в этом опыте животное слишком мало прожило, было довольно молодым, больным и уставшим от долгого путешествия, чтобы опыт, произведенный в холодном климате, в неподходящих для спаривания условиях, был успешен, а изменить обстоятельства мы не могли. Тем не менее мы не можем найти убедительных возражений против моего предположения, так как на Востоке известен факт, что дикий шакал спаривается с домашними собаками; и имя дикой собаки, которое было дано шакалу, достаточно доказывает то, что мы предполагаем о родстве шакала и домашней собаки. Также я убежден в том, что шакал, который легко сближается с человеком и, стало быть, является тварью социальной, и инстинкт «преследующей» охоты ещё более сближает его с собакой и показывает, что он принимал участие в этой расе друга человека. Но в незапамятные времена он был смешан в прирученном состоянии с большим количеством животных этого рода, чтобы произвести искусственную породу животного, которое мы называем собакой и которое есть раса, искажённая бесконечными вариациями в различных комбинациях и под воздействием разного рода влияний.

Бюффон насчитывал тридцать вариаций или рас собак, среди которых он выделял 17 основных в соответствии с климатическими условиями, которые не имеют, как нам кажется, явных воздействий на домашних животных, так как мы не наблюдаем значительных изменений у столь же распространенных диких видов, которые более подвержены неблагоприятным условиям погоды сезонного климата. По примеру доказанного скрещивания собаки с дикими видами того же рода, мы увереннее можем принять, что есть примитивные расы (races primitives), которые приближены более всего к этим диким животным, даже тем, у которых современный опыт еще не подтвердил возможности спаривания и плодовитости с нашими домашними животными. Три этих расы домашних животных существовали уже во времена Аристотеля и отличались между собой, в то время как их дикий родоначальник даже во времена зарождения, который в наши дни, под воздействием скрещиваний, стал примерно один для всех собак. Аристотель говорит нам, что с тех пор мы скрещиваем первоначальные расы для получения благородных. Одной из самостоятельных (originale) рас была, несомненно, собака кочующих племен Азии, которую Бюффон, кажется, не знал. Она была более грациальной, чем пастушеские овчарки (Chien berger d'Europe) Европы, и приближалась по форме, а порою и по цвету, к дикому шакалу (Chacal sauvage) [вероятно, речь идет о египетских собаках у Аристотеля, под которыми он, скорее всего, подразумевал разные породы, вывезенные из Египта, включая и борзых]. Молосские собаки (Canis Moloticus) [молосские собаки, используемые на oxome] Аристотеля, кажется, были той же первоначальной расой. Шакал, прирученный в умеренном климате Азии, мог тогда скрещиваться с волком. Далее к северу, где шакал уже не мог существовать, повторные скрещивания с волком трансформировались в домашнюю породу овчарок

³³ (g) Иоганн Блюменбах [Johann Friedrich Blumenbach (1752–1840) — немецкий физиолог, анатом, основатель физической антропологии] о естественном многообразии человеческого рода p.10. Zimmerman Zool. Gegr. Pennant Hist. of Quadr. l.c.

³⁴ (h) [Иоганн Антон] Гюльденштедт [Johann Anton Güldenstädt (1745–1781) — естествоиспытатель и путешественник, автор первого описания и характеристики почв, растительности и животного мира южнорусских степей], в его описании шакала рассказал об этом.

(chiens bergers), более сильных и суровых, которые являлись, без сомнения, аристотелевскими Canis Pecuarius [крупные эпирские пастушьи собаки, охраняющие стада овец]. Название «собакаволк» плохо подходит, так как овчарка обыкновенно больше похожа на волка цветом и шерстью, не отличаясь от последнего ничем, кроме как длиной шерсти. В пустынях Средней Азии инстинкты и сила домашней породы всегда поддерживались периодическим скрещиванием с прирученными шакалами, а в большей степени случаями спариваний собак в период течки с дикими шакалами (i)³⁵. Посредством этого кочевые собаки сохранили сходство с этими животными. Выбором особей для скрешивания и, возможно, также вынужденным голоданием была получена порода утонченной борзой (Lévrier), а также порода, происходившая от французского бульдога (Levant), которая могла произвести с собаками севера большого датского дога и другие разновидности. Дог (Doque), обычный для Индии и Азии, является малым и, несомненно, как показывают характерные черты и традиция, которые древние сохранили нам в собаках Индии, произведен от другого дикого вида, возможно, гиены (Hyêne), путём скрещивания с собаками сильной расы. Неоднократно в древних преданиях происходило оплодотворение этого свирепого животного тигром, подобие шкуры которого оно носило [здесь Паллас говорит об индийских собаках Аристотеля, которые якобы *произошли о скрещивания гиен с тиграми*]. Метис, произошедший от такого скрещивания, станет, как это часто происходит в таких случаях, «амбигенным» [т.е. гетерозисным по современной *терминологии*, ещё более крупным и ещё более сильным, чем предок, от которого он взял силу, крупную морду, короткие уши, взъерошенную на спине шерсть, менее многочисленный приплод и часто поперечные полосы, впрочем менее характерные среди этих собак, за исключением бульдогов (Doquins), карликовых в этой расе. Крупные борзые также сохраняют разнообразие и крупный размер смешиванием своей расы с достаточно отдаленной расой догов. Изнеженностью воспитания и различными ухищрениями дог впоследствии видоизменился («дегенерировал») до произведения легавых (Braques) и гончих (Chiens courants) собак, в которых я вижу последнюю стадию воздействия человека на породу и вырождения домашней собаки. Наконец, наследственное заболевание вкупе с вышеозначенными причинами породило бассетов (Bassets).

Еще одна самобытная раса — это Лаконская собака (Chien alopecide), как её называли древние [лаконские (спартанские) собаки, якобы возникшие при гибридизации собак с лисицами]. Бюффон её не принимал в качестве первоначальной расы, однако она была достаточно распространена в северных странах и головой была похожа на лисицу, равно как и ушами, пропорциями ног и хвоста, туловищем низким и длинным и, очень часто, шерстью и окраской, и даже инстинктами и проворством движений. Эта собака, без сомнения, появилась в результате скрещивания лисиц с мелкими особями первичной расы, и под влиянием изменчивости, климата и культуры (ухода) они произвели многочисленные мелкие вариации собак.

Наконец, возможно, что исландская собака (Chien d'Islande) [Íslenskur fjárhundur — порода собак, происходящая от собак, привезённых в Исландию викингами и давшая начало различным породам колли и верш-корги] является результатом скрещивания с песцом. Американские собаки (Chiens americains) [видимо, Паллас здесь говорит о всем разнообразии американских собак: индейской собаке, аките, стаффордширском терьере и т. д.] — с некоторыми видами

³⁵ (i) То же произошло и с волком. Мне рассказывали о факте, произошедшем среди калмыков на Волге. Один калмык нашел собаку, потерявшуюся и совокупившуюся с волком, у него было время, чтобы догнать и убить дикое животное прежде, чем оно смогло убежать. Поскольку калмыки прежде то спускались, то поднимались по Волге, достаточно часто довольно большое количество собак оставались позади. Эти брошенные собаки бегали по пустыням, питаясь полевыми мышами, сусликами, зайцами, птенцами и находили своих хозяев после долгого отсутствия. Вполне возможно, что эти собаки, ставшие частично дикими, часто скрещивались с волками.

лисы Нового Света. Множество вторичных рас образовалось из этих первоначальных, благодаря отбору и скрещиванию индивидуумов. Благодаря наследственным уродствам, какими являются висячие уши, кривые ноги, дополнительные пальцы на задних ногах, иногда раздвоенные или удвоенные у легавых собак, косматая, как тело, голова и т. д. Жаркий климат тропических стран, а ещё в большей мере изнеженность, в которой держат маленьких комнатных собачек, иногда делают у них шерсть очень короткой. Собаку с хорошим волосяным покровом через несколько лет такого «воспитания» можно сделать совершенно голой, как я сам убедился на опыте. Наконец, наибольшую изменчивость показывает окраска домашних животных, вследствие выдумок (l'imagination) матерей, слабости эмбриона или других обстоятельств. Но крупные первоначальные вариации, которые мы рассмотрели выше, никогда не могли родиться без скрещивания с инородным видом у чистого вида домашнего животного.

Есть примеры, доказывающие наши предположения о подобных скрещиваниях, и среди домашних птиц. Один из наиболее достоверно указывающих примеров тому — домашние гуси, которых часто скрещивают с самцами китайского гуся (Oye chinoise) [Anser Cygnoides], откуда в результате появляется прекрасная промежуточная порода, которая разводится в некоторых частях России как бойцовая. Но и этот китайский гусь, каков он есть изначально, кажется, сам не был чистокровной расой, а был диким видом [Anser anser], переходным для Сибири, претерпевавшим достаточно серьёзные трансформации, возможно, скрещиваясь с двумя видами лебедя (Суппе). Другой известный пример — это плодовитость мускусной утки (Canard musqué) [Cairina moschata] с домашней уткой (Canne Ordinaire) [Anas platyryncha]. Многочисленные вариации домашних голубей (Piqeons domestiques) [Columba livia var. domestica], несомненно, обязаны своим происхождением скрещиванию различных сторонних видов с диким голубем. И наши дворовые куры (Poules de bassecour), у которых ни один исследователь не определил ещё достоверного дикого родоначальника, могли бы быть с большой вероятностью такой же искусственной расой, как и наши собаки. Несколько вариаций, по меньшей мере сильно распространённых сегодня, должны представляться как вариации со смешанным происхождением (генеалогией). Например, хохлатые куры (Poule a grosse huppe) [Galljnares barbatjcus. Эти куры были описаны Палласом, в настоящее время известны под названием Павловской породы], возможно, взяли свой утолщённый череп от цесарки (Pintade) [Numida meleagris], которая этот вид довольно часто имитирует крапинками. По меньшей мере, утверждается, что цесарка может давать плодовитые гибриды с курицей и изолированные самцы очень пылки. Фазан (Phaisan) [различные виды рода Phasianus] также прекрасно скрещивается с курицей, и цыплята, произведённые этим скрещиванием, превосходят размером своих родителей. Другие виды лесных куриных [Паллас, видимо, имеет в виду куропаток, тетеревов, глухарей] могли некогда способствовать формированию нашей домашней птицы, так как они даже в наши дни показывают возможность произведения потомства с уткой (k)³⁶. Наконец, известно, что бастарды, которые так легко наблюдаются при соединении канарейки и щегла и других близких (collatérales) видов, сами дают плодовитое потомство, хотя и не формируют устойчивую самостоятельную расу.

³⁶ (k) Этот удивительный пример, рассказанный одним достойным современным автором (Taubens Beytraege zur Naturgesch. Des Herzogth. Zelle II Band p. 257), которому можно доверять и который дал столько подробностей, что невозможно сомневаться. Утка, единственная во дворе фермы, приветствовала ласки петуха. Из снесенных ею яиц вылупились шесть птенцов неравномерной окраски, имевшие инстинкт не бояться воды, но были лишены перепонок на лапах. Представленные метисы Pennant (Hist. of Quadr. p.272), которых бенгальский тигровый кот, не боящийся воды, произвел с домашней кошкой, сохранили также инстинкт отца бросаться в воду без страха.

Во все времена выбор особей, предназначенных для размножения, определялся задачей сохранения пород домашних животных и птиц, — то, что мы называем облагораживанием, хотя это часто связано с уничтожением естественных свойств. Сельскохозяйственный опыт человека издавна установил здесь свои правила, и некоторые виды, например, лошадь, под воздействием человека стали значительно крупнее, сильнее и красивее, чем в диком состоянии. Это достигается не чем иным, как хорошим уходом, выбором благоприятных условий, скрещиванием с особями, предназначенными на племя, чем повышается благородство породы, которая без этого тотчас возвращалась бы к своему дикому состоянию. В общем, по отношению ко всем домашним животным, как при гибридизации, так и в деле улучшения породы, ясно видно, что именно влияние «генеративных сил» поддерживает и уравновешивает воздействие всех иных причин, которые могут изменить внешний вид животных. Таково, например, улучшение качества шерсти в плохих стадах при малоблагоприятном климате посредством добавления в стадо баранов хорошей породы. Таково же, например, разведение ангорского скота в Швеции от ангорского козла (Bouc d'Angora) /*или кемельская коза — название одной* породы обыкновенной козы Capra hircus, считается также особым видом Hircus angorensis] с сохранением характера этой породы в течение многих поколений. Также мы видим в России эталоны волнистой шерсти, данные для всех жеребят, которых производят. При разном цвете у них всегда сходная грива. Но эти самые «генеративные силы» везде существующие во всей их чистоте, не изменяют типа, сформированного самкой благодаря некоторому постороннему живому ферменту; и поддерживаемые у диких и некоторых домашних видов животных первоначальные формы, сопротивляясь всем влияниям климатических условий и питания и удерживая виды от изменений и деградации. Если же имеет место некоторое отклонение или некое дополнительное наследственное влияние, примеры коих нередки, то природа тотчас свободно вступает в свои права и восстанавливает первоначальную форму, как ни старались бы люди сохранить изменённую породу домашних животных, подбирая пары и закрепляя во многих поколениях новый тип. Это никогда не могло бы произойти с дикими видами, у которых вариации слишком редки. Также мне кажется, что инстинкт самок, который их заставляет обыкновенно предпочитать самцов наиболее сильных, мужественных и совершенных. Соединяясь с прекрасными самками, они способствуют сохранению вида в тех формах внешности, которую самцы, образно говоря, предпочитают. И этот же инстинкт заставляет стать обделенными вниманием изгоями или не привлекаюшими внимание самок большей части видов самцов слабых и тех существ без пола, которых называют гермафродитами и которые есть всего лишь неудавшиеся самцы. Только благодаря этим «генеративным силам» и зависит тот дух единой силы, который замечается на лицах и в форме голов целых наций, которые не смешиваются, несмотря на соседство, переселения и войны. Например, калмыки и другие монгольские народы Средней Азии представляют собой в этом смысле поразительный пример, будучи окруженными народами, физиономии которых совершенно иного характера. Я, безусловно, уверен, что цвет кожи и структура волос негроидов зависит именно от этой причины, а вовсе не от климата, так как мы видим, что есть народы с обычной шевелюрой, обитающие в одном климате с неграми. И в то же время настоящие чернокожие живут на островах Южного моря *[«Южный Ледовитый океан»: регионы Тихого*, Индийского и Атлантического океана в районах, прилегающих к Антарктиде] с умеренным климатом. Не иначе как благодаря этой самой генеративной силе вариации также осуществляются посредством климатических факторов, как и каких-либо других влияний, действовавших в течение долгих веков, причем они проявляются при скрещивании в первом поколении и почти исчезают во втором и третьем поколениях: но между тем они противостоят всем иным коррективам.

Если природа поставила препятствие для скрещивания диких видов, посредством непреодолимого инстинкта, посредством бесплодия гибридов, их слабости и несовершенства и, наконец, путем их рассеивания по различным пределам земного шара; и «фальсификация» этих свойств, которые распространяются и сохраняются в чистоте видов, практически не может произойти среди диких

видов. Если спонтанные виды не смешиваются между собой или, как минимум, не дают устойчивых рас, как постоянно подтверждает смешанное скрещивание у насекомых, доказанное в наши дни, тогда следует провозгласить, что происхождение видов путем изменений под каким бы то ни было влиянием невозможно, и нужно признать для всех видов, которые нам известны как обособленные и установленные, один порядок и одно и то же время их появления. Плодовитые помеси, которые искусственно можно получить между несколькими первоначальными видами, ещё не дают основания рассматривать их как расу или приписывать им общность происхождения, поскольку два диких вида в диком состоянии размножаются самостоятельно при участии обоих полов и поскольку оба эти пола по своим постоянным признакам существенно отличаются от близких к ним видов.

Напротив, уклонение от видового типа, который обнаруживается при размножении без нарушения единства вида, и суть естественных вариаций далеко менее многочисленные среди диких животных, чем служат видовой неустойчивости среди тех искусственных одомашненных видов, о которых я говорил. Чаще всего эти вариации являются индивидуальными. Иногда они касаются целых рас и возникают, пока действует причина, их породившая, или пока сохраняется влияние на размножение. Первые можно назвать случайными вариациями, вторые — расовыми вариациями. Последние обычно вызываются климатом и пищей, но по большей части касаются изменения цвета и размера и тому подобных незначительных изменений. Иногда это разрушают уродства и наследственные болезни. Случайные вариации касаются не только цвета и других свойств покровов, которые появляются при рождении, но также выражаются в дефектах или умножении структур или пропорций в различных частях тела и в широком смысле — во всевозможных прирождённых уродствах. Перейдем к обзору этих разнообразных уклонений во второй части настоящего мемуара.

П.С. Паллас

Краткие положения, которые при устройстве лесов преимущественно должны быть приняты во внимание (Kurzgefasste Anweisung zur Forstwirtschaft für das Russische Reich)

Пер. с нем. В.Ф. Гнучевой Подготовка к публикации и комментарии А.К. Сытина

Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН, Санкт-Петербург, Россия; astragalus@mail.ru

15 ноября 1781 г. на заседании Конференции Академии наук конференц-секретарь Якоб Штелин прочитал письмо генерал-майора А.А. Безбородко, содержавшее просьбу Екатерины ІІ. Императрица предлагала составить алфавитный каталог всех деревьев и кустарников, произрастающих в России. Надлежало дать русское, латинское и немецкое название для каждого вида и указать губернию и местность, где он произрастает. Паллас обещал представить такой каталог к следующему заседанию (то есть через несколько дней)¹

Подготовив требуемый список, Паллас дополнил его проектом «Краткие положения, которые при устройстве лесов преимущественно должны быть приняты во внимание»². В нём он не только предлагал меры по реорганизации лесного дела, но и стремился дать рекомендации к воспитанию уважения к дереву и лесу населения. Как часто бывало у Палласа, практическое задание перетекало в формы фундаментального исследования. Список видов деревьев дал начало сочинению "Flora rossica seu stirpium imperii rossici per Europam et Asiam indigenarum descriptiones et icones" — роскошно иллюстрированному труду, где даны описания 281 вида, главным образом, деревьев и кустарников России (Pallas, 1784, 1788), и где, кроме наблюдений самого автора над экологией и географией каждого вида, приводились многочисленные народные названия и сведения об использовании, но также биографические сведения об предшествующих исследователях русской флоры — Шёбере, Буксбауме, Гейнцельмане, Мессершмидте, Гербере, Аммане, дяде и племяннике Гмелинах, Стеллере, Крашенинникове. Лерхе, Фальке, Лепехине, Гюльденштедте, Лаксмане, Георги, Патрэне, Зуеве, Шангине, материалами (печатными и рукописными) которых Паллас пользовался (Сытин, 1997; 2000). «Описание растений Российского Государства с их изображениями по Высочайшему повелению и на иждивение Ея Императорского Величества изданное» (СПб, 1786) в переводе на русский язык В. Зуева стало изданием популярным, но дорогим, а потому в Тобольске, в типографии Ивана Корнильева, было предпринято более доступное издание в 1792 г.

Предложения Палласа по лесоустройству учитывались при составлении законов об охране и использовании леса. Сам же он до последних лет жизни заботился о состоянии лесных ресурсов России, в частности во втором томе "Bemerkungen..." (Pallas, Пал-

 $^{^{\}rm I}$ Летопись Российской академии наук. Т. 1. / гл. ред. Ю.С. Осипов; отв. ред. Н.И. Невская. СПб., 2000. С. 683.

 $^{^{2}}$ *Паллас П.С.* Краткие положения, которые при устройстве лесов преимущественно должны быть приняты во внимание / пер. с нем. В.Ф. Гнучевой. — СПФ АРАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 20. Л. 9.

лас) неоднократно указывал на случаи бесхозяйственного сведения крымских лесов и возникавших вследствие нерегулируемого стока осадков — наводнений, паводков, оползней, обмеления рек. В настоящее время, когда ситуация с лесными пожарами, конфликтами интересов владельцев частной собственностью на землю и сохранением государственных ресурсов приобретает катастрофический характер, обращение к опыту Палласа чрезвычайно актуально и может способствовать упорядочению законодательства и защите лесов России.

Рукопись "Kurzgefasste Anweisung zur Forstwirtschaft für das Russische Reich" хранится в архиве Санкт-Петербургского филиала института истории РАН (Ф. 181. Оп. 2. Ед. хр. 20). Перевод «Краткого положения» был выполнен Верой Федоровной Гнучевой (1890—1942), ученым архивистом и историком географического изучения России. Свободно владея тремя европейскими языками, Вера Фёдоровна внесла большой вклад в перевод и публикацию материалов Архива АН, где она работала с 1935 года. Ею опубликована важнейшая сводка «Материалы для истории экспедиций Академии наук XVIII—XIX веков» (М.; Л., 1940) — «история географических открытий входит как существенная часть во всемирную историю. Если и другим дисциплинам полезно изучать свою историю, то для географической науки это необходимо», — писал один из редакторов книги Л.С. Берг (общую редакцию осуществлял академик В.Л. Комаров). Второй фундаментальный труд Веры Федоровны — «Географический департамент Академии наук XVIII века» (М.; Л., 1946) стал посмертным. Она скончалась после длительного пребывания в осажденном Ленинграде.

Выполненный ею перевод работы Палласа публикуется впервые. Мы воспроизводим текст по рукописи хранящейся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Рукописный текст на листах (31 х 22 см), сложенных вдвое, исписанных с обеих сторон фиолетовыми чернилами, с подчеркиванием заголовков, бумага рыхлая, желтоватого или сероватого оттенка. Отдельные слова или фрагменты текста подчеркнуты карандашом, им же вписаны немецкие слова, нелегкие для перевода, например "Harzwaldungen". В общей бумажной обложке с надписью «Pallas Kurze Sätze» чернилами и — в левом верхнем углу надпись наискосок «К материалам». Почерк В.Ф. Гнучевой не всегда легко прочитывается, а потому неясные фрагменты отмечены примечаниями составителя.

Краткие положения, которые при устройстве лесов преимущественно должны быть приняты во внимание

Общий надзор за лесами

Для земельного управления (Landerpolizei) и финансов — леса представляют собой очень важный предмет; прежде всего, необходимо определить хватает ли имеющегося в какой-нибудь местности или губернии (Rathalterschaft) леса, только на местное потребление или также для торговли и вывоза из страны.

Затем следует в каждой губернии (Statthalterschaft) снять специальные карты лесов и рощ; сделать описание лесов и, в местностях, которые более или менее однообразно облесены (по крайней мере, в среднем); произведенный счёт и оценку деревьев на определённой или $[\mathcal{I}.3]$ измеренной площади, имеющегося запаса привести в состояние пригодное для использования.

Кроме того, надо также установить приблизительное потребление в каждом округе и губернии. Это можно сделать по количеству имеющихся очагов (Heerde) и один раз навсегда определить потребность в строевой и топливной древесине.

Для того, чтобы действительно существующая пропорция лесов в будущем могла сохраняться благодаря более правильному использованию и для того, чтобы помочь некоторым местностям в имеющейся у них нужде в лесе, а в других местностях предотвратить надвигающуюся, необходимо, чтобы в каждой губернии (Statthalterschaft) было образован лесной надзор. Эта инстанция должна следить за выполнением лесных регламентов в каждой местности и хозяйствовать в казенных лесах (Kraufart?en wirtlieh verwalter — хозяйственно управлять казенными лесами). Инстанция должна следить $[\Pi.\ 3.\ oб.]$ за тем, чтобы не производилось опустошительных пользований, а также ставить препятствия ведению хозяйства в частновладельческих лесах. Она должна производить разделение имеющихся лесов на соответственные лесосеки (gebaue?), смотря по роду потребления и запаса; должна поощрять хорошее ведение хозяйства и ухода за лесосеками; должна поощрять увеличение запаса полезных древесных пород путем посевов и искусственного разведения и, наконец, проводить новые дороги и каналы для транспорта леса; Ландмейстеры, для того, чтобы исполнять как можно лучше эти обязанности должны приобрести необходимые лесные познания для чего должно быть составлено краткое и основательное лесное руководство (Forstausweisung).

Подобная, подчиненная каждому штатгальтеру инструкция, мне кажется, принесет больше пользы, чем управление лесами из далеко лежащего округа Лесного Департамента. Быть может, было бы полезно, кроме этого, иметь све- $[II.\ 4]$ дующих в лесном деле людей, которые бы объясняли (Statthalterschaften) одно за другим.

При округах, в городах и деревенских общинах должно иметься ответственное лицо, в деревнях, по крайней мере die Stärrten, или же попеременно один из членов общины, обязанные следить за исполнением лесого орднунга, оное зависит от штатгальтера.

II.

О разделении и пользовании в лесах

Ведению хорошего лесного хозяйства, много может способствовать определение прав собственности в лесах. [Штатгальтеры] должны поэтому особенно следить за лесными пограничными рвами, канавами, с тем, чтобы они в будущем не разрушались, а также должны способствовать спокойному владению собственников своими лесами.

Приносящее вред прореживание леса или рубка отдельных деревьев, должна впредь, особенно в Harzwaldungen, насколько возможно прекратиться и производиться лишь по выбору.

[Л. 4. об.]

0 последующем за составлением лесных карт и исчислением запаса, выделении лесосечных участков. Об отгораживании их кучами камней, канавами и т. д.

0 различных количествах лесосек в данном лесном массиве соответствующих сроку наступления зрелости у данной породы.

0 выращивании особо крупных деревьев.

0 ширине лесосечных участков.

Об уходе за лесными площадками, предназначенными для смолокурения.

Об особенностях хозяйства в лиственных и смешанных лесах.

После выделения лесосек, как в казенных лесах и в частных лесах не должно вырабатывать больше назначенного. В случае особой нужды в лесе следует рубить другие участки, если же в всех лесосеках других нет выбирать и рубить отдельные деревья.

[Л. 5]

В обратных случаях, т.е. когда в сильно облесенных местностях не весь, назначенный на данный год лес может быть потреблен, то часть его должна быть сохранена, как запас для будущего.

Неразборчиво — что-то о перестойном лесе.

0 способах рубки леса в горах и каменистых местностях и на ровной площади.

Неразборчиво.

Об учреждении особой охраны дуба, как лучшей и наиболее долго живущей породы.

О выращивании других лиственных пород и особом за ними присмотре.

В местностях бедных лесом, все леса должны быть разделены на делянки и после вырубки, силами и средствами общины (если леса не казенные) подготовлены к возобновлению.

[Л. 5. об.]

Тоже об удовлетворении лесами населения и о заботе о возобновлении в местностях малолесных.

- 24-26. О разных подробностях при вырубке лесосек, о рубке в надлежащее время года.
- 27. О правильной валке и распиловке дерева.
- 28. Об оставлении пней не выше одного фута (для этого при зимней рубке рабочие должны разгребать снег вокруг деревьев).
- 29. О том, чтобы срубленный крупномерный лес не шел на мелкие поделки, и вообще о том, чтобы срубленные деревья использовались соответственно своим размерам и качеству.
- 30. Там, где в условиях смолокурения были выкорчеваны пни (Die Kiest kke aus geradet worden) смолокурение должно происходить сразу после вырубки на этом же месте и повторение его здесь же должно быть воспрещено в течение $[\Pi.\ 6]$ полугода. Должно следить за тем, чтобы смолокуры засыпали и сравнивали угольные ямы.
- 31. О наблюдении за тем, чтобы смолокурение, обдирка лыка и т.д. происходили бы в лесах в соответствии с сроками их вырубки. Вообще иметь за этим надзор.
- 32. Об использовании хвороста, мелкого леса для получения поташа (Potasch). О соблюдении мер предосторожности в пожарном отношении.

III.

Об увеличении лесов и разведении деревьев

33. Там, где имеются обширные пустующие места, которые, по-видимому, были покрыты лесами, их следует (средствами общины вспахать и засеять взятыми с разрешения, в соседних лесах семенами Harzbäumen, ясеня, березы и другими хорошими древесными породами).

[Л. 6 об.]

- 34. «Рассуждения» о насаждении лесов в безлесных местностях не имеющих пустопорожних мест. Предлагается садить деревья по бокам дорог, на дворах и т.д.
- 35. Каждый крестьянин и городской житель, который хочет отметить свое отношение должен доказать, что он посадил деревья и ухаживал за ними 3 года, поддерживал их в хорошем состоянии, в виду чего отцы будут побуждать своих сыновей к разведению деревьев.
- 36. Пустопорожние места, предназначенные к облесению, следует оберегать от порчи скотом (заборы, рвы, сторожевые собаки).
- 37. Общины и лесовладельцы подобных, или приведенных в хорошее состояние земель должны получать таковые в полное владение и пользование. За особо хорошие дубы они должны получать вознаграждение.
 - 38. О сборе семян под наблюдением особых командированных для этого людей.

[JI. 7]

- 39. Тот, кто засеет пустое место (Wűste Heide), степь или песчаное место, полезными древесными породами (тут перечень пород. $B.\Gamma.$) или плодовыми деревьями, тоже может получить разрешение на получение взамен этой площади (неразборчиво) для себя и своих наследников.
- 40. В местностях бедных лесами, но хорошо расположенных для транспорта, или имеющих особую нужду в дубах и др. полезных древесных породах (неразборчиво) так общины или частные лица, собственными трудами посадившие и доведшие его до 10 лет, должны быть награждены не только лучшими лесными участками, но и соответствующими новыми правами (Immaritäten) или премиями, долженствующими служить как поощрение для их наследников.
- - 42. «Рассуждение» о разведении лесов вблизи городов как мелких, так и крупных.
 - 43. Того же порядка.
- 44. О разведении лесных пород особо пригодных в данной местности или необходимых здесь для использования.
- 45. Выбор пород для каждой местности, для каждого характера почвы должен происходить не по решению местного совета, а должны принадлежать к обязанностям объясняющего комиссара делающего по этому поводу соответствующие распоряжения.

IV.

О повреждении лесов

46. Подобно тому, как в старых насаждениях, так и на вырубках надо следить за тем, чтобы сенокошением или пастьбой скота или чем либо другим им не наносилось бы вреда, и путем строгих взысканий следить за тем, чтобы сенокошением или пастьбой скота или чем- либо другим им не наносилось бы вреда, и путем строгих взысканий следить за тем, чтобы не нарушались новые посадки.

[п я]

- 47. Об обеспечении правильного обсеменения рубок.
- 48. Все сельские жители, которые имеют намерение использовать лес не в надлежащих для его дальнейшего сохранения целях, (рубка выше установленного предела, срывание березовой коры, углеискнение?) должны внести в общину денежное вознаграждение, доходы с которого должны тратиться общиной на улучшение и увеличение ее лесов.
- 49. Технические замечания о предупреждении лесных пожаров (выкапывание рвов, забрасывание костров землей и т.п.).
- 50. В случае, если несмотря на принятие мер, [происходит] возникновение пожара весть об этом должна со всей скоростью дана всем окрестным деревням и городам и все работоспособное население обязано придти с необходимыми инструментами к месту пожара.
- 51. Собирание хвороста, ягод и т.д. свободно во всех лесах, но при этом должна быть $[Л.\ 8\ oб.]$ запрещена валка и порча отдельных деревьев. Это особенно относится к лесам Уральских гор в Верхотурском районе, где ради сбора кедровых орехов валятся лучшие кедровые деревья, что должно быть строго воспрещено.
- 52. Во многих отношениях следовало бы давать часть взимаего штрафа за намеренное повреждение леса лицам, которые это видели и доказали.

V.

О лесной торговле, лесном транспорте и сохраняющих древесину средствах

53. Цена строевого, поделочного и (Klaster) леса, а также транспорт его в отдаленные места, должны быть соответствующим образом, насколько возможно точно определены. Должны иметься

соответствующие однообразные меры для (Klaster Holzess). Уравнение цены древесины во всем государстве было бы, например, небесполезно для фабричных целей.

- 54. Лесопромышленники и лесоторговцы обязаны рубить лес соответствующей толщины и ранга; также [J.9] необходимо следить за тем, чтобы они оплачивали берущийся ими лес.
- 55. Там где лесосеки находятся далеко и из (Balkenholz) нельзя получить много пользы, там, во всяком случае, следует разрешить, чтобы и [μ рзбр AC!] деревья распиливались бы на доски и таким путем делались [μ рзбр AC!].
- 56. Управляющие должны получить сведения и делать объявления о том, где удобно найти сплавной путь.
- 57. На деревянные дома, особенно в городах, если они по прошествии нескольких лет не будут переделаны в каменные или какие-либо другие, следует наложить штраф.
- 58. О необходимости замены деревянных заборов и пограничных знаков рвами и каменными оградами.
 - 59. Тоже о дорогах вместо деревянных гатей песок и камни.
 - [Л. 9 об.]
- 60. В бедных лесами местностях общины везде должны были бы устраивать общественные печи для хлебов домашние печи следовало бы уменьшить и прекратить их топку летом, а для приготовления пищи устроить очаги.
- 61. Об использовании на фабриках и для углежжения выкорчеванных пней, хвороста и мелкой древесины.
 - 62. Как можно сильнее сократить частое употребление древесной коры на покрытие крыш.
- 63. В местностях где обнаруживается каменный уголь или торфяное болото всякий патриотический подданный, а также все общины должны дать об этом знать своему непосредственному начальнику, а последнему должно взять пробы этих продуктов и радеть о полезном их использовании. В этом отношении могли быть установлены премии за открытие месторождений, а кроме того для подданных должно быть организовано специальное $[\Pi.\ 10]$ обучение для проведения изысканий и добывания каменного угля и торфа.

VI. /Л. 11/ Об охоте

64. В каких частях ограничить охоту следует определить. В местностях бедных лесами — уничтожение белых зайцев и т.п. Охота за волками также поощряется.

ДОКУМЕНТЫ

К истории создания иллюстраций для «Zoographia Rosso-Asiatica» П.С. Палласа: неопубликованные рисунки из фондов СПФ АРАН

А.Г. АБАЙЛУЛОВА

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург, Россия; ann-klingel@yandex.ru

Большая часть иллюстраций к «Zoographia Rosso-Asiatica» П.С. Палласа не была опубликована и поныне хранится в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. В статье приведены описания некоторых рисунков, которые показывают, что анализ этих изображений дает богатый материал для истории создания и публикации иллюстраций к «Zoographia Rosso-Asiatica» и для изучения русской научной иллюстрации.

Ключевые слова: русская научная иллюстрация, естествознание в России в начале XIX в., издательская деятельность Петербургской Академии наук, «Zoographia Rosso-Asiatica», Пётр Симон Паллас, Карл Максимович Бэр.

Полная перипетий история издания последнего труда академика П.С. Палласа известна нам, прежде всего, благодаря академику К.М. Бэру, трудами которого это издание пришло к завершению и увидело свет, и на чей отчет неизменно ссылаются исследователи (Baer, 1831; также о «Zoographia Rosso-Asiatica» см. Бэр, 1950; Световидов, 1978; Соколов, Парнес, 1987; Wendland, 1991). Однако ценнейшая часть «Zoographia Rosso-Asiatica» — её иллюстрации — и сегодня практически недоступна, поскольку опубликована лишь малая часть из них.

Основной комплекс рисунков и гравюр к «Zoographia Rosso-Asiatica» хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН в фонде К.М. Бэра (изображения млекопитающих и птиц) и в фонде $\Phi.\Phi$. Брандта (изображения рыб)¹. Насколько

 $^{^1}$ Часть рисунков к "Zoographia..." была описана сотрудниками СПФ APAH в ходе работ по программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории»,

можно судить по ссылкам на таблицы в тексте «Zoographia...», предполагалось проиллюстрировать более 260 описаний животных. К сожалению, сохранились не все иллюстрации, которые планировал к изданию П.С. Паллас. В Архиве хранятся иллюстрации к 208 описаниям. 40 из них было опубликовано в 1834—1842 гг. в шести тетрадях под названием «Icones ad Zoographiam Rosso-Asiaticam». 20 иллюстраций к описаниям рыб были опубликованы А.Н. Световидовым (1978).

Не сохранились в Архиве 8 гравюр из четвертой, пятой и шестой тетрадей «Icones ad Zoographiam Rosso-Asiaticam», также отсутствуют иллюстрации к 50 описаниям некоторых птиц из I и II томов и рыб из III тома «Zoographia...».

Всего в Архиве выявлено 380 листов иллюстраций (181 лист с изображениями птиц, 104 — рыб, 95 — млекопитающих). Примечательно и очень ценно то, что ко многим описаниям сохранилось по несколько вариантов рисунков и оттисков, поскольку в этих случаях можно проследить последовательность работы над иллюстрациями. Так для некоторых описаний сохранились оригинальный рисунок (иногда не один вариант), рисунок, подготовленный для гравирования, нераскрашенный и раскрашенный оттиски. На многих рисунках есть собственноручные пометы П.С. Палласа, пометы В.Г. Тилезиуса фон Тиленау и К.М. Бэра. Преимущественно это относится к описаниям птиц и млекопитающих из I и II томов. Почти все акварельные рисунки рыб и холоднокровных животных из III тома имеются в единственном экземпляре.

В качестве примера можно привести описания нескольких листов оттисков и рисунков двух видов — манула и сибирского дрозда, — открытых Π .С. Палласом и описанных им в I томе «Zoographia...».

I. Манул. Описание № 5 в «Zoographia...» — Felis Manul. Сохранилось 3 листа рисунков и 1 раскрашенный оттиск. Гравюра к этому описанию была опубликована в первой тетради «Icones ad Zoographiam Rosso-Asiaticam».

Рисунок $1.^2$ (См. ил. № 1 на цветной вклейке. Публикуется впервые).

Лист бумаги размером 20,9 х 25,8 см. Рисунок выполнен акварелью и заключен в рамку в 3 линии. Рамка и подписи сделаны тушью. Внутри рамки в правом верхнем углу ссылка на таблицу «Таb. I.», под рисунком подпись в рамке «FELIS Manul.». По нижнему краю листа идет надпись карандашом на латинском языке «Optimum ex naturae consentaneum mihi vederi testor D. Tilesius»³.

В 1818 г., после того как возобновилась связь Академии с художником и гравером П.С. Палласа Х.Г. Гейслером, переехавшему в Германию В.Г. Тилезиусу было поручено принимать у Х.Г. Гейслера рисунки, которые тот обязался исполнить вместо гравюр, и проверять их. Рисунки Х.Г. Гейслер отсылал В.Г. Тилезиусу дюжинами, и за каждую принятую В.Г. Тилезиусом дюжину русский консул в Лейпциге платил Х.Г. Гейслеру 8 дукатов (Ваег, 1831. S. 14). Таких рисунков, с карандашными пометами В.Г. Тилезиуса, сохранилось 43 листа, все они, кроме одного, относятся к иллюстрациям І тома «Zoographia...».

проект «Иконография природы и народов России второй половины XVIII века в трудах академика П.С. Палласа: по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН».

²СПФ АРАН. Ф. 129. Оп. 1. Д. 761. Л. 17.

³ Виденное мной удостоверяю наилучшим образом соответствующим природе Д. Тилезиус.

Рисунок 2.4

Лист бумаги размером 16,4 х 20,3 см, с небольшими загрязнениями и пятнами. Рисунок выполнен акварелью, в серых тонах, фигурка манула подцвечена бежевым. Рисунок заключен в тонкую рамку. Над рамкой в правом верхнем углу чернилами проставлена ссылка на таблицу «TAB. I.», под рисунком подпись чернилами «FELIS Manul.». В правом нижнем углу чернилами сделана подпись на немецком языке «Grösse des Originals»⁵.

Очевидно, один из подготовительных рисунков. В очень похожей позе манул изображен на гравюре Х.Г. Гейслера (см. ниже описание оттиска), опубликованной в «Icones ad Zoographiam Rosso-Asiaticam», только на ней полностью дорисован пейзаж.

Рисунок 3.6

Лист бумаги размером 21 х 27,6 см, с небольшими загрязнениями. Рисунок выполнен акварелью. В правом верхнем углу чернилами проставлена и зачеркнута ссылка на таблицу «Ad TAB. I.», ниже зачеркнутая помета карандашом «Lact. I», ещё ниже чернилами ссылка на описание в тексте «Zoogr. I. р. 20». Под рисунком посередине подпись чернилами «Felis Manul. Pall.». В левом нижнем углу чернилами в 3 строки подпись на немецком языке рукой К.М. Бэра «Für die [неразб.] gefällt mir / die neue [Petersburge] Illumination / besser» Слева под рисунком подписи на немецком языке, в 3 строки и 2 почерка: сначала более светлыми чернилами, возможно, рукой П.С. Палласа «Illuminir. Modell» затем рукой К.М. Бэра «[неразб.] der Abdruck der alten Tafel / beliebt wird»

Описание манула, с гравюрой к нему, П.С. Паллас опубликовал в «Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae» в 1781 г. (Pallas, 1781). В письме к П.Н. Фусу К.М. Бэр отмечал, что ему гораздо больше, чем гравюра Х.Г. Гейслера, нравится именно эта первая гравюра, и спрашивал, не сохранилась ли её доска, чтобы можно было снова её отпечатать (Бэр, Лукина, 1976, с. 161–162, 174; Baer, 1831, S. 21). Описываемый рисунок совпадает с гравюрой, опубликованной в 1781 г., даже в мелких деталях. Возможно, что с этого рисунка она и была сделана, и в таком случае перед нами оригинальный рисунок из коллекции П.С. Палласа¹⁰.

Оттиск. 11 (См. ил. № 2 на цветной вклейке)

Лист бумаги размером 23,3 х 28,5 см. Оттиск раскрашен акварелью и заключён в сложную рамку, раскрашенную в 2 цвета. Фоновый пейзаж раскрашен полностью, фигурка манула подцвечена бежевым. На ухе животного помета чернилами «NB».

⁴СПФ АРАН. Ф. 129. Оп. 1. Д. 761. Л. 18.

⁵ Размер оригинала.

⁶СПФ АРАН. Ф. 129. Оп. 1. Д. 761. Л. 19.

⁷Для [неразб.] мне больше нравится новое [петербургское] иллюминование.

⁸ Иллюминов. модель.

⁹[неразб.] предпочтителен оттиск со старой доски.

 $^{^{10}}$ Надо сказать, что П.С. Паллас при подготовке «Zoographia...» пользовался не только собственными материалами, но и материалами экспедиций других исследователей. Так, например, среди рисунков выявлено несколько листов, подписанных Л.А. Ворониным, художником экспедиции И.И. Биллингса — Γ .А. Сарычева.

¹¹ СПФ АРАН. Ф. 129. Оп. 1. Д. 762. Л. 3.

Подписи чернилами: в правом верхнем углу, в сером поле рамки — неразборчивое слово в скобках, затем ссылка на страницу описания в тексте «P. Zoograph. I. р. 20»; над рисунком посередине та же ссылка «Oder Zoogr. I. р. 20^{12} ; под рисунком посередине название «Felis Manul. Pall.»; в правом нижнем углу в 3 строки малоразборчивая запись К.М. Бэра, из которой понятно лишь, что изображение когтей и шерсти манула, по мнению академика, неудовлетворительно 13.

Описываемый оттиск был опубликован в «Icones ad Zoographiam Rosso-Asiaticam», он хранится в деле с другими оттисками, к ним приложена записка академика К.М. Бэра, к сожалению, малоразборчивая, на обороте которой написано «Abdrücke der von H. Baer / von Geissler in Leipzig / eingelössten Kupferplatten zu Pallas Zoogr. ross. V. Protocoll d.a. 1830. 6. October» 14. Возможно, этот оттиск — один из сделанных Х.Г. Гейслером с заложенной доски.

II. Сибирский дрозд. Описание № 90 в «Zoographia...» — Turdus Leucocillus. В тексте есть ссылка на иллюстрацию — Tab. XXI, но иллюстрация не была опубликована. Сохранилось 3 листа рисунков и 1 раскрашенный оттиск.

Оттиск. 15 (См. ил. № 3 на цветной вклейке. Публикуется впервые).

Лист бумаги размером 28 х 22,3 см, правый край листа потемнел и потерся. Раскрашенный акварелью оттиск, заключён в сложную рамку, раскрашенную в 2 цвета. Подписи сделаны чернилами и вкомпонованы в рамку: над рисунком посередине «Таb. XXI», под рисунком посередине «TURDUS Leucocillus».

Такая двухцветная рамка свидетельствует, что этот оттиск сделан с доски, исполненной Х.Г. Гейслером. В Архиве есть несколько оттисков и акварелей, оформленных подобным образом, и одна из акварелей подписана Х.Г. Гейслером. В одном из писем К.М. Бэра к П.Н. Фусу есть упоминания о том, что такая манера оформления гравюры в 1830-х гг. уже считалась устаревшей: «Рамки на старых изображениях мы решили оставить, хотя они выглядят очень старомодно. <...> Пусть они останутся в таком виде и даже раскрашенными, как их принял Паллас, в память о прошлом» (Бэр, Лукина, 1976, с. 174). Примечательно, что К.М. Бэр с большим вниманием и пунктуальностью, входя во все мелочи, относился к оформлению иллюстраций. В том же письме к П.Н. Фусу он пишет, например, о раскраске ландшафтов: «Новая раскраска вообще сделана по Гейслеру, только небо изменено. Пожалуй, можно угадать, почему так случилось. Гейслер повсюду ввел облака, а они будут выглядеть плохо, если раскрашиваются несколько сот листов один за другим. Вместо этих облаков... чтобы не делать небо слишком однотонным, повсюду ввели утреннюю или вечернюю зарю. Но если так будет везде, то опять покажется странным, что все животные разгуливают только вечером или утром. Я оставил бы некоторые листы так, другие с облаками, а иные дал бы на фоне ровной голубизны, размытой внизу» (там же, с. 175).

¹² «Или Zoogr. I. p. 20».

¹³ «Auch ein frühen Tafel [неразб.] / Solche Kralle hat kein Kehr in / [неразб.], solch Haar Felis Manul [неразб.]»

 $^{^{14}}$ Оттиски с медных досок к Зоогр. росс. Палласа, выкупленных г. Бэром у Гейслера в Лейпциге. Из протокола 6 октября 1830 г.

¹⁵ СПФ АРАН. Ф. 129. Оп. 1. Д. 135. Л. 59.

Рисунок 1.¹⁶ (См. ил. № 4 на цветной вклейке. Публикуется впервые).

Лист бумаги размером $20.5 \times 25.5 \text{ см}$, потемневший, в пятнах. Рисунок выполнен акварелью. Под рисунком чернилами сделана подпись «Turdus Leucocillus», ниже идет надпись чернилами на немецком языке «Diese Zeichnung kann zum Illuminirmuster [dien.], zu Tab. XXI»¹⁷.

Пометы на имеющихся в Архиве рисунках, как правило, содержат указания об изменении размера рисунка при гравировании, особенностях окраски и тому подобное. Некоторые из этих замечаний сделаны и подписаны К.М. Бэром, многие ещё нуждаются в атрибуции.

Рисунок 2.18

Лист бумаги размером 23 х 19 см. Рисунок выполнен акварелью и заключён в рамку в 3 линии. Рамка сделана тушью. Внутри рамки в правом верхнем углу тушью проставлена ссылка на таблицу «Таb. XXI», под рисунком тушью сделана подпись в рамке «TURDUS Leucocillus». Ниже, под названием, идёт надпись карандашом на латинском языке «Vidi Dr. Tilesius Lipsiae 1820 Mense Martio» 19.

Этот рисунок, очевидно, один из принятых у X. Γ . Гейслера B. Γ . Тилезиусом. B данном случае благодаря помете можно предположить, что рисунок входил в очередную дюжину, выполненную в конце 1819 — начале 1820 Γ .

Рисунок 3.20

Лист бумаги размером 26,5 х 22 см, загрязнён, поцарапан. Рисунок выполнен акварелью, в серых тонах. В правом верхнем углу чернилами проставлена ссылка на таблицу «TAB. XXI», под рисунком подпись чернилами «TURDUS Leucocillus». В верхней части листа, над рисунком надпись карандашом «+ ob Sibiri[en] [неразб.]». В нижнюю левую часть рисунка вкомпонована подпись художника «С.F. Кпарре. [fc]». На листе следы карандашной разметки сеткой для рисования.

Рисунок интересен тем, что его автором, судя по подписи, является К.Ф. Кнаппе, академик и советник Академии художеств, руководитель академического класса живописи зверей и птиц. К.Ф. Кнаппе известен прежде всего своими иллюстрациями к труду П.С. Палласа «Flora Rossica». Однако и среди рисунков птиц к «Zoographia...» есть несколько листов, подписанных этим художником. Вероятно, этот рисунок вместе с другими был выполнен в Петербурге между 1774 г., когда П.С. Паллас вернулся из экспедиции, и 1805 г., когда умер К.Ф. Кнаппе.

Приведенные примеры описаний рисунков и оттисков показывают, что в сохранившемся массиве иллюстраций четко выделяются целые комплексы изображений, соответствующие различным этапам подготовительной работы к изданию иллюстраций «Zoographia Rosso-Asiatica». Их исследование, без сомнения, дает богатый материал не только для истории подготовки этого издания, но и для изучения русской научной иллюстрации.

¹6 Там же. Л. 60.

¹⁷ Этот рисунок может [служить] образцом для иллюминования, к таб. XXI.

¹⁸ СПФ АРАН. Ф. 129. Оп. 1. Д. 135. Л. 61.

¹⁹ Видел д-р Тилезиус в Лейпциге, в марте 1820 г.

²⁰ СПФ АРАН. Ф. 129. Оп. 1. Д. 135. Л. 62.

Литература

Бэр К.М. Автобиография / под ред. Е.Н. Павловского. М.; Л., 1950. С. 356–364.

Письма Карла Бэра ученым Петербурга / сост. Т.А. Лукина. Л., 1976. 250 с.

Световидов А.Н. Типы видов рыб, описанных Π .С. Палласом в «Zoographia Rosso-Asiatica». (С очерком истории опубликования этого труда). Л., 1978. 34 с.

Соколов В.Е., Парнес Я.А. Петр Симон Паллас — основатель отечественной зоологии (К 175-летию издания «Zoographia Rosso-Asiatica») // Вопросы истории естествознания и техники. 1987. № 2. С. 118-127.

Baer K.E. Berichte über die "Zoographia Rosso-Asiatica" von Pallas abgest. An die Kaiserl. Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. Königsberg, 1831. 36 S.

Pallas P.S. Felis Manul: nova species asiatica, descripta // Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Petrop., 1781. P. 278–291.

Wendland F. Peter Simon Pallas (1741–1811): Materialien einer Biographie. T. 1. Berlin; New York, 1991. (Veröffentlichungen der Historischen Kommission zu Berlin. Bd. 80). S. 391–414.

On the history of creation of "Zoographia Rosso-Asiatica" illustrations: Unpublished paintings from SPbB ARAS vault.

Anna G. Abaydulova

Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch, St. Petersburg, Russia; ann-klingel@yandex.ru

Most of "Zoographia Rosso-Asiatica" paintings was not published and are kept until now in the vault of St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Science (SPbB ARAS). Descriptions for several paintings are presented. Some show that thier detailed analysis could produce significant material on history of creation and publishing of "Zoographia Rosso-Asiatica" illustrations. This material is also helpful for research of russian scientific illustration.

Keywords: russian scientific illustration, natural history in Russia at the beginning of XIX c., St. Petersburg Academy of sciences publishing activity, Peter Simon Pallas, Karl Baer.

Документы о покупке земельного участка для Ботанического сада Петербургской Академии наук в 1786 году

Л.В. Рязанова

Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН, Санкт-Петербург, Россия; lrjazanova@yandex.ru

Впервые публикуются документы, разъясняющие обстоятельства покупки участка земли на берегу реки Фонтанки для новой территории Ботанического сада Петербургской Академии наук в 1786 г.

Ключевые слова: Ботанический сад Академии наук, XVIII век, И.И. Лепехин; Е.Р. Дашкова.

Ботанический сад Петербургской Академии наук и художеств возник в 1735 году под руководством профессора ботаники и натуральной истории Иоганна Аммана в северовосточной части Васильевского острова. Среди задач Сада одной из важнейших являлось выращивание растений, присылаемых из экспедиций. Именно эти растения, чаще всего становились материалом для описания новых видов, поскольку роль гербарных коллекций как основного источника информации ботанической систематики ещё не была осознана в полной мере. Кроме того, здесь наблюдали в культуре и уже известные растения, проводились эксперименты по скрещиванию и так далее. Обмен семенами с зарубежными ботаническими учреждениями и корреспондентами (в том числе самим Карлом Линнеем) составлял ещё одну важную функцию Сада. В немалой степени обмен пополнял живую коллекцию. С самого начала стало ясно, что выбранный участок не вполне соответствовал назначению. Он был невелик, песчаная скудная почва часто пересыхала, оросительные системы не работали должным образом, парники постоянно нуждались в ремонте.

Жалобы и рапорты о бедственном состоянии Сада составляют заметную часть сохранившихся документов и подробно прокомментированы в литературе (Пекарский, 1870; Липский, 1913; Некрасова, 1945; Баранов, 1957; Лукина, 1965; Колчинский, Сытин, 2007; Фирсов, Волчанская, 2008 и др.), но в истории этого учреждения остаются ещё непрочитанные страницы.

Среди материалов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) обнаружены документы о покупке участка земли для Ботанического сада Академии наук, датированные 1786 годом, которые позволили разъяснить некоторые, прежде неясные, обстоятельства.

Ботанический сад в последней трети XVIII века располагался по-прежнему на 2-й линии Васильевского острова. Директором его с 1774 по 1802 г. был академик И.И. Лепехин. Иван Иванович довольно успешно поддерживал научные коллекции сада, осуществлял обмен семенами, саженцами и корневищами с российскими и зарубежными ботаническими садами и Аптекарскими огородами. В коллекции живых растений были образцы, присланные в свое время Иоганном Гмелиным, П.С. Палласом, Э.Г. Лаксманом и другими.

Субсидии же Академии наук на развитие Сада были весьма скромны. Неоднократно поднимался вопрос и о расширении территории сада. Ещё в 1750 г. профессора академии подали рапорт в Канцелярию о перенесении сада на более удобное место с плодородной почвой¹. В 1769 г. Сад временно получил дополнительный участок за счёт аренды земли, принадлежавшей московскому архиепископу Амвросию сроком на 10 лет² (переписку вел академик А.П. Протасов). В 1783 г. директор Петербургской академии наук, княгиня Е.Р. Дашкова (в то время уже ставшая и Президентом (или Председателем) Российской академии) с целью экономии расходов на содержание Ботанического сада отказала в продолжении аренды. В это время Академия выделяла столь малые деньги на его содержание, что положение этого учреждения стало настолько бедственным, что приходилось продавать плоды выращиваемых в Саду растений, чтобы расплатиться с садовыми работниками (Лукина, 1965, с. 134).

Татьяна Аркадьевна Лукина (1965) в своей монографии, посвящённой И.И. Лепехину, подробно и обстоятельно воссоздает историю Ботанического академического сада XVIII в. по документам Архива АН (ныне — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук). По её данным: «Екатерина подарила Петербургской и Российской Академиям 26 000 руб. на покупку участка для Ботанического сада и дома для собраний Российской Академии. Княгиня Е.В. Дашкова распорядилась купить дом коллежского советника А.И. Татаринова, находившегося на левом берегу Фонтанки, за Обуховским мостом, принадлежавший прежде барону Ашу. Пространное место позади дома предназначено для Ботанического сада».

В свете публикуемых документов³ эта покупка представляется несколько иначе (Т.А. Лукина в своё время эти документы не использовала).

Приводим перечень корпуса этих документов:

- 1. «Указ Кабинета ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА»;
- 2. «Из Императорской Российской академии в палату гражданского суда».
- 3. «О заключении купчей на дом у коллежского советника Татаринова для Ботанического сада и Академии наук, 1786 г.»;

Ниже приводим копии подлинников 1 и 2-го документа, а 3-й документ приводим в виде текста.

Документ 1

Указ НАШЕМУ КАБИНЕТУ.

За купленной здесь для Российской академии и для ботанического Саду каменный дом принадлежавший прежде Барону Ашу, а ныне Коллежскому Советнику Татаринову, повелеваем заплатить из кабинета 26 тыс. рублей, по соглашению с управляющею тою академиею нашею штатсъ-дамою Княгинею Дашковой.

На подлинном подписано Собственною Ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Рукою Е К А Т Е Р И Н А

Санкт Петербург Январь 30-го. 1786 года.

 $^{^1}$ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее — СПФ АРАН). Ф. 3. Оп. 14. Ед. хр. 73.

²Там же. Ед. хр. 23.

³ЦГИА СПб. Ф. 757. Оп. 1. Ед. хр. 378.

Kottia

J.Kast Hallens K Ennems!

Ja Hettarnon Battle And Poccinium allagemin x And Cottanxilinate Cand.

Camannin tont Tilnnapilkabuix Tilexage

Balons aut, andine Kondalkacions Co.

Britishis Thattarnoss, Tobline Balanto

Gattratuxtus x86 Kadxultus Abahiyatus

ullitus tubicare Isdala, To Coeracienio.

ch strabannough tuon aliapemile Naulu

lutuatuch Aamon Ilnaena Aamicobon.

на теринипошь тертикало вобитьям пою Ся интератториталь величентва руссою тако. Скаттерина.

Com Thrends Hungsoff Dow's opag of

Bb Canumb Tilmeposien agnagh 30°. V186 199a N36 MATTER TOPOLION POSSINGUON CHICAFAIN.

COMMITTERMETERSPRENON ENDERNIN OG TRANSITES Plantouncy une croa

TTC COTTIGHIE (Pu TTOMONTIG CATES EULIA TIPA COBERMENIA 11PETTCCTTA HOI HATTMENHON. TTO. M. AHHOMA EA MATTERO POLICIO.
BRANZERTTECH YILOSA GAR POCCHACION CAMBORATIA A DOTTOMALECTICARO COLLA ILICAMENTON COMB CO CEMBOTTEMENTA TITOMANO
PANAN TTOMANHO BE HASHA TTO MECTITA HOTHERIA CO PANAN,
TTTOMAN TOMANHO BE HASHA TO MECTITA HOTHERIA CO PANAN,
TTTOMAN POLICIAN OLOCERO TITOMAN, CA SAMACTA PEROSON OBLUOTA
LECATRO PANAN, CAOCERO TITOMAN, TITOMEMENTO PANAN, TOOBE
POCTIMEN OMON TOMANTON MEDICANOTICMANIA 1402 PAGNAN
CENTENTALA ANDOS MATTHAROSON OTTO TAMENTALO CON
CENTENTALA ANDOS MATTHAROSON OTTO TAMENTALO SAMACARA

Markeria . 16. 2 MA

Рис. 2. «Из Императорской Российской академии в палату гражданского суда» (ЦГИА СПб. Ф. 757. Оп. 1. Ед. хр. 378)

Документ 2

Из Императорской Российской академии Санктпетербургской губернии в палату гражданского суда

По сообщении сей палаты следуемая при совершении Крепости на купленный по именному Ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Указу для Российской академии и ботанического саду каменный дом с семнадцати тысяч рублей пошлины в казну по шести копеек с рубля — тысяча двадцать рублей, да за лист гербовой бумаги десять рублей, всего тысяча тридцать рублей, под расписку оной палаты надсмотрщика губернского секретаря Якова Липнягова отпущено.

Председатель Княгиня Дашкова Марта16 дня 1786 года

Третий документ приводим только в виде текста с использованием современной орфографии в некоторых словах

О заключении купчей крепости на дом, купленный у Коллежского Советника Татаринова для Академии наук и Ботанического сада Императорской Российской академии от *председателя* Ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Стат дама академии наук Директора и кавалера В Санкт-Петербургскую палату гражданского суда

Сообщение

В силу высочайшего Ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛЕЧАЙШЕГО повеления, означенного в прилагаемой здесь копией с именного ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указа данного кабинету сего 1786 года января в 30 дня, куплен мной для Российской Императорской академии, и для ботанического сада, коллежского советника Андреяна Татаринова, по доверенному от него Татаринова данному у сего во оригинале прилагаемому письму, у калужского купца Ивана Григорьва сына большого Губорева, каменный дом со всеми находящимися в оном каменном и деревянном строением, состоящем в московской части за Обуховым мостом на берегу реки Фонтанки; ценою за 17 тысяч рублей; а следствие чего благоволит сия гражданская палата, за означенную выше сего цену 17 тыс. рублей на помянутый дом совершить крепость на имя мое; сколько ж под тем домом мерою земли, оное явствует из прилагаемой при оном сообщений прежней на сей дом крепости; относительно же того, с чьими точно домами или местами граничит ныне оный дом, с теми же, что в прежней крепости показаны, или с другими; в оном благоволено было достоверны при свершении в новее крепости выправится, и потом сие обстоятельство внести в сию крепость. Что же принадлежит до потребных при свершении крепости на платеж пошли и на бумагу, всего тысячи тридцати рублей, то оные отпущены будут из Российской академии, как снова из сей палаты уведомлено будет под чью расписку отпустить их должно; а продавцу калужскому купцу Ивану Григорьеву сыну большому Губареву договорные деньги 17 тысяч, ему заплачены быть имеют по совещании крепости. В прочем благоволит сия палата по совершении помянутую крепость, для книги Росписи и приема.

> Княгиня Дашкова Марта 7-го дня 1786 года

Как видим из документов — и это чрезвычайно важно — сама Екатерина II в «Указе...» указала конкретный земельный участок, который необходимо приобрести для размещения академического Сада, а заключение сделки поручала Е.Р. Дашковой. В свою очередь Екатерина Романовна сообщила об этом на заседании Конференции Императорской Российской академии, что нашло отражение в «Протоколе заседания от 7 февраля 1786 г. Располагая только документом о покупке каменного дома с прилегающей землей, Л.А. Лукина сделала заключение о том, что «княгиня Дашкова распорядилась купить дом коллежского советника А.И. Татаринова».

Обладая энергией и деловыми качествами, Дашкова совершила сделку сама и весьма умело. Из выданных Кабинетом 26 тысяч рублей, она потратила всего 17 тысяч на покупку земельного участка с каменным домом и другими постройками и 1 тыс. 30 рублей ушло на пошлинный сбор (см. документы 2 и 3). Обращает на себя внимание ещё одна деталь — сделка была заключена на имя Екатерины Романовны.

Вероятно, эта экономия средств и привела к временному благосостоянию Сада. В первые два года (1787-1788) на Ботанический сад пролился золотой финансовый дождь, что позволило на первоначальном этапе с большим размахом вести строительные работы. Исследователи недоумевали по поводу источника столь богатого финансирования, сравнивая его с прежним, скудным содержанием Сада, не превышавшим более 300 рублей в год. Теперь можно предположить, что субсидии эти не были обязаны какому-либо меценатству. Сад получил возможности для развития благодаря разумному хозяйствованию Дашковой. Только в 1788 г. на строительные материалы для ограждений, а также для теплиц и оранжерей было выделено 4000 тыс. рублей (Лукина, 1965, с. 135). Каменный особняк барона Аша после реконструкции стал «домом для заседаний Российской Академии», как и предполагала Императрица. Ботанический сад полностью и в довольно сжатые сроки был перемещен с Васильевского острова на левый берег р. Фонтанки, заняв соседний с «домом» земельный участок. Перевод коллекций был произведен на большом шверботе 1 мая 1789 г. под наблюдением самого Лепёхина. Отныне и до прекращения его финансирования в 1811 г. Ботанический сад АН размещался за Обуховым мостом в Московской части города и примыкал к слободе Семёновского полка. Деньги же закончились быстро, и уже в том же 1789 г. И.И. Лепёхин снова напишет рапорт в Академию о новых нуждах Ботанического сада. Последний каталог культивируемых растений был составлен в 1806 г. академиком Т.А. Смеловским и включал 2184 вида, что означало удвоение коллекций сада за 70 лет его существования.

Литература

Баранов П.А. Ботаника в Аптекарском огороде и в Академии наук (XVIII в.) // От Аптекарского огорода до Ботанического института. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 7–24.

Гнучева В.Ф. Материалы для истории Академии наук XVIII и XIX веках // Тр. Архива. Вып. 4. 1940. 310 с.

Колчинский Э.И., Сытин А.К. Ботанический сад Академии наук // Научный Санкт-Петербург. Предварительные материалы к Вып. 2: Биология в Санкт-Петербурге. 1703—2007. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 40—41.

Летопись Российской Академии наук. Т. 1. 1724-1802. СПб.: Наука, 2000. 994 с.

⁴СПФ АРАН. Ф. 8. Оп. 1. № 1. Л. 85, 85 об.

Липский В.И. Императорский С-Петербургский Ботанический Сад за 200 лет его существования (1713—1913). Ч. 1. СПб., 1913. 408 с.

Лукина Т.А. Иван Иванович Лепехин. М.; Л.: Наука, 1965. 203 с.

Некрасова В.Л. К истории Ботанического сада Академии наук (на Васильевском острове, 1735—1812) // Сов. ботан. 1945. Т. 13. № 2. С. 13—37.

Пекарский П. История Императорской Академии наук в Петербурге Петра Пекарского. Т. 1. СПб., 1870. 774 с.

Фирсов Г.А., Волчанская А.В. Иоганн Амман (1707—1741) и ботанический сад Петербургской Академии наук // Ботан. журн. 2009. Т. 11. С. 1729—1738.

New documents on the acquisition of landowning for the Botanical Gardens of Academy of Sciences, St. Petersburg in 1786

LYDIA W. RIAZANOVA

Komarov Botanical Institute, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; lrjazanova@yandex.ru

A publication of documents keeping in the Central State Historical Archives of St. Petersburg (ЦΓИА СПб) is interesting from an ascertain of circumstances of buying a territory on the bank of Fontanka river for the Botanical Gardens of Academy of Sciences, St. Petersburg in 1786.

Keywords: the Botanical Gardens of Academy of Sciences, St. Petersburg, 18 Century, member of the Academy Ivan Lepechin, director of the Academy Catherine Dashkova.

Пётр Симон Паллас и Зоологический институт Академии наук

А.В. Смирнов

Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия; sav_11@inbox.ru

Публикуются документы о подготовке празднования 200 летия со дня рождения П.С. Палласа и 175-летия Зоологического института АН СССР (ЗИН) в 1942 г. Комиссия, созданная в 1941 г. из крупнейших учёных ЗИНа, пришла к выводу, что датой основания Зоологического музея АН следует считать 9 августа 1767 г., когда естественно-исторические коллекции Академического музея разделили на зоологические, анатомические и ботанические курируемые соответственно П.С. Палласом, К.-Ф. Вольфом и С.-Г. Гмелином. Анализ литературных данных и архивных источников, некоторые из которых публикуются впервые, подтвердил правильность вывода комиссии ЗИН о фактической дате основания Зоологического музея. Показана роль Палласа как основателя отечественной зоологии и публикуется ряд документов, касающихся его биографии.

Ключевые слова: Паллас, Зоологический музей, Зоологический институт, Академия наук, архивные документы.

В 2001 году, просматривая архивные материалы Зоологического института АН СССР (ЗИН) тридцатых—сороковых годов XX века, я обнаружил небольшое дело, озаглавленное «Протокол I заседания Комиссии по празднованию 175-летнего юбилея ЗИН, копия исторической справки, докладная записка в президиум АН СССР о праздновании юбилеев» В деле находится протокол заседания, письмо в президиум Академии наук и копия архивной выписки из протокола Комиссии Академии наук от 9 августа 1767 г. заверенная учёным архивистом Крутиковой. Публикация этих документов представляет несомненный интерес, как для исследования истории Зоологического института АН в середине XX века, так и для изучения зоологии века XVIII. Текст постановления Комиссии Академии наук от 9 августа 1767 г. с небольшими сокращениями опубликованный Станюкович (1953, с. 142), впервые приводится полностью³:

1767 года Августа <...>
9. дня четверток.
<...>

No. 673 Из Кунсткамерских вещей все что до животнаго царства принадлежит выключая анатомические препоручить Господину Профессору Палласу, так что б распоряжение оных каким

¹ Санкт-Петербургский Филиал Архива Российской Академии Наук (СПФ АРАН). Ф. 55. Оп. 1 (1941). Д. 4. Двумя годами ранее эти материалы были просмотрены Н.В. Слепковой и упомянуты ею в кандидатской диссертации и статье (Слепкова, 2006; Алимов и др., 2006).

²Там же. Д. 537. Л. 219-220.

³ Текст постановления Комиссии Академии наук от 9 августа 1767 г. в СПФ АРАН имеется в двух делах: 1) Ф. 3. Оп. 1. Д. 537. Журнал Комиссии Академии наук. Л. 219–220 (с подлинными подписями директора Академии наук графа Владимира Орлова и членов комиссии) и 2) Ф. 3. Оп. 1. Д. 507. Текущие дела Академии наук. Август 1767 г. Л. 90–90 об. Оба текста практически идентичны и различаются только способом написания отдельных слов. Ниже воспроизведен текст из дела 537, из которого была сделана выписка для комиссии зоологического института (Л. 219 — дата; л. 219 об., 220 — текст). Станюкович (1953, с. 142) приводила текст по делу 507.

образом в лучший порядок привести и сохранять прямо и единственно от него зависило. Те же люди, которые при тех вещах находятся должны не посредственно от него зависеть поелику принадлежат к тому делу, притом должен он принять вещи по каталогу, находящемуся в библиотеке слича оный стем, который у себя будет хранить и другой которой ему пришлется из Комисии Подписав оба как в библиотеке хранимой, так и комиской во верности и точном их сходстве, вчем и господин Статской Советник Тауберт засвидетельствовать должен, и оба подать его сиятельству Господину Директору. На том же основании анатомические вещи препоручить Господину Вольфу, а травы Господину Гмелину. Издержку спирту на сохранение вещей употребляемаго записывать каждому особливо, и через некоторое определенное // время уведомлять Комисию. Господину же Вольфу спомощью лаборанта Клембке. Разсмотрев где и каким образом Бухвостов приготовляет спирт уведомить Комиссию во всем подробно. 4

Граф Володимер Орлов
И. Штелин
Семен Котельников
И. Альбрехт Эйлер
Степан Румовской

Это постановление Комиссии Академии наук имело большое значение для дальнейшего развития зоологии и ботаники в нашей стране. По сути, именно с него можно начинать отсчёт институционально оформленного развития этих дисциплин в России. На том, какие причины, привели к появлению этого постановления, мы остановимся ниже. Пока же представим документы, в которых освещаются события 1941 г., когда это постановление стало известно ведущим ученым Зоологического института АН СССР.

ПРОТОКОЛ⁵

заседания комиссии по празднованию 175-летнего юбилея ЗИН АН СССР от 8/II-1941 года

Присутствуют члены комиссии: К. В. Арнольди, Л. С. Берг, А. Н. Булычева, А. Н. Кириченко, Н. Я. Кузнецов, А. С. Мончадский, Е. Н. Павловский

Отсутствует член комиссии А. Н. Световидов вследствие отъезда в Москву.

⁴ Статский советник Иван Иванович (Иоганн Каспер) Тауберт (Johann Caspar Taubert, 1717—1771) — в 1732 г. поступил на службу в АН и числился при Кунсткамере и библиотеке. С 1738 г. — адъюнкт по истории, с 1741 г. — унтер-библиотекарь, советник академической канцелярии. По распоряжению президента АН графа Кирилла Григорьевича Разумовского (1728—1803) с 1758 г. заведовал академическими мастерскими, типографией, книжной лавой и проч. После смерти Ломоносова в 1864 г., который по тому же распоряжению отвечал за научную и учебную часть Академии наук, практически единолично ведал делами Кунсткамеры и библиотеки до учреждения в 1766 г. академической комиссии из состава академиков. Подал в отставку в 1771 г. незадолго до смерти. О нем см.: Пекарский (1870, с. 636—670). О лаборанте Клембке автор не имеет никаких сведений. Семен Бухвостов работал при Кунсткамере с 1735 г. хранителем экспонатов — сменял спирт, просушивал и обрабатывал консервантами сухие чучела и шкуры (Станюкович, 1953, с. 142), то есть выполнял роль современного лаборанта. Об академиках Вольфе и С. Гмелине речь пойдет ниже.

 $^{^5}$ СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1(1941). Д. 4. Л. 1—2 (машинописная копия из-под копировальной бумаги без подписи).

Председательствует А. Н. Кириченко.

По общему мнению комиссия пришла к следующим заключениям.

- 1. Согласно архивной выписки из протокола Комиссии Академии Наук от 9.VIII.1767 г. следует считать годом действительного основания Зоологического института Академии Наук 1767 г. До сих пор обычной датой основания Зоологического Музея считался 1728 г. (см.: Брандт А. стр. 65, 1864; Книпович Н.М. Путеводитель по Зоологическому Музею, изд. 2, 1912, изд. 5, 1924, стр. 1; Академия Наук СССР. Ее задачи, разделения и состав. 1925, стр. 17) или 1832 (см. Штраух, А. стр. 1). Таким образом 20.VIII/1942 исполнится 175-летие со дня постановления о выделении зоологических коллекций и поручения заведования ими П.С. Палласу; на 16.VIII этого же года приходится 110-летие со дня реорганизации музея академиком Ф.Ф. Брандтом.
 - 2. Празднование юбилея желательно перенести на ноябрь 1942 г.
 - 3. Местом празднования должно избрать г. Москву и г. Ленинград.
 - 4. Формы проведения:
 - А. Торжественное заседание в г. Москве.
- В. Научная сессия ЗИН АН с докладами по важнейшим проблемам, разрабатываемым Институтом, проводится в конце ноября в Москве и Ленинграде.
 - С. Издание к юбилею книги и сборников след. содержания:
- 1. История Института за 175 лет, показанная в свете развития зоологической науки и показ её достижений в послеоктябрьское время примерно на 30–40 печ. листах, хорошо иллюстрированных.
- 2. Юбилейное тематическое собрание, заключающие работы по основным проблемам, разрабатываемым Институтом, числом до 10.
 - 3 Популярная книга о Зоологическом институте, объём около 6 печатных листов.
 - 4. Биографии крупнейших деятелей ЗМ и ЗИН Академии Наук.
- D. Выставка, посвящённая истории, деятелям, работам и достижениям ЗИН АН за его 175-летие.
 - Е. Киносъемка.
- 5. Необходима перед юбилеем газетная и журнальная кампания в ведущих органах печати (центральные органы «Природа», «Советская Наука», «Наука и жизнь» и др.).

Днем след. заседания назначить февраль ..., к которому просить академика Е.Н. Павловского разработать проект юбилейных изданий, А.Н. Кириченко и Н.Я. Кузнецову поручить собрать заявки на доклады в сессии.

Председатель члены

В Президиум Академии наук СССР6

В сентябре 1941 года исполняется 200-летие со дня рождения Петра Симона Палласа (22.IX.1741 — 8.IX.1811), действительного члена Академии Наук нашей страны. П.С. Паллас принадлежит к одним из наиболее выдающихся естествоиспытателей и более чем сорок лет его жизни тесно связаны с Академией Наук. С именем Палласа связывается также и вторая юбилейная дата, исполняющаяся в июле 1942 г. — сто семидесяти пятилетие (CLXXV) Зоологического института Академии Наук СССР.

В протоколе Комиссии Академии Наук от 9 августа 1767 г. (Архив Ак. Наук ф. 3 оп. 1537 лл 219 об. 220) значится: [далее следует текст выписки из протокола]. Эту дату (1767 год) и приходится

⁶ СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 4. Л. 4—8 (машинописная копия из-под копировальной бумаги без подписи. Дата проставлена от руки красными чернилами ученым секретарем Зоологического института Ниной Юльевной Модестовой).

считать годом основания академических музеев, в своем историческом развитии в послеоктябрьский период превратившихся в Зоологический и Ботанический институты Академии Наук СССР. Предшествующие хронологические даты: 1698 — первое путешествие Петра I заграницу и приобретение им в числе других и многих зоологических экспонатов, 1716 — основание Кунсткамеры, 1727(1728) — переход Кунсткамеры в ведение Академии Наук и помещение зоологических коллекций в специально выстроенном здании; 1742 — опубликование первого каталога — "Museum Petropolitanum", зоологическая часть которого "Pars prima, qua continentur Res naturales ex Regno Animali" составлена Гмелиным и Стеллером — является лишь этапом развития от придворного натурального кабинета до зоологического кабинета Кунсткамеры. Из письма И. П. Фалька к Линнею* от 12 января 1768 года можно усмотреть, что распоряжение главного директора Академии Наук гр. В. Г. Орлова о выделении коллекций зоологических поручение заведывания ими Палласу было выполнено: «Профессор Паллас продолжает свою Specilegia Zoologica, после того как теперь получил из Museo Petrop, целую кучу рекрутов, в особенности камчатских животных и птиц после усердного г-на Стеллера. Но кажется, там нехватает бесконечно многих, которых может быть время и моль поделили между собою». Таким образом в конце настоящего 1941 г. и в середине будущего 1942 г. должны быть отмечены две юбилейные даты, тесно между собою связанные: двухсотлетие со дня рождения величайшего натуралиста XVIII столетия — Петра Симона Палласа и сто семидесяти пятилетие основания Зоологического музея (ныне института) Академии Наук.

С Зоологическим институтом Академии Наук с самого момента его возникновения связана вся первоначальная история развития зоологических знаний страны (П.С. Паллас, И.И. Лепёхин, И.А. Гюльденштедт, С.Г. Гмелин, И.Я. Озерецковский), позже в стенах его протекала или тесно с ним была связана работа крупнейших зоологов: К.М. Бэра, Ф.Ф. Брандта, А.Ф. Миддендорфа, Л.И. Шренка, А.А. Штрауха, Н.В. Насонова, В.М. Шимкевича, П.П. Сушкина, С.А. Зернова, Е.Н. Павловского, Л.С. Берга. Печатные работы сотрудников Зоологического музея и сторонних специалистов рассеяны в многочисленных изданиях, напечатанных в нашей стране и заграницей; с 1895 года начал выходить специальный орган ЗИН — «Ежегодник Зоологического музея академии наук СССР», с 1932 года — «Труды Зоологического института» (32 + 6) томов, зоологические статьи которого представляют огромный вклад в познание фауны СССР и сопредельных стран. Другим, непериодическим изданием Зоологического института является «Фауна СССР» (ранее «Фауна России») и сопредельных стран, представляющее систематическое описание животного мира СССР (26 + 28) томов.

Зоологические коллекции, сконцентрированные в Зоологическом институте, ставят его на одном из первых мест в мире по научной ценности и богатству его музейных фондов.

В отношении фауны нашей страны, Центральной Азии, Ирана, арктических морей Евразии ЗИН АН занимает без сомнения общепризнанное первое место в мире. В нём хранятся в числе многих других почти все коллекции собранные экспедициями Русского Географического общества (Н.М. Пржевальского, М.В. Певцова, В.И. Роборовского, Г.Н. Потанина, П.К. Козлова, Н.А. Зарудного), коллекции собранные экспедициями Главного Гидрографического Управления, Гидрологического института, Арктического института, Института Рыбного хозяйства и мн. др.

Изучение фауны СССР, а в последний период участие ЗИН АН в решении отдельных проблем народно-хозяйственной жизни направило его деятельность на широкий путь экспедиционной деятельности, охватившей огромную территорию суши и морей и пополневший его коллекции в огромной степени.

В 1901 году состоялось открытие Выставочного отдела Зоологического музея Академии Наук в том здании и с незначительными изменениями, в том виде, в котором он существует и теперь. Цифры посещаемости его доходившие до 121.000 чел. в год свидетельствуют о весьма важном культурно-просветительном значении Музея. Особенно большую роль играет

Выставочный музей ЗИН АН в школьной жизни г. Ленинграда, благодаря систематическому посещению его группами школьников с преподавателями, и иногородними посетителями.

Зоологический институт считает необходимым в ознаменование этих юбилеев и ставит вопрос о праздновании их перед Президиумом Академии Наук.

По мнению ЗИН АН, празднование юбилея желательно было бы приурочить к ноябрю месяцу 1942 г. Местом празднования избрать г. Москву и Ленинград.

Формы празднования:

- А. Торжественное заседание в г. Москве с докладами посвящёнными а) П. С. Палласу, б) истории Зоологического института АН, в) важнейшими направлениями работ ЗИН АН.
- В. Научная сессия Зоологического института Академии Наук в г. Ленинграде с докладами по текущей тематике работ ЗИН АН.
 - С. Издание юбилейных изданий Зоологического института по следующим разделам:
- 1. История Зоологического института АН за 175 лет его существования, изложенная в свете развития зоологической науки и показа её достижений в послеоктябрьское время.
 - 2. Биографии П. С. Палласа и главнейших деятелей ЗМ и ЗИН АН.
- 3. Юбилейные тематические сборники, заключающие работу по основным проблемам разрабатываемым Институтом и библиографические.
 - 4. Популярная книга, посвящённая Зоологическому институту для массового читателя.
- D. Выставка в г. Ленинграде, посвящённая истории, деятелям, работам и достижениям 3ИН АН за его 175-летие.
 - Е. Киносъемка.
- 3/IV-41 г.
- * Опубликовано в издании «200-летие П. Ботанического сада» I, 19 стр.

В состав юбилейной комиссии вошли выдающиеся учёные Зоологического института того времени. Они были крупными зоологами и интересовались историей своей науки⁷. Некоторые из них начинали свою научную деятельность ещё в Зоологическом музее АН (ЗМ) до октябрьского переворота и обладали энциклопедическими знаниями, в том числе и по истории зоологии. Интерес А.Н. Световидова к трудам Палласа привел его много лет спустя к проведению исследования о типовых образцах названий

⁷ Потомственный биолог Константин Владимирович Арнольди (1901—1982) — энтомолог, почвенный зоолог и биоценолог работал в ЗИНе в 1934—1942 гг.; Лев Семенович Берг (1876— 1950) — ихтиолог, географ, эволюционист и историк науки работал в ЗМ–ЗИНе в 1912–1950 гг., с 1928 г. — член-корреспондент АН, академик с 1946 г.; Александр Николаевич Кириченко (1884— 1971) — энтомолог и зоогеограф, работал в ЗМ—ЗИНе в 1907—1965 гг., зам. дир. (июл.—окт. 1941) и и.о. дир. ЗИН (нояб. 1941 — окт. 1942) в блокадном Ленинграде; Николай Яковлевич Кузнецов (1873—1948) — энтомолог, физиолог, зоогеограф, знаток зоологии и ее истории (личный фонд Кузнецова в СПФ АРАН служит неисчерпаемым кладезем для историков зоологии первой половины XX века), в 3M—3ИНе работал в 1906—1948 гг.; Александр Самойлович Мончадский (1897— 1974) — зоолог, паразитолог, медицинский энтомолог, работал в ЗИНе в 1935—1974, заведующий отделом паразитологии ЗИНа; Евгений Никанорович Павловский (1894—1965) — зоолог, паразитолог и организатор науки, работал в ЗМ-ЗИНе в 1924—1965 гг., директор ЗИНа с 1942 по 1962 гг., академик АН с 1939 г., прекрасно знал историю зоологии, автор книги «К.М. Бэр и Медико-хирургическая академия»; Анатолий Николаевич Световидов (1903—1985) — ихтиолог, зоогеограф, работал в ЗИНе в 1932—1985 гг., с 1953 г. — член-коррреспондент АН, интересовался историей зоологии; единственным исключением среди членов комиссии была Анна Исааковна Булычева (1899 — после 1966), которая не была крупным учёным, но была в это время парторгом института, а без парторга мероприятия такого значения проводиться не могли.

описанных Палласом видов рыб и истории опубликования книги Палласа "Zoographia Rosso-Asiatica" (Световидов, 1988). Скорее всего, ключевой фигурой комиссии был акалемик АН СССР Е.Н. Павловский, наиболее вероятный претендент на должность директора института. Обращает на себя внимание отсутствие в составе комиссии и.о. директора института Г.У. Строгонова⁸ (директор института академик С.А. Зернов⁹ с 15 июня 1940 г. находился в годичном отпуске) и претендовавшего на одну из ведущих ролей в руководстве института гидробиолога В.И. Жадина 11 . По-видимому, никогда не удастся узнать, что послужило толчком к организации юбилейных торжеств. К сожалению, за прошедшие 10 лет нам не удалось найти никаких дополнительных сведений об этом. Возможно, кто-то вспомнил о грядущем юбилее П.С. Палласа, а может быть, кто-то узнал о постановлении комиссии от 9 августа 1767 г., и естественной реакцией на это было желание считать эту дату днем основания Зоологического института. Как будет показано далее, подобное решение имело под собой весьма веские основания. В любом случае совпадение этих двух дат было счастливой возможностью поднять престиж и значение Зоологического института. Как справедливо было отмечено, «в праздновании юбилеев, как известно, есть некоторая субъективность, связанная с обстановкой того или иного времени и задачами тех, кто юбилеи празднует» (Алимов и др., 2006, с. 33). Вторая половина 30-х гг. была для института совсем не безоблачной. Ведущим сотрудникам института, осознававшим свою ответственность за его судьбу, в это время приходилось отбивать нападки и со стороны лысенковцев, и со стороны руководства АН. Так в январе 1941 г. Президиумом АН была признано, что Зоологический музей не отвечает своему прямому назначению и имеет неудовлетворительную и устаревшую экспозицию 12.

Почему-то, наверное, это имманентное свойство человеческой натуры, считается, что престижнее стоять у руля научной организации имеющей солидный возраст (в данном случае возраст института увеличивался на 65 лет), а также числить среди основоположников крупного или, лучше, очень крупного ученого. Но в данном случае перенос даты основания института на более раннее время и связь его с П.С. Палласом имели весьма веские основания¹³. Фигура Палласа, как одного из крупнейших ученых XVIII в., была весьма выигрышной. С развитием зоологии в нашей стране с середины XIX в. все яснее становился масштаб научной деятельности П.С. Палласа и его роли в развитии отечественной и мировой науки. Один из крупнейших зоологов России середины XIX в. — Николай Александрович Северцов (1827—1885) — писал, что «нет отрасли естественных наук, в которой он не проложил нового пути, не оставил бы гениального образца для

⁸ Георгий Устинович Строгонов (1904—1960) — зоолог, специалист по млекопитающим, работал в ЗИНе в 1937—1949 гг., заместитель директора ЗИНа по научной части в 1939—1942 гг.

 $^{^9}$ Сергей Александрович Зернов (1871—1945) — зоолог, один из основоположников отечественной гидробиологии, работал в ЗИНе в 1931—1945 гг., директор ЗИНа с 1931 по 1942 гг., академик с 1931 г., при нём ЗМ был преобразован в ЗИН.

 $^{^{10}}$ Распоряжение Президиума АН СССР № 162 от 18 июля 1940 г. Архив Зоологического института РАН. Приказы. 1940 г.

¹¹ Владимир Иванович Жадин (1896–1974) — зоолог, гидробиолог, работал в ЗИНе в 1934—1974 гг., руководитель гидробиологического отдела ЗИНа в 1936—1960 гг.

¹² СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1(1941). Д. 1. Л. 3.

¹³ В 1941 г. возведение истории к «отцу-основателю» ещё не успело скомпрометировать себя «мичуринской биологией» и «павловской физиологией», хотя ни И.В. Мичурин, ни, тем более, И.П. Павлов не имели никакого отношения к той вакханалии, которая развернулась под прикрытием их имен позднее.

последовавших за ним исследователей» (Северцов, 1855, с. IV). Был опубликован перевод похвального слова Палласу великого французского зоолога и палеонтолога Жоржа Кювье (George-Léopold-Chrétien-Frédéric-Dagobert Cuvier, 1769–1832), произнесённого им в память о Палласе в 1813 г. (Кювье, 1860). В 1877 г. вышла популярная книга о Палласе В. Маракуева, а в Ф.П. Кёппен в 1895 г. опубликовал библиографию трудов Палласа, предваряемую биографическим очерком. Он же поместил очерк о Палласе в Русском биографическом словаре (Кеппен, 1895; 1914). Чествование памяти П.С. Палласа в связи со столетней его кончиной было проведено 29 октября 1911 г. на специальном заседании Новороссийского общества естествоиспытателей. Материалы этого заседания были опубликованы в записках общества (Люткевич, 1916; Лигнау, 1916; Зеленецкий, 1916). В связи с празднованием 200-летия Академии наук Л.С. Берг писал: «Этот гениальный естествоиспытатель, родившейся и умерший в Берлине, провел 43 года на службе России и Академии. Разносторонний ум, родственный по духу Аристотелю, Гумбольдту, Бэру, Паллас совмещал в себе зоолога, ботаника, геолога, этнографа и географа-исследователя. <...> Нужно сказать, что вообще Паллас у нас не оценен по достоинству» (Берг, 1925, Стлб. 149). Отметим, что в первую очередь значение Палласа для зоологического и географического изучения России подчёркивалось учеными-зоогеографими — Н.А. Северцовым и Л.С. Бергом. Хотя к 1941 г. был опубликован целый ряд работ о Палласе с высокой оценкой его деятельности, но истинное значение роли Палласа в истории отечественной науки до сих пор не получило должного признания. Паллас не был русским по крови, но в начале 1941 г. его немецкое происхождение, по-видимому, не было для руководства Академии наук неприемлемым по мотивам политическим, в связи с «дружбой» Германии и СССР. В то же время можно было справедливо гордиться тем, что у истоков отечественной зоологии стоял крупнейший ученый XVIII в., сопоставимый с фигурами Линнея и Бюффона.

Из публикуемых документов ясно, что основное значение мероприятий отводилось не юбилею Палласа, а празднованию 175-летия Зоологического института. Его намеревались провести с большим размахом, что явно упрочило бы и положение Зоологического института в системе АН, и позиции самого Е.Н. Павловского. Однако сам факт признания заслуг Палласа перед отечественной наукой и желание опубликовать его научную биографию на русском языке весьма примечательны. Празднования 200-летнего юбилея П.С. Палласа и 175-летнего юбилея Зоологического института по вполне ясной причине не состоялось¹⁴, и предполагаемая научная биография Палласа на русском языке так и не была создана.

Приведённые выше документы ставят ряд вопросов по истории биологии нашей страны, до сих пор не имеющих ясных ответов. Таковыми являются: 1) институциализация зоологических и других биологических исследований в Императорской Академии наук; 2) влияние конкретных исторических обстоятельств, предшествовавших постановлению академической комиссии от 9 августа 1767 г. и роль П.С. Палласа в становлении отечественной зоологии; 3) дата организации Зоологического музея АН и начала его реальной работы как научно-исследовательского учреждения. Прекрасно понимая, что поставленные вопросы требуют дальнейшего исследования и усилий разных специалистов, мы всё же попытаемся кратко высказать нашу точку зрения на них.

¹⁴До начала Великой Отечественной войны в журнале «Природа» успела выйти лишь одна небольшая статья, посвящённая Палласу путешественнику и геологу (Белоусов, 1941).

Начиная с XVI в. началось широкое изучение разнообразия окружавшего человека мира, как Евразийского континента, так и открывшегося после эпохи Великих географических открытий нового невеломого мира живой и неживой приролы заморских стран. Возникает естественная история, изучающая три царства природы минералов, растений и животных. В это время между зоологией, точнее анатомией позвоночных животных, прежде всего млекопитающих, и медициной существовала тесная связь. Поскольку в античные времена и в средневековье вскрытие человеческих тел считалось кощунством, то учёные, занимавшиеся изучением анатомии человека начиная с Клавдия Галена (129 или 131 — около 200 или 210), экстраполировали на человека данные, полученные при анатомическом исследования млекопитающих. Великий анатом Андреас Везалий (1514—1564) для устранения возникших из-за этого противоречий между установленным им строением органов человеческого тела и книгами Галлена делал вскрытия млекопитающих. В своём труде "De humani corporis fabrica libri septem" он проводил сравнение строения ряда органов человека со строением гомологичных органов млекопитающих, обычно использовавшихся Галеном (собак, свиней, обезьян). В трудах Везалия также имеются данные об анатомическом строении органов некоторых животных, которых ни Гален, ни другие анатомы не исследовали (Юрьев, 1961). Так что исследования анатомии животных, проводившиеся медиками, не были редкостью. Ботаника также была связана с медициной. Для создания лекарств и изучения лечебных свойств растений создавались Аптекарские сады и огороды. Позднее на их основе возникли ботанические сады. Ясно, что ни в зоологии, ни в особенности в ботанике не было резких границ между «медицинской» и «естественнонаучной» составляющими. В зоологии не только описывались новые формы животных, но и зачастую параллельно проводилось их анатомическое изучение, а в ботанике одной из функций ботанических садов было выращивание привезенных или присланных семян растений и описание выросших из них ранее неописанных форм.

Первые ученые, занимавшиеся изучением естественной истории, исследовали представителей всех трех царств. Однако постепенно, в связи с увеличением количества природных объектов и знаний о них, шла дифференциация наук на минералогию, ботанику и зоологию, и соответственно, и исследователи хотя и занимались изучением естественной истории всех трёх царств природы, но предпочитали изучение того или иного царства и становились преимущественно, ботаниками, зоологами или минерологами. Ко второй половине XVIII в. эта специализация усилилась, хотя и не была полной. Линней, Ламарк и другие учёные успешно проводили изучение как растений, так и животных, но обычно тот или иной исследователь больше работал в той или иной области естественной истории. Так Линней всё же тяготел к ботанике, а Ламарк — к зоологии. По сравнению с ними Паллас выделяется своим редким универсализмом. Он был не только блестящим зоологом и ботаником, но также выдающимся географом и геологом, и, кроме того, оставил след в развитии целого ряда других научных дисциплин (лесоведения, садоводства, минералогии, этнографии, лингвистики и др.).

В XVII в. возникают как частные, так и государственные собрания природных «диковин», постепенно становящиеся научными музеями и центрами по изучению природы (Серебряков, 1936). В 1714 г. исторические и естественно-научные коллекции Петра Великого (Императорский кабинет) были сосредоточены в одном месте, и эта дата считается временем основания первого отечественного музея — Кунсткамеры. По приказу Петра в 1718—1719 гг. эти собрания были перенесены в Кикины палаты.

В 1719 г. музей был открыт для публики (Станюкович, 1953, с. 22). По проекту положения об учреждении Академии наук и художеств 1724 г. «Натуральных вещей камора» передавалась в её ведомство (Уставы ... , 1974, с. 36). 25 ноября 1728 г. после завершения перевозки экспонатов и размещения их в новом здании на Васильевском острове была «отперта здесь паки императорская Библиотека с Кунст и Натурал каморою впервые потом как оная в новые академические палаты переведена» (Санктпетербургские ведомости, 1728, № 85, цит. по: Станюкович, 1953, с. 58). Значительную часть Кунсткамеры составляли предметы, относящиеся к естественной истории, — коллекции минералов, гербарий и сухие и спиртовые коллекции животных. Однако лишь в 1732 г. после специального доношения академиков в Сенат на возглавлявшего Кунсткамеру и академическую библиотеку Шумахера¹⁵ «академики начинают принимать участие в классификации коллекций, составлении каталогов и разработке экспозиций» (Станюкович, 1953, с. 82).

В проекте положения об организации Академии было предусмотрено наличие академиков и, соответственно, проведение исследований, по анатомии и ботанике (Уставы ..., 1974, с. 33), что сохранилось и в регламенте Санкт-Петербургской Императорской академии наук и художеств 1747 г., в котором по классу физическому значились должности двух академиков биологов: 1) по анатомии и физиологии и 2) ботанике и натуральной истории (Уставы ..., 1974, с. 57).

В Кунсткамеру благодаря указам Петра I поступали кости мамонта и других вымерших животных, а также и животных ныне живущих. Большое значение имело поступление коллекций животных, собранных Д.Г. Мессершмидтом¹⁶ во время его путешествия в Сибирь в 1719—1727 гг. Натуралисты крупнейшей по масштабам того времени Второй Камчатской экспедиции под руководством Витуса Беринга академик И.-Г. Гмелин, адъюнкт Г.В. Стеллер и студент С.В. Крашенинников собрали большой естественно-научный материал, в том числе и зоологический, частично поступивший в Кунсткамеру (Новиков, 1957, с. 319). В 1742 г. вышла первая часть первого тома каталога «Мизеі Ітрегіаlіз Реtгороlіtапі», содержавшая описание анатомических и зоологических коллекций. Зоологические коллекции были описаны Амманом, И.-Г. Гмелиным и Стеллером (Колчинский, 2009, с. 15).

Если рассмотреть состав членов Академии наук, занимавшихся биологическими дисциплинами, то окажется, что до приглашения в 1767 г. в Академию наук Палласа трудно найти в её составе ученых, регулярно и планомерно проводящих зоологические исследования в России.

В первые годы существования Академии наук Иоганн-Георг Дювернуа (Johann Georg Duvernoy, 1691–1759) — доктор медицины Тюбингенского университета, профессор анатомии, хирургии и зоологии АН с 1725 по 1741 гг., занимавшийся преимущественно изучением анатомии человека, провёл ряд исследований по анатомии различных позвоночных животных, которые были доложены в Академическом собрании и напечатаны в издании академии «Commentarii Academiae Scientiarum» (История ...,

¹⁵ Иоган-Даниил Шумахер (Iohann Daniel Schumacher, 1690—1761), библиотекарь и управляющий канцелярией Академии наук. Канцелярия ведала финансовыми и хозяйственными делами академии и её типографией, мастерскими и палатами. Шумахер иногда вмешивался в научные дела, что вызывало неоднократные протесты академиков.

¹⁶ Даниэль (Даниил) Готлиб Мессершмидт (Daniel Gottlieb Messerschmidt, 1685–1735) — немецкий медик и ботаник, состоял на русской службе, руководитель первой научной экспедиции в Сибирь.

1953, с. 115). Однако исследования по анатомии животных, проводившиеся Дювернуа, носили случайный и отрывочный характер.

Иоганн-Георг Гмелин (Johann Georg Gmelin, 1709—1755) — один из крупнейших ботаников середины XVIII в., профессор химии и естественной истории АН с 1731 по 1747 г. был известен научному сообществу той эпохи прежде всего как блестящий ботаник. В «Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae» он опубликовал четыре статьи о животных, и небольшие зоологические очерки вошли в его «Путешествие по Сибири». Но зоология не была для него основной специальностью, и его зоологические сборы не были им полностью обработаны. Намерение И.-Г. Гмелина выпустить двухтомное описание животных Сибири осталось невыполненным (Белковец, 1990, с. 73).

Иоганн Амман (Johann Amman, 1707—1741) — профессор ботаники и натуральной истории АН с 1733 по 1741 г. занимался преимущественно ботаникой.

Много внимания зоологии уделял Георг Вильгелм Стеллер, адъюнкт натуральной истории с 1737 по 1746 г. Но из-за его преждевременной кончины большинство зоологических материалов, собранных им во время Второй Камчатской экспедиции, не было им обработано и опубликовано. В 1751—1758 гг. в «Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae» посмертно были опубликованы три его зоологических работы (Стеллериана ..., 2009). Отдавая должное исследованиям Стеллера и признавая, что его работы по существу были первыми зоологическими работами, опубликованными в России о животных в России обитающих, всё же трудно его считать «отцом» отечественной зоологии.

Степан Петрович Крашенинников с 1745 г. адъюнкт натуральной истории, а с 1750 г. профессор ботаники и натуральной истории занимался зоологией. Во второй части его «Описания земли Камчатки» имеется большой зоологический отдел, но содержащиеся в нём описания касаются в основном некоторых аспектов биологии животных и не содержат систематических и анатомических данных. Последние годы жизни Крашенинников больше занимался ботаническими исследованиями.

Йозеф-Готлиб (Иосиф Феофил) Кёлрейтер (Joseph Gottlieb (Theophilus) Koelreuter (Koellreutter), 1733—1806), адъюнкт по ботанике АН с 1755 по 1761 г. (о нём см.: Вульф, 1940). На протяжении многих лет, с 1758 по 1795 г., опубликовал 23 работы по зоологии, главным образом в «Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», как в годы своей работы в Санкт-Петербурге, так и по отъезде из него. Однако эти работы представляли отрывочные сведения по различным группам животных, по большей части кишечнополостных, моллюсков и рыб и не давали целостного представления ни о российской фауны в целом, ни об одной из крупных групп животных, населяющей Российскую империю. Прославился Кёльрейтер своими работами о поле и гибридизации растений, выполненными именно в Санкт-Петербурге.

Общая оценка деятельности Палласа как зоолога и его вклад в решение целого ряда вопросов зоологической систематики, биологии отдельных видов животных и, наконец, его роль как одного из создателей зоогеографии проанализированы в работах К.А. Рудольфи (Rudolphi, 1812), Ж. Кювье (Cuvier, 1819), Н.Г. Лингау (1916), Г.П. Дементьева (1964) и др. Весьма подробно основные зоологические работы Палласа рассмотрены в капитальной монографии о нём Ф. Вендланда (Wendland, 1992, S. 366—414, 537-541). О роли Палласа в становлении паразитологии писали Л.С. Кириченко (1969), А.К. Галкин и О.Н. Пугачев (2001). Анализ теоретических взглядов Палласа на основные общебиологические вопросы был предпринят Б.Е. Райковым (1952).

Значение научной и экспедиционной деятельности Палласа для развития зоологии в нашей стране огромно и требует тщательного изучения и издания специальной монографии. Хочется надеяться, что возросший в последнее время интерес к изучению жизни и деятельности Палласа и отмечаемая в этом году двухсотлетняя дата его кончины обратит отечественных исследователей к её написанию.

Коллекции, собранные Палласом, почти не сохранились в России. Они были вывезены им в его родной Берлин, куда он незадолго до смерти возвратился. Сейчас трудно сказать какие причины послужили причиной этого. Современные исследователи высказывают различные предположения по этому поводу (Световидов, 1978; Алимов и др., 2006).

5 декабря 1747 г. в Кунсткамере случился пожар, охвативший значительную часть здания. Главным образом пострадали этнографические коллеции, но и большая часть биологических коллекций сильно пострадала. Уцелевшие коллекции были перенесены в «Дом Демидовых», расположенный неподалёку от здания Кунсткамеры на стрелке Васильевского острова. Лишь к 1766 г. коллекции были возвращены в отремонтированное здание Кунсткамеры. При этом часть коллекций, уцелевших от огня, была повреждена из-за плохого хранения. «Теснота, в которой они были расставлены, а также холод и сырость, царившие в демидовском доме, мешали учёным использовать музейный материал в научных целях. Ученые перестали посещать Кунсткамеру, меньше интересовались экспозицией её, что, в свою очередь привело к тому, что стройная научно обоснованная система, лежавшая в основе музейной экспозиции Кунсткамеры до пожара, нарушилась и в ней воцарился беспорядок» (Станюкович, 1953, с. 140).

В конце сороковых—пятидесятых годов XVIII века Академия наук пережила затяжной кризис, связанный с противостоянием большей части академиков и академической канцелярии, возглавляемой Шумахером, которого позже поддерживал, став фактически соправителем канцелярии, его зять унтербиблиотекарь Тауберт. После смерти Шумахера в 1761 году Тауберт стал единовластным управителем хозяйства Академии. Кризис этот помимо постоянных конфликтов и жалоб внутри самой Академии наук сопровождался и целым рядом громких скандалов, один из которых был связан с отъездом в 1747 году И.-Г. Гмелина на родину (Белковец, 1990, с. 33—40). Сведения о положение в Российской академии, естественно, были известны на западе и привели к падению ее престижа в учёном мире Европы (Пекарский, 1873, с. XXXIX—XLVII).

Однако через 5 лет после воцарения Екатерины II, положение в Академии изменилось. 5 октября 1766 г. она назначила директором Академии графа Владимира Григорьевича Орлова, а 30 октября для управления Академией была учреждена особая комиссия из академиков (Пекарский, 1873, с. LVII—LVIII). Для возобновления активной научной деятельности необходимо было обеспечить Академию новыми научными кадрами, в том числе и натуралистами. Нужны были ученые и для участия в планировавшихся экспедициях по изучению России.

Среди приглашённых в Академию натуралистов были блестящие ученые. В 1765 г. после отъезда И.Г. Кёльрейтера для присмотра за растениями в Ботаническом саду было решено пригласить Самуила Готлиба Гмелина (Samuel Gottlieb Gmelin, 1744—1774), племянника И.-Г. Гмелина, который прибыл 16 апреля 1767 г. в Санкт-Петербург¹⁷.

 $^{^{17}}$ С.Г. Гмелин в 1768-1772 гг. возглавлял экспедицию в Астраханский край, на Кавказ и в Персию. В 1772 г. он был ограблен и задержан хайтыцким ханом Усмеем, который рассчитывал

На кафедру анатомии по рекомендации Эйлера был приглашен выдающийся анатом и эмбриолог Каспар Фридрих Вольф (Caspar Friedrich Wolf, 1733—1794), немедленно по прибытии в Санкт-Петербург 15 мая 1867 г. приступивший к своим занятиям (Гайсинович, 1961; Лукина, 1973). Молодой, но уже известный зоолог Пётр Симон Паллас (1741—1811) был приглашён 22 декабря 1766 г. на должность академика по естественной истории и натуралиста в планируемую Сибирскую экспедицию. Сначала Паллас отклонил приглашение, но затем изменил решение и согласился, о чём сохранилась запись в журнале комиссии Академии наук¹⁸:

1767. Года Апреля <...> 24. дня. вторник

<...>

No. 396 Его сиятельству Графу Володимеру Григорьевичу Орлову представить репортом // что Господин Профессор Паллас, который зван был Профессором Истории Натуральной с жалованьем по осмии сот рублей в год, и чтоб иметь смотрение над натуральным кабинетом, хотя прежде сего отказался, ныне письмом объявил, что на помянутых кондициях желает вступит в Академию с тем, чтоб к обещанным ему путевым двум стам определить еще несколько денег и обещает на пути зделать наблюдения до натуральной истории касающиеся. Вразсуждении сего заблагоразсуждено переслать к нему на путь триста рублей с тем, чтобы по приезде своем в Петербург сообщил наблюдения свои Академии, и для пересылки оных денег сыскать комисару Панкратьеву вексель, по которому и деньги выдать. А вексель взнесть при репорте.

Как явствует из приведенного выше документа, Палласу также поручалось руководство кабинетом естественной истории. В июле 1767 г. Паллас прибыл в Санкт-Петербург:

1767 года Июля <...> 30 понедельник

No. 648 Сего числа выписанной из Берлина профессор Паллас, в академию явился, и разсуждено за известие о том, как к Его Сиятельству Графу Володимеру Григорьевичу Орлову и в профессорское собрание дать знать. 19

Прибывший первым С.Г. Гмелин осмотрел коллекции Кунсткамеры и пришёл в ужас. О впечатлении разрушения и упадка, сложившемся у Гмелина после посещения Кунсткамеры, ярко свидетельствуют его рапорт в Комиссию академии²⁰:

получить за него выкуп. Умер Гмелин больным в заточении в Ахметкенте в 1774 г. в возрасте 30 лет.

¹⁸СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 537. Л. 130—131 (л. 130 — дата; л. 130 об., 131 — текст).

¹⁹ Там же. Д. 537. Л. 211.

 $^{^{20}}$ Там же. Д. 309. Л. 243, 244, 244об. (л. 243 — заголовок, лл. 244, 244об. — текст, сверху приписка другим почерком).

No. 104 Апреля 24∂ 1767 В учрежденную при Академии наук комиссию Репорт <...>

Что ж до натурального кабинета касается, который я вчера видел, то весьма сожалительно, что такой Кабинет, который может быть больше стал, нежели все знатные вещи в свете, по ныне от неразумного смотрения в такое худое состояние пришел, что едва оной исправить возможно будет. //

Я не упоминаю о том хорошом порядке в котором натуральные вещи в кунсткамере находятся; ибо ежелиб Линней летучую мышь по ея зубам почел за весьма подобную человеку тварь то и сие легко зделаться может, что незнающей ящерицы с обезьянами, обезьян с сурками, а их с несекомыми, а несекомых с змеями смешает. Но паче всего сожаления достойно, что большая часть из зверей сушеных находящихся в кабинете скоро попортится может, и из находящихся в спирте тварей нашел я таких, которые уже заплесневели. Но жалостнее еще сего, что мне сколько известно из описаний издаваемых в Санктпетербурге о здешнем собрании минералов, которое надеялся я здесь все сполна увидеть, но несколько в том обманулся. Сухие же растения, которые недавно я видел, едва уже и узнать можно. Однако прошу высокоучрежденную Комисию приказать отвести оныя ко мне в дом все собранные Моссершмитом, Амманом, Столлером и моим дядею со всеми манускриптами, дабы я мог в нынешнее свободное время распоряжению сада начало зделать и травы Сибирские сколько время допустит, продолжать. Впрочем ожидаю как о исправлении всего кабинета так и на протчие пункты милостивой резолюции.

С. Гмелин.

Апреля 19. дня 1767 года

К 1767 г. в Кунсткамере сложилось весьма тяжёлое положение. Коллекции ее находились в бедственном состоянии вследствие неустройства помещения, ненадлежащего хранения уцелевших материалов и отсутствия ответственных за них учёных.

В 1740-е гг. в Академии наук было два академика биолога — Дювернуа по анатомии и физиологии и Амман по ботанике и натуральной истории. Через тридцать лет, в 1767 г., несмотря на формальное наличие двух мест, среди академиков было: два анатома — А.П. Протасов, который, правда, занимался не только научными изысканиями, но и руководил инструментальными, столярными и словолитными мастерскими (Летопись ..., т. 1, 2000, с. 542) и К.Ф. Вольф; академик ботаник — С.Г. Гмелин и академик по естественной истории П.С. Паллас, что свидетельствует о специализации и дифференциации биологических дисциплин. Сочетание ряда обстоятельств — необходимости спасения коллекций, с одной стороны, дифференциации естественнонаучных дисциплин и наличие квалифицированных специалистов по ним — с другой, на наш взгляд, и привело к появлению постановления комиссии Академии наук от 9 августа 1767 г. о разделении естенственно-исторических коллекций и ответственности за них между Палласом, Вольфом и С. Гмелиным. Следует отметить, что решение было принято удивительно быстро — 19 апреля С. Гмелин подал рапорт о состоянии коллекций, 24 апреля: «<...>Комиссия заблагорассудила приказать отдавать оные ему растения по частям и с манускриптами, под росписки; а предохранение от повреждения, и приведение // в совершенной порядок онаго кабинета поручить Господину Профессору Палласу, а между тем Господину профессору Гмелину предписать, что ежели что еще можно предохранить от повреждения, тоб употребил отом старание, а в рассуждении поручения онаго кабинета профессору Палласу по силе его контракта представить Его Сиятельству чтоб позволил дать о сем повеление господину Статскому Советнику Тауберту»²¹. 30 июля в Академии появляется Паллас, а уже 9 августа издается постановление.

Несмотря на то, что толчком к распоряжению от 9 августа скорее всего послужило плохое состояние коллекций и желание исправить это положение дел, оно несомненно сыграло очень большую роль в развитие отдельных биологических наук и, в конце концов, привело к окончательному оформлению академических учреждений занимающихся ботаникой, зоологией и анатомией человека.

Надо сказать, что Паллас весьма ревностно приступил к исполнению своих обязанностей по приведению в порядок зоологических коллекций. В Архиве АН сохранился черновик письма к Палласу, из которого явствует, что Паллас взялся сделать новую опись зоологических коллекций Кунсткамеры²²:

Благородный Господин Профессор

Хотя данным вам ордером от «9» числа сего августа, и поручено из кунсткамерских вещей, все что до животнаго царства принадлежит принять по каталогу находящемуся в библиотеке, слича оный с тем, которой вам отослан из коммисии, а как вы представляете что тем вещам за удобно признаете сочинить опись вновь, с разсуждениями изволте которую учинить.

Господину палласу

вашего благородия готовый слуга

Августа дня 1767.

В конце 1767 г. Паллас подает в академию рапорт, в котором просит выделить деньги для приобретения зоологических коллекций²³:

No. 968 декабря 19д 1767

в учрежденную при Императорской Академии Наук Комисию репорт от профессора Палласа.

Со вступления моего в натуральный кабинет начал я особливое прилагать старание к приведению здешней натуральной истории в лучший порядок; и для того помянутой кабинет, поелику мне оный препоручен, полным собранием всех здешних зверей, которых в нем весьма мало, желал размножить, то осмеливаюсь представить высокоучрежденной Комисии, сколь необходимо нужно назначить некоторую ежегодную сумму денег на покупку здешних зверей и птиц и на делание из оных чучел нужных материалов, дабы помошник Тумской во исполнение своей должности всегда размножал кабинет деланием из зверей чучел и чтоб за благовременно наместо попорченных от худаго прежнего смотрения молью зверей и птиц зделаны были новые, так чтоб здешняя натуральная история пред иностранною могла иметь преимущство

Из императорской кунсткамеры декабря 18 дня 1767 года

²¹СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 537. Л. 131 об., 132.

²² Там же. Д. 307. Л. 93.

²³ Там же. Д. 309. Л. 189.

На время академических экспедиций главный директор Академии граф В. Г. Орлов в своём письме от 20 июня (?) 1768 г. проф. Иосифу Гертнеру²⁴ сообщил, что «Профессору Гертнеру поручается наблюдения над коллекциями животных, за которые отвечает проф. Паллас и гербарием и ботаническим садом, за которые отвечает проф. Гмелин в связи с их отъездом в экспедицию»²⁵. Приёмку материалов для Кунсткамеры, присланных из академических экспедиций, осуществлял академик Вольф, который также готовил к печати присланные ими сочинения (Лукина, 1973).

По возращении из экспедиции Паллас, несмотря на громадное количество дел, связанных с обработкой материалов экспедиций, и занятиями в других иногда весьма далёких и от зоологии, и от естествознания областей науки, уделял должное внимание зоологическим коллекциям Кунсткамеры. Об этом свидетельствует следующий приказ²⁶:

Копия с журнала академической Комиссии февраля 18 дня 1777 года.

Его высокородие двора Ея Императорского Величества Камер-Юнкер и академии наук господин директор, Сергей Герасимович Домашнев приказал: для большаго поощрения академика Палласа к ревности и усердие, с которым он старается теперь поправить и привести в хороший порядок натуральный при академии кабинет, за неимением теперь по близости Академии удобной для Его Г. Паласа удобной квартиры, производить ему на оную с перваго числа наступающаго месяца марта впредь к получаемому им ныне жалованью по сту по двадцати рублей в год из статной Академической суммы. Подлинный за подписанием Его Высокородия господина камер-юнкера и Академии наук директора Сергея Герасимовича Домашнева и прочих господ Комимисских присудствующих.

На следующий год за работу над коллекциями кунсткамеры приказом директора Академии от 10 января 1778 г. Паллас был награжден золой медалью²⁷:

Копия с Комисской резолюции Генваря 10 дня 1778 года.

Его высокородие, двора Ея Императорского Величества Господин Камер-Юнкер, Академии Наук Директор и кавалер Сергей Герасимович Домашнев приказал: Господам Академикам Палласу и Лаксману²⁸ и унтербиблиотекарю Бакмейстеру²⁹ сколько за его рачение к должности, а паче за сочинение описания библиотеки, сочинение коего у нас не доставало и которое всегда было нужно, и котораго не всякой мог сделать; за приложенные ими труды, тщание и искусство в разпорядке и установлении натуральных вещей в Кунсткамере дать каждому по золотой медале каковыя сделаны были на случай празднованнаго в 1776 году при академии перваго // ея полувекового юбилея, с засвидетельствованием им Господам Академикам особливой

²⁴ Joseph Gärtner (1732–1791), профессор ботаники с 1768 по 1770 гг.

²⁵ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 15. Л. 1−3

²⁶ Там же. Д. 28. Л. 1.

²⁷ Там же. Д. 32. Л. 1, 1 об.

²⁸ Кирилл Густавович (Эрик Густав) Лаксман (Erich Gustav Laxmann, 1737—1796) — учёный и путешественник, работал в области химии, географии, геологии и минералогии, ботаники и зоологии. Профессор экономии и химии с 1770 г., почетный член Академии в 1780—1781 гг.

 $^{^{29}}$ Иван Григорьевич (Иоганн Фолльрат) Бакмейстер (Johann Vollraht Bacmeister, первая четверть XVIII в. — 1788 или 1794), библиограф. С 1756 г. состоял библиотекарем С.-Петербургской академии наук. Автор первого библиографического труда по российской научной литературе.

Его высокородия благодарности; в следствии чего о сделании трех таковых медалей послать Берг коллегии в монетный департамент сообщение, и по сделании деньги за оныя сколько следовать будет по тамошнему счету, заплатив в оный департамент из Экономической суммы, а медали вручить им г. академикам Паласу и Лаксману. Подлинная за подписанием Его Высокородия Господина Камер-Юнкера и Академии наук Директора и Кавалера Сергея Герасимовича Домашнева и прочих г. Комимисских присудствующих.

Ещё в 1740—е гг. Академический музей подразделялся на Кунсткамеру с входящим в неё физическим кабинетом, Натур-камеру с Анатомическим театром, Мюнц-кабинет и кабинет императора Петра Великого (Станюкович, 1953, с. 100). Большую часть натур-камеры составляли зоологические коллекции. После постановления 1767 г. развитее зоологического, ботанического и анатомического отделов Кунсткамеры шло независимо. Академик ботаник с 1713 г. возглавлял Академический ботанический сад, а после 1767 г. в ведение академика ботаника отошел и гербарий. Минералогические коллекции были обособлены в отдельном минералогическом кабинете и по регламенту поручались академику по химии или минералогии, тогда как зоологическая часть кабинета находилась в ведении Палласа, а анатомическая — Вольфа. То, что подобное подразделение соблюдалось, подтвердила апрельская история 1782 г., когда директор академии Домашнев приказал отстранить от должности заведующего Кабинетом естественной истории и редкостей (кунсткамерой) академика Котельникова и назначить на его место Палласа. Конференция Академии, ссылаясь на устав и постановление от 9 августа 1767 г., стала добиваться отмены этого приказа (Протоколы ... , т. 3, с. 587—589).

По регламенту 1803 г. Академия имела музей ботаники, зоологии и минералогии, который подразделялся на соответствующие кабинеты (Уставы ..., 1974, с. 84). Штат Академии наук предусматривал наличие двух академиков зоологов, одного анатома и одного ботаника (Уставы ..., 1974, с. 72).

В конце 20-х гг. XIX в. правительство Императора Николая I было обеспокоено состоянием дел в российском образовании и науке. Уровень образования в это время в русских университетах был низок, и для того, чтобы его поднять, а также для того, чтобы во главе кафедр в университетах стояли природные русские профессора, в ноябре 1827 г. было издано высочайшее повеление выбрать в университетах двадцать талантливейших студентов для обучения их сначала в Дерптском университете, а после его окончания в Берлине и Париже. 20 февраля 1828 г. Император Николай I дал согласие на отправку воспитанников Академии наук в Дерптский университет (Летопись ..., т. 2, 2002, с. 201). Стало очевидным, что и в Академии наук необходимы перемены. 12 мая 1830 г. академики Триниус, Паррот и Купфер выступили с проектом инструкции для помощников хранителей коллекций музеев. Конференция признала необходимым просить о выделении средств для содержания коллекций и музеев и полностью изменить способ управления. Для доклада Императору была создана специальная комиссия, в которую вошли академики Загорский, Вишневский, Френ, Греф, Триниус, Паррот, Бэр, Купфер, Гамель и Гесс30. Отмечу, что речь идет не об академическом музее, а о музеях. 1 ноября состоялось экстраординарное заседание, на котором был зачитан доклад комиссии о проекте новой структуры Академии наук³¹:

³⁰ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 43. Л. 74, 74 об.

³¹ Там же. Л. 140, 140 об.

No. 33 Séanse extraordinaire Du Samedi 1 Novembre 1830 Présents : SE. M. le Vice-Président

Les Académiciens:

Zakharoff. Zagorsky. Wisniewsky. Krug. Petroff. Köhler. Frähn. Gräfe. Trinius. Collins. Fuse, Secritaire. Parrot. Kupffer. Hamel. Herrmann. Tarkhanoff. Bouniakovsky. Lenz. Hess. Ostrogradsky. Schmidt. Sjögren.

Absents: Zakharoff, raison inconnue. Zagorsky à l'Acad. méd.-chir. Petroff malade. Hamel et Ostrogradsky, en mission.

Tour de lire a M. ______ § 731.

M. le Vice-Président ayant fixé ce jour pour la séance extraordinaire destinée à la lecture du mémoire de la Commision qui avait été charqée de dresser le projet des nouveaux états des Musées. Messieurs les Membres de la Conférence, invités par une lettre circulaire, se sont rassemblés à 11 heures du matin. M. le Vice-Président proposa à la Conférence de consacrer la séance d'aujourd'hui uniquement à la lecture du mémoire sans entrer en discussion sur le différentes parties qui le comportent afin que chacun puisse se presser d'abord un aperçu général de ce dont il s'agit. En conséguence de cela le Secrétaire donna lecture du mémoire en guestion qui traite sur les différentes appartenances scientifiques et sur les besoins de l'Académie dans l'ordre suivant : 1. de l'Observatoire astronomique ; 2. des aides ; 3. des voyages scientifiques ; 4. du Cabinet de physique ; 5. de l'Observatoire magnétique et météorologique ; 6. de l'Atelier mécanique ; 7. du laboratoire chimique; 8. de la Technologie; 9. des collections d'histoire naturelle, [à] savoir: a) du Musée minéralogique ; b) des herbiers ; c) du jardin botanique ; d) du Musée zoologique ; e) du Cabinet anatomique ; 10. du médailler ; 11. du Musée egyptien ; 12. du Musée asiatique ; 13. du Musée ethnographique et du Cabinet de Pierre le Grand ; 14. de la bibliothèque. Cette lecture achevée, M. le Vice-Président a communiqué à la Conférence ses idées sur les modifications à faire dans la forme de rédaction de ce mémoire ainsi que sur le nécessité d'en retrancher entièrement plusieurs articles qui peuvent // facilement être portés sur la somme économique et d'en réduire considérablement plusieurs autres. S.E. engager MM les Académiciens d'y réfléchir mûrement afin que dans une séance extraordinaire prochaine qui sera tenue dans le méme but chacun puisse communiquer à la Conférence ses idees sur les modification à apporter à ce projet et S.E. se charger lui-même de relire enore avec la plus grand attention le mémoire de la commission afin de se mettre à même de pouvoir présenter aussi à la Conférence ses propositions à cet égard, l'affaire étant de la plus grande importance pour l'Académie.

Перевод документа (выполнен О.Л. Саранчовой):

No. 33. Внеочередное заседание. 1 ноября 1830 г.

Присутствуют: Господин Вице-президент. Академики: Вишневский. Круг. Кёлер. Френ. Грефе. Триниус. Коллинс. Фус, секретарь. Паррот. Купфер. Герман. Тарханов. Буняковский. Ленц. Гесс. Шмидт. Шегрен.

Отсутствуют: Захаров, причина неизвестна. Загорский в мед.-хирургич. акад. Петров болен. Гамель и Остроградский в командировке.

§ 731.

Г-н Вице-президент назначил на этот день внеочередное заседание, посвящённое чтению доклада Комиссии, которой было поручено составить проект новых штатов музеев. Господа

члены Конференции, приглашённые циркулярным письмом, собрались в 11 часов утра. Г-н вицепрезидент предложил Конференции посвятить сегодняшнее заседание единственно чтению доклада, не вступая в дискуссию в отношении различных разделов, его составляющих, для того, чтобы каждый поспешил составить себе общее мнение о том, что говорится в докладе. В связи с этим Секретарь зачитал вышеупомянутый доклад, в котором обсуждаются различные научные принадлежности и потребности Академии, перечисленные в следующем порядке: 1. Астрономическая обсерватория; 2. вспомогательные средства; 3. научные экспедиции; 4. Физический кабинет; 5. Магнитная и метеорологическая обсерватории; 6. Механическиая мастерская; 7. Химическая лаборатория; 8. Техника; 9. естественно-исторических коллекции, а именно: а) Минералогический музей; b) гербарий; c) Ботанический сад; d) Зоологический музей; e) Анатомический кабинет; 10. нумизматическая коллекция; 11. Египетский музей; 12. Азиатский музей; 13. Этнографический музей и кабинет Петра Великого; 14. библиотека.

Закончив чтение доклада, господин Вице-президент высказал Конференции своё представление об изменениях, которые надлежит выполнить, отредактировав данный доклад, а также о необходимости полностью удалить из него некоторые статьи, которые могут быть с легкостью отнесены к разделу, касающемуся хозяйственной деятельности и значительно сократить некоторые другие.

Его превосходительство обратился к господам академикам с предложением составить зрелое суждение по данному вопросу, с тем, чтобы на следующем внеочередном заседании, которое будет созвано с этой же целью, каждый мог сообщить Конференции свое мнение об изменениях, которые надлежит внести в предложенный проект, и Его превосходительство поручил каждому еще раз со всем вниманием перечитать доклад комиссии, для того, чтобы иметь возможность непосредственно представить Комиссии свои предложения по этому вопросу, так как данное дело является для Академии наиважнейшим.

Естественно-научные коллекции по этому проекту подразделялись на самостоятельные минералогический и зоологический музеи, ботанический сад, гербарий и анатомический кабинет. То есть предлагалось формально оформить уже сложившееся положение. В нём шла речь о независимых ботаническом саде, гербарии и зоологическом музее. Данное предложение было принято и оформлено в Уставе Санкт-Петербургской академии наук Высочайше утверждённым 8 января 1836 г. и введённым в действие указом правительствующего сената от 7 февраля 1836 г., по которому Академия имела минералогический, ботанический, зологический и зоотомический музеи с их лабораториями. Однако фактически, Зоологический музей как самостоятельное учреждение именуется в документах Академии с 1830 г. В заседании 24 марта 1830 г. речь идёт о рапорте академиков Карла Максимовича (Карла Эрнста) фон Бэра (Karl Ernst von Baer, 1792-1876), Адольфа Яковлевича (Адольфа Теодора) Купфера (Adolph Theodor Kupfer, 1799-1865) и адъюнкта Андрея Карловича (Карла Генриха) Мертенса (Carl Heinrich Mertens, 1796-1830) о транспортировке зоологических и минералогических объектов в новые помещения музеев (выделено мной)³². В этом же заседании Академик Бэр, в должности директора Зоологического музея представил рапорт о состоянии этого музея и о необходимости пополнения его коллекций 33:

³² СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 43. Л. 47 об.

³³ Там же. Л. 48 об.

§ 246. M. l'Académicien Baer, en la fonction de Directeur du Musée zoologique, présenta un rapport sur l'état dans lequel il a trouvé ce musée et sur les mesures qu'il faut prendre pour le completér afin de l'étirer à un rang digne du premier établissement scientifique de l'Empire Russe. Selon M. Bär principalement prendre soin de compléter ses collections de productions naturelles du pays et nommément de l'est de la Sibéria, de sorte qu'elle puisse non seulement en enrichir ses propres collections main encore s'en servir pour les troquer contre des objets qui lui sont moins accessibles. Pour atteindre ce but M. Bär propose d'envoyer un naturaliste dans ces contrées, dont Pallas a dit qu'il y a trouvé plus d'objets nouveaux que dans tout le long voyage qu'il lui a fallu faire pour y parvenir. M. le Président et la Conférence l'étant trouvé très disposés à favoriser ce projet de M. Bär et se rappelant à cette occasion les discussions qui ont eu lieu en 1828 (Voy. Prot. du 20 févr. de cette année § 93) au sujet du plan d'un voyage scientifique dans la Russie, M. le Président désigna de nouveau un comité qui s'occupera à dresser le plan d'un pareil voyage pour chacune des sciences naturelles en particulier, à en évaluer les frais à peu près, et à trouver les personnes auxquelles on pourrait confier des missions de ce genre. MM. Parrot, Trinius, Bär, Kupffer, Hess et Mertens furent nommés membres de cette commission.

Перевод документа (выполнен О.Л. Саранчовой):

§ 246. Господин Академик Бэр, в качестве Директора Зоологического музея, представил отчёт о том состоянии, в котором он обнаружил музей, и о мерах, которые следует принять в целях его пополнения, для того чтобы поднять музей до уровня, достойного первого научного учреждения Российской империи. По мнению господина Бэра, необходимо главным образом позаботиться о пополнении коллекций по естественной истории с территории страны и, в частности, из Восточной Сибири, таким образом, чтобы она [Академия наук] смогла не только обогатить ими собственные коллекции, но и обменять их на предметы, получение которых затруднено. Для достижения данной цели господин Бэр предлагает направить натуралиста в эти края, о которых Паллас сказал, что обнаружил там больше новых объектов, чем за все время пути, которое необходимо было проделать, чтобы туда попасть. Так как господин Председатель и Конференция очень благожелательно отнеслись к данному проекту господина Бэра, вспомнив в связи с этим дискуссии, которые происходили в 1828 г. (прот. от 20 февраля этого года § 93) в отношении плана научного путешествия по России, то господин Председатель вновь назначил комитет, который составит план подобного путешествия, с учётом роли каждой из естественных наук, а также оценит предварительные затраты на это, и найдет людей, которым можно будет доверить подобные поручения. В числе членов этой комиссии были названы господа Паррот, Триниус, Бэр, Купфер, Гесс и Мертенс.

17 ноября 1830 г. «П.Н. Фус сообщил, что Ф.Ф. Брандт, получивший предложение работать в Академии наук, согласен занять место адъюнкта при условии поручения ему руководства Зоологическим и зоотомическим музеем» (Летопись ..., т. 2, 2002, с. 220).

Пока самым ранним упоминанием в документах Академии наук самостоятельного музея является отчёт академика Петра Андреевича Загорского (1764—1846) от 12 ноября 1828 г. о состоянии Анатомического музея (Летопись ... , т. 2, 2002, с. 206). В заседании 10 марта 1830 г. речь идёт о консерваторе Ботанического музея³⁴. Так что в конце двадцатых годов XIX в. академические музеи фактически считались самостоятельными научными учреждениями.

³⁴СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 43. Л. 40.

Таким образом, номинальной датой основания Зоологического музея никак нельзя считать предложенную директором Зоологического музея академиком Александром Александровичем Штраухом (Alexandre Strauch, 1832—1893) дату 4 июля 1832 г., когда академик Фёдор Фёдорович (Иоганн Фридрих) Брандт (Johann Friedrich Brandt, 1802— 1879) доложил Конференции о готовности трёх залов нового музея (Штраух, 1899, с. 1). Таковой следует считать либо 1830 г., когда в академических документах впервые идет речь о Зоологическом музее и его директоре, либо 7 февраля 1836 г., когда были введёны в действие новый устав и штаты Академии наук, в котором Зоологический музей числится одним из учреждений академии. Отметим, что для публики Зоологический музей был открыт лишь в 1838 г. Как видно из приведённых выше документов, академика Карла Максимовича (Карла Эрнста) фон Бэра следует считать первым директором Зоологического музея. Фактической же датой основания Зоологического музея, впоследствии Зоологического института, на мой взгляд, следует считать 9(20) августа 1767 г., когда в составе Академического музея в качестве самостоятельной структуры были выделены зоологические коллекции за которые отвечал отдельный академик, который занимался, обработкой и хранением зоологических материалов. Академик Паллас стоит у истоков развития зоологии как отдельной отрасли биологической науки в нашей стране. В этом я согласен с мнением К.В. Арнольди, Л.С. Берга, А.Н. Булычевой, А.Н. Кириченко, Н.Я. Кузнецова, А.С. Мончадского и Е.Н. Павловского.

Директору Зоологического музея члену-корреспонденту АН Алексею Андреевичу Бялыницкому-Бируле (1864—1937) удалось четко и ёмко выразить сущность Зоологического музея второй четверти XIX в., и, добавим, также и Зоологического отдела Академического музея (Кунсткамеры): «<...> помимо своей открытой для публики части, Зоологический музей представлял в это время не более как хранилище научного материала для работ заведовавшего им академика-зоолога». (Бялыницкий-Бируля, 1925, с. 2). Настоящим научноисследовательским учреждением Зоологический музей становится в конце XIX в. Этому преобразованию мы обязаны активной деятельности экстраординарного академика Фёдора Эдуардовича (Дмитриевича) Плеске (1858—1932), заведовавшего музеем с 1883 по 1886 г.13 марта 1895 г. было высочайше утверждено «Положение о зоологическом музее Императорской Академии Наук». По этому положению «1. Зоологический музей с состоящею при нем техническою лабораторией есть центральное учреждение в Империи для познания животного царства преимущественно России. 2. Ближайшие задачи музея заключаются: 1) в научной разработке систематики и географии животного царства и в особенности в разрешении вопросов, касающейся отечественной фауны, и 2) в распространении познаний о животном царстве и воспособлении наглядному изучению зоологии по выставленным в музее коллекциям» (Полное собрание законов, с. 133). Надо сказать, что уже более 100 лет Зоологический музей, а с 1931 г. Зоологический институт, весьма успешно эти задачи решает. Помимо нового положения и новых штатов Зоологический музей получил значительные ассигнования на свою работу и переехал в новое здание, в котором он находится до сих пор. Музей был подразделен на две части: научную и выставочную, каждая из которых занимается выполнением своих задач. К сожалению, в результате интриг Плеске пришлось покинуть пост директора Зоологического музея (Слепкова, 2007), однако преобразованный им Зоологический музей до сих пор продолжает проводить систематические, фаунистические и зоогеографические исследования, главным образом животного мира России, знакомит широкую публику с многообразием животного мира и помогает студентам-зоологам постигать свою профессию.

Таким образом, на наш взгляд, реальным основоположником российской зоологии следует считать Петра Симона Палласа, а фактической датой основания Зоологического

музея (института) Академии наук 9 (20) августа 1767 г. Номинальной датой основания Зоологического музея является 1830 г., когда название «Зоологический музей» появляется в документах Академии наук. Академик Бэр является первым официальным директором Зоологического музея. Превращение Зоологического музея из лаборатории при директоре-академике в настоящее научно-исследовательское учреждение произошло в конце XIX в. благодаря деятельности Ф.Д. Плеске, что было зафиксировано в Высочайше утверждённом положении о Зоологическом музее Императорской Академии наук от 13 марта 1895 г.

Литература

Алимов А.Ф., Пугачев О.Н., Слепкова Н.В. Первые этапы формирования зоологической коллекции в России и П.С. Паллас // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXII: Тез. XXVII конф. С.-Петерб. отд-ния Нац. ком. по ист. и филос. науки и тех. РАН (21—24 нояб. 2006 г.). СПб., 2006. С. 30—36.

Белковец Л.П. Иоганн Георг Гмелин. М.: Наука, 1990. 143 с.

Белоусов В.В. П.С. Паллас — путешественник и геолог. (К 200—летию со дня рождения) // Природа. 1941. № 3. С. 111—116.

Берг Л.С. Роль Академии Наук в истории географических открытий (XVIII век) // Природа. 1925. № 7–9. Стлб. 143–160.

Брандт Φ . Φ . Зоологический и зоотомический музей // Записки Императорской Академии наук. 1865. Т. 7. Кн. 1. С. 1–35.

[Бялыницкий-Бируля А.А.] Зоологический музей. Основан в 1932 году. Л.: Академия наук СССР. 1925. 23 с.

Вульф Е.В. Иозеф Кельрейтер, его жизнь и научные труды (1733—1806) // Кёльрейтер Иозеф. Учение о поле и гибридизации растений. М.; Л.: ОГИЗ — Сельхозгиз, 1940. С. 9—46. [Список работ Кёльрейтера с. 210-212].

Гайсинович А.Е. К. Ф. Вольф и учение о развитии организмов (в связи с общей эволюцией научного мировоззрения). М.: Изд-во АН СССР, 1961. 548 с.

Галкин А.К., *Пугачев О.Н.* Из истории изучения паразитических червей в Российской Академии наук // Паразитология. 2001. Т. 35. Вып. 5. С. 467-472.

Дементьев Г.П. Паллас (к стопятидесятилетию со дня смерти) // Зологический журнал. 1964. Т. 43. Вып. 2. С. 262-271.

Зеленецкий Н.М. Пётр Симон Паллас, его жизнь, научная деятельность и роль в изучении растительности России // Записки Новороссийского общества естествоиспытателей. 1916. Т. 46. Приложение. С. 35–72.

История Академии Наук СССР. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 484 с.

Кеппен Ф.П. Ученые труды П.С. Палласа. СПб.: типография В.С. Балашева и K^0 , 1895. 31 с.

Кеппен Ф.П. Паллас, Петр Симон // Русский биографический словарь. 1914. Том «Павел — Петрушка». С. 153-162.

Кириченко Л.С. Очерки из истории ветеренарной гельминтологии дореволюционного времени. Петр Симон Паллас // Труды Всесоюзного института гельминтологии имени академика К. И. Скрябина. 1969. Т. 15. С. 147-151.

Колчинский Э.И. Г.В. Стеллер и российская стеллериана // Стеллериана в России. СПб.: Нестор-история, 2009. С. 6–35.

Кювье Ж. Похвальное слово Петру Симону Палласу, произнесенное Жоржем Кювье 5 января 1813 г. // Вестник естественных наук, издаваемый Московским обществом испытателей природы. 1860. № 33. Стлб. 1021—1044.

Летопись Российской академии наук. 1724—1802. СПб.: Наука, 2000. Т. 1. 995 с.

Летопись Российской академии наук. 1803—1860. СПб.: Наука, 2002. Т. 2. 622 с.

Лигнау Н.Г. Паллас как зоолог // Записки Новороссийского общества естествоиспытателей. 1916. Т. 46. Приложение. С. 19-34.

Лукина Т.А. Каспар Фридрих Вольф в Петербурге // Вольф К.-Ф. Предметы размышлений в связи с теорией уродов. Л.: Наука, 1973. С. 256—273.

Люткевич Э. Памяти Петра Симона Палласа // Записки Новороссийского общества естествоиспытателей. 1916. Т. 46. Приложение. С. 1-17.

Новиков П.А. Зоологический отдел Петербургской Кунсткамеры в его историческом развитии // Труды института истории естествознания и техники. 1957. Т. 14. История биологических наук. Вып. 2. С. 302-352.

Пекарский П. История Императорской Академии Наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. LXVIII + 774 с.

 Π екарский Π . История Императорской Академии Наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. LVIII + 1042 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третие. 1881—1913. Т. 15. 1895. С. 133-135. Приложение: Штаты и табели. С. 65.

Протоколы заседаний конференции императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. Том 3. 1771—1785. СПб., 1900. 976 с.

Райков Б.Е. Петр Паллас // Райков Б.Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 42-105.

Световидов А.Н. Типы видов рыб, описанных Палласом в «Zoographia Rosso-Asiatica» (с очерком истории опубликования этого труда). Л.: Наука, 1988. 36 с.

Северцов Н. Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии. М.: тип. А. Евреинова, 1855. XXXVII + 430 c.

Серебряков А.Э. Зоологический кабинет Кунсткамеры // Труды института истории науки и техники. 1936. Сер. 1. Вып. 9. С. 69-128.

Слепкова Н.В. Развитие Зоологического музея Академии наук как центра исследований по систематике (1883—1932): автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2006. 26 с.

Слепкова Н.В. Материалы к биографии Φ . Д. Плеске (1858—1932) // Энтомологическое обозрение. 2007. Т. 86. Вып. 1. С. 218—233.

Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии Наук. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 240 с.

Стеллериана в России / под ред. Э.И. Колчинского. СПб.: Нестор-история, 2009. 78 с.

Уставы Академии Наук СССР. М.: Наука, 1974. 208 с.

Штраух А. Зоологический музей Императорской Академии наук. Пятидесятилетие его существования. Обзор основания, постепенного расширения и современного состояния музея // Записки Императорской Академии наук. 1899. Т. 61. Приложение № 3, 372 с.. 2 плана.

Юрьев К.Б. Андрей Везалий как сравнительный анатом // Труды института истории естествознания и техники. 1961. Т. 41. История биологических наук. Вып. 10. С. 376—390.

Cuvier G. Éloge historique de Pierre-Simon Pallas lu le 5 janvier 1813 // Cuvier G. Recueil des éloges historiques lus dans les séances publiques de l'Institut Royale de France. T. 2. Strasbourg, Paris: F.G. Levrault, Éditeur, 1819. P. 107–156.

Rudolphi K.A. Peter Simon Pallas. Ein biographischer Versuch / Rudolphi K.A. Beyträge zur anthropologie und allgemeinen naturgeschichte. Berlin: Haude und Spener, 1812. S. 1–78.

Wendland F. Peter Simon Pallas (1741–1811). Materialien einer Biographie. Berlin New York: Walter de Gruyter, 1992. Theil 1. 833 S.

Peter Simon Pallas and Zoological Institute Academy of Sciences

ALEXEY V. SMIRNOV

Zoological Institute, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; sav_11@inbox.ru

Documents related to celebration in 1942 of the 200th anniversary of Peter Simon Pallas and the 175th anniversary of the Zoological Institute are published. In 1941 the Commission that included some most prominent scientists of the Zoological Institute concluded that August 9, 1767 should be considered the day when the Zoological Museum had been founded. On that day the natural history collections of the Academy museum (Kunstkamera) were divided in three parts, zoology, anatomy and botany placed in charge of Peter Simon Pallas, Caspar Friedrich Wolf, and Samuel Gottlieb Gmelin, respectively. An analysis of archive documents (some of them are published for the first time) and literary sources confirmed the date established by the Commission. The role of Pallas as the founder of Russian zoology is demonstrated and some archive documents related to his biography are published.

Keywords: Pallas, Zoological Museum, Zoological Institute, Academy of Sciences, archive documents.

БИБЛИОГРАФИИ И СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Добавления к библиографии Петра Симона Палласа

Л.Я. Боркин

Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия; lacerta@zin.ru

На нынешний 2011 г. приходятся сразу две круглые памятные даты, связанные с жизнью и научной деятельностью Петра Симона Палласа (Peter Simon Pallas, 1741—1811), выдающегося натуралиста-энциклопедиста второй половины XVIII — начала XIX в. Это 200-летие появления его главного труда по зоологии "Zoographia Rosso-Asiatica" (Санкт-Петербург, 1811, первые два тома), увенчавшего многолетние исследования животного мира Российской империи и ставшего классическим, а также 200-летие смерти П.С. Палласа в Берлине (8 сентября 1811 г.). В этом году исполняется также 270 лет со дня его рождения (22 сентября 1741 г., Берлин).

Длительные путешествия этого замечательного немецкого естествоиспытателя по бескрайним просторам Российского государства, а также его многочисленные книги, статьи и заметки, публиковавшиеся и переиздававшиеся на разных языках, привлекали к себе внимание образованной части Европы уже при жизни самого учёного. Первая библиография работ Палласа была опубликована в 1812 г. вместе с его биографией немецким зоологом-паразитологом Карлом Асмундом Рудольфи (Carl Asmund Rudolphi, 1771—1832). В России первый «Список сочинениям Палласа» из 75 источников был напечатан в 1844 (а не в 1843) году; его составитель стыдливо спрятался под инициалами «Т. Д.»¹. Через полстолетия известный зоолог и библиограф Фёдор Петрович Кёппен (Friedrich Theodor Köppen, 1833—1908) представил довольно полный и весьма

 $^{^1}$ *Т.Д.* Список сочинениям Палласа // Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России на 1843 год. Одесса. 1844 («1843»). Т. 4. № 5–6. С. 108—120. По мнению Ф.П. Кёппена (1895, с. 398, сноска), это была перепечатка библиографии, составленной К.А. Рудольфи, но без ссылки на неё.

ценный аннотированный список «ученых трудов П.С. Палласа», в том числе ошибочно приписываемых этому замечательному натуралисту².

В конце первой четверти XX в. Рудольф Цауник (Rudolph Zaunick, 1893—1967), немецкий историк зоологии, выпустил своё «био-библиографическое исследование», посвящённое П.С. Палласу как основателю зоологии палеарктических позвоночных животных³.

В конце прошлого столетия Фолькварт Вендланд (Folkwart Wendland), немецкий историк геологии, подготовил наиболее детальную и документированную монографию о жизни и творчестве П.С. Палласа, которая вышла в двух частях⁴. Её вторая часть содержит подробный список публикаций выдающегося натуралиста (200 названий, не считая переизданий на разных языках), снабжённый комментариями (S. 932–1010), а также обширную библиографию работ о самом Палласе или его научном наследии с 1773 по 1990 г. (S. 1011–1086)⁵. Следовательно, её можно считать первой библиографией по палласоведению.

Библиографический список имеется также в вышедшей через 5 лет монографии А.К. Сытина «Петр Симон Паллас — ботаник» (с. 326—336)⁶. В этом меньшем по объёму списке, поскольку автор преследовал иные цели, можно найти работы, как пропущенные в капитальной сводке Ф. Вендланда, так и вышедшие после 1990 г.

В самом конце XX в. Н.В. Бойко и Н.К. Ткачёва рассмотрели в хронологическом порядке русские издания книг и статей Π .С. Π алласа 7 .

Таким образом, предлагаемые мною добавления можно воспринимать как очередной этап длительной «библиографической эстафеты», перешедшей в XXI столетие. Сведения взяты из моей картотеки, составляемой в связи с многолетним изучением наследия П.С. Палласа (преимущественно как зоолога). Они были дополнены некоторыми работами А.К. Сытина, который любезно прислал мне список своих работ по Палласу, а также указал на некоторых других авторов. Предлагаемый дополнительный список содержит публикации петербургского академика (русские переиздания), а также работы о нём, не вошедшие в сводки Ф. Вендланда и А.К. Сытина, или изданные позже этих сводок, или приведённые там с неточными данными. Многочисленные чисто «технические» работы, например по систематике или распространению отдельных видов животных и растений, описанных Палласом, не включались. Упор делался только на те публикации, в которых так или иначе анализировалось наследие этого замечательного натуралиста. В список не попали также статьи, где имя Палласа

² *Кеппен Ф.[П.]* Ученые труды П.С. Палласа // Журнал Министерства народного просвещения. СПб. Седьмое десятилетие, часть 298. 1895, апрель. С. 386—437.

³ Zaunick R. Peter Simon Pallas (1741—1811), der Begründer der paläarktischen Wirbeltierkunde. Eine bio-bibliographische Studie // Pallasia. Dresden. 1915. Bd. 3. H. 1—2. S. 1—37. К сожалению, эту работу достать мне не удалось.

⁴ Wendland F. Peter Simon Pallas (1741–1811). Materialien einer Biographie. Teil I. Berlin — New York: Walter de Gruyter, 1992a. XVIII + 833 S. (Veröffentlichungen der Historischen Komission zu Berlin, Bd. 80/I).

⁵ Wendland F. Peter Simon Pallas (1741–1811). Materialien einer Biographie. Teil II. Personalbibliographie. Berlin – New York: Walter de Gruyter, 19926. XVII + 835–1176 S. (Veröffentlichungen der Historischen Komission zu Berlin, Bd. 80/II).

⁶ Сытин А.К. Petrus Simon Pallas. Botanicus. M.: KMK Scientific Press, 1997. 338 с.

 $^{^{7}}$ *Бойко Н.В., Ткачева Н.К.* Петр Симон Паллас на русском языке // Петр Симон Паллас. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах. М.: Наука, 1999. С. 7—14 (Научное наследство, т. 27).

упоминается лишь мельком, без каких-либо комментариев. Звездочкой (*) помечены те работы, которые я не смог обнаружить в библиотеках Санкт-Петербурга. Остальные книги и журналы просмотрены de visu.

Составитель (зоолог-герпетолог по специальности) ни в коей мере не претендует на полноту списка. Тем не менее я надеюсь на то, что эти добавления будут полезны для всех почитателей наследия выдающегося немецкого энциклопедиста, более сорока лет прожившего в России. Особенно приятно, что добавления выходят в важный памятный год. Составление полной Палласовской библиографии («Bibliotheca Pallasiana»), несомненно, следует считать долгой, кропотливой работой будущих историков науки.

Работы П.С. Палласа

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства // Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV—XVIII веках / сост. *В. Алексеев*. Сталинград: Краевое книгоиздательство, 1936. С. 241–2628.

Паллас П.С. Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. Палласа П.С., русского действительного статского советника и кавалера орденов и пр. Лейпциг, т. I, 1803 // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII—XIX вв.) / сост. Б.А. Калоев. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 89—909.

Паллас П.С. Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / сост., ред. пер., введен. и вступ. ст. к текстам B.K. *Гарданова*. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 214—224 10 .

Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям Российского государства // Россия XVIII в. глазами иностранцев. [Л.]: Лениздат, 1989. С. 457—528 (Б-ка «Страницы истории Отечества»)¹¹.

Письма П.С. Палласа к П.И. Шангину / публ. и примеч. *А.К. Сытина* // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 2. С. 134—141.

Петр Симон Паллас. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах / отв. ред. Б.В. Левшин; сост. *Н.К. Ткачева*. М.: Наука, 1999. 246 с. (Научное наследство, т. 27) 12 .

Паллас П.-С. Предисловие издателя // Иоганн Антон Гильденштедт. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. С. 21–33.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи (Избранные главы). Уральск: Оптима, 2006. 269 с. (Сер. Уральская библиотека. Первоисточники)¹³.

 $^{^8}$ Перепечатка части первого русского издания «Путешествий» (т. 1, 1773) с описанием Нижней Волги.

⁹ Первая публикация на русском языке небольшого отрывка, посвящённого осетинам; перевод И.С. Зевакиной.

¹⁰ Первая публикация на русском языке отрывка, посвящённого адыгским (черкесским) и родственным им абазинским племенам; перевод Е.С. Зевакина со второго немецкого издания (Лейпциг, 1803, т. 1).

 $^{^{11}}$ Перепечатка в сокращённом виде отрывка путешествия по Сибири от Красноярска в Даурию (Паллас, 1788, с. 1-15 и 126-314).

¹² Публикация рукописи А.Л. Бертье-Делагарда, содержащей полный русский перевод совместно с С.Л. Белявской второго тома сочинения П.С. Палласа «Ветекипдеп ...» (немецкие издания 1801 и 1803 гг.), посвящённого описанию Крыма.

¹³ Перепечатка разделов преимущественно из 1-й, а также из 2-й (книга 1) и 3-й частей (книга 1 и 2) русского издания «Путешествия» П.С. Палласа (1773, 1786, 1788) с описанием тер-

Паллас П.С. Заметки о путешествии в южные наместничества Российской империи в 1793 и 1794 годах. Том первый (избранное): пер. с нем. Астрахань: Волга, 2008. 303 с. (Сер. Астраханская губернская библиотека) 14 .

*Pallas P.S. 2007. Flora Rossica, edita iussu et auspiis Augustissimae Rossorum Imperatricis Catharinae II Magnae, Plae, Felicis, Patriae Matris. Petropoli.

Работы о жизни и творчестве П.С. Палласа

Абайдулова А.Г. О некоторых рисунках академика К.Ф. Кнаппе, выявленных в ПФА РАН // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тез. XXIX Междунар. годич. конф. С.-Петерб. отдния Нац. ком. по ист. и филос. науки и тех. РАН (24—28 ноября 2008 г.). Вып. XXIV / Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; под ред. Э.И. Колчинского; ред.-сост. Б.И. Иванов. СПб., 2008. С. 74.

Аггеенко В.[Н.] Флора Крыма. Том 1: Ботанико-географический очерк Таврического полуострова (отчет С.-Петербургскому Обществу Естествоиспытателей и Крымскому Комитету) // Труды С.-Петербургского общества естествоиспытателей. 1890. Т. 21. Отделение ботаники. С. 1–130 (дис. ... магистра ботан.).

Александровская О.А. Становление географической науки в России в XVIII веке. М.: Наука, 1989. 232 с.

Алексеева П.Э., Ланцанова Л.Ю. (составители). Ученые — исследователи Калмыкии (XVII — начало XX вв.). Биобиблиографический указатель. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 253 с.

Алимов А.Ф., Пугачев О.Н., Слепкова Н.В. Первые этапы формирования зоологической коллекции в России и П.С. Паллас // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тез. XXVII годич. конф. С.-Петерб. отд-ния Нац. ком. по ист. и филос. науки и тех. РАН (21—24 ноября 2006 г.). Вып. XXII // Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; под ред. Э.И. Колчинского. СПб., 2006. С. 30—36.

Алимов А.Ф., Танасийчук В.Н., Степаньянц С.Д. Разнообразие мировой фауны в коллекциях Зоологического института РАН // Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга / сост. Ю.А. Петросян и Е.А. Иванова. СПб.: Наука, 2003. С. 237—298 (300 лет Санкт-Петербургу).

Ананьева Н.Б., Мунхбаяр Х., Орлов Н.Л., Орлова В.Ф., Семенов Д.В., Тэрбиш Х. Земноводные и пресмыкающиеся Монголии. Пресмыкающиеся. М.: КМК Лтд., 1997. 416 с. (Сер. Позвоночные животные Монголии).

Ананьева Н.[Б.], Сиделева В.[Г.] Восточная Сибирь 230 лет спустя // National Geographic. M. 2004. Июнь. C. 30–35.

Андреев А.И. Топографические описания и карты сибирских наместничеств 1783—1794 гг. и работы, связанные с ними // Вопросы географии. Сборник семнадцатый. 1950. История географических знаний / под ред. Н.Н. Баранского и В.К. Яцунского. М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1950. С. 203—212.

Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: изд-во Санкт-Петербургского ун-та и изд-во А. Терентьева «Нартанг», 2006. 464 с.

Андреев А.И. Русские путешественники в Ладаке (конец XVIII — начало XX века) // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. Третьи Доржиевские чте-

ритории части Самарской и Оренбургской областей, но главным образом западного Казахстана до Каспия. Включено описание местных животных из Прибавления (Паллас, 1786, ч. 2, кн. 2), а также двух рапортов в Академию наук (№ 14 и 16, 1769) из «Научного наследия П.С. Палласа» (см.: Осипов, 1993).

¹⁴ Публикация русского перевода Е.С. Ивановой первого тома «Bemerkungen ...» (Pallas, 1799, S. 64—298), посвящённого описанию Нижнего Поволжья.

ния. Материалы конференции (Улан-Удэ — Иволгинсий дацан — Алханай 8—10 июля 2008 г.) / под ред. *А.О. Бороноева*. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 243—256.

[Аноним]. Памятник Палласу // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1853. Ч. 79. С. 93—94 (Отд-ние VII. Новости и смесь).

[Аноним]¹⁵ [О биографии П.С. Палласа, написанной В. Маракуевым] // С.-Петербургские ведомости. 1877. 23 апреля (5 мая). № 111. С. 3 (Разд. Хроника).

[Аноним]. Паллас (Пётр-Симон) // Энциклопедический словарь. Том 22а. Оуэн — Патент о поединках. СПб.: изд. Ф.А. Брокгауз — И.А. Ефрон, 1897. С. 641—642.

[Аноним]. Паллас, Пётр Симон (1741—1811) // Большая советская энциклопедия. [Том] 31. Олонхо — Панино. 2-е изд. / под ред. Б.А. Введенского. [М.]: Большая советская энциклопедия, 1955. С. 612.

[Аноним]. Палласиты // Там же. С. 612.

[Аноним]. Палласовка // Там же. С. 612.

[Аноним]. Паллас Пётр Симон // Биографический словарь деятелей естествознания и техники. [Том] 2. М—Я / под ред. А.А. Зворыкина. М.: Большая советская энциклопедия, 1959. С. 105.

[Аноним]. Паллас Пётр Симон // Большая советская энциклопедия. [Том] 19. Отоми — Пластырь. 3-е изд. / под ред. А.М. Прохорова. [М.]: Советская энциклопедия, 1975. С. 122.

[Аноним]. Палласиты // Там же. С. 122.

[Аноним]. Палласовка // Там же. С. 122.

[Аноним]. Паллас Пётр Симон (1741—1811) // Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 971.

[Аноним]. Паллас Пётр Симон // Украинский советский энциклопедический словарь. Том 2. Каптаж—Протерогиния / под ред. А.В. Кудрицкого. Киев: Главная редакция Украинской советской энциклопедии им. М.П. Бажана, 1988. С. 618 (Украинский советский энциклопедический словарь в трёх томах).

[Аноним]. Метеориты // Энциклопедический словарь. Том 37. Мекенен — Мифу-Баня. Репринт. воспроизвед. изд. Φ .А. Брокгауз — И.А. Ефрон 1890 г. [Ярославль]: Терра — Тегга, 1991. С. 168—171.

[Аноним]. Паллас (Пётр-Симон) // Энциклопедический словарь. Том 44. Оуэн — Патент о поединках. Репринт. воспроизвед. изд. Ф.А. Брокгауз — И.А. Ефрон 1890 г. [Ярославль]: Терра — Тегга, 1992. С. 641—642.

[Аноним]. Паллас (Pallas) Пётр-Симон (1741—1811) // Всемирный биографический энциклопедический словарь / под ред. А.П. Горкина. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 572.

[Аноним]. Паллас (Pallas) Пётр Симон (1741—1811) // Российский энциклопедический словарь. Книга 2. Н—Я / под ред. А.М. Прохорова. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. С. 1134.

[Аноним]. Паллас Петр Симон (1741—1811) // Российский гуманитарный энциклопедический словарь в трех томах. [Т.] II. $3-\Pi$ / под ред. П.А. Клубкова. М.; СПб.: Гуманитар. изд. центр «Владос» и филол. ф-т С.-Петерб. гос. ун-та, 2002. С. 672.

[Аноним]. Паллас Пётр Симон. (1741—1811) // Первый биографический БЭС Ripol-Norint / под ред. С.М. Снарской. М.; СПб.: Риполт-Норинт, 2007. С. 772.

[Аноним]. Палласовка // Энциклопедия Волгоградской области. Под ред. О.В. Иншакова. Волгоград: «Издатель», 2007. С. 248.

[Аноним]. Палласовка // Энциклопедия Волгоградской области. 2-е издание, дополненное и исправленное. Под ред. О.В. Иншакова. Волгоград: «Издатель», 2009. С.. 206.

Ансберг О.Н. Паллас (Pallas) Петр Симон // Санкт-Петербург. Энциклопедия. СПб.—М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 637.

Арнольди Л.В., Штейнберг Д.М. Общегеографическая характеристика районов среднего и нижнего течения р. Урала // Труды Зоологического института Академии наук СССР. М.; Л. 1952. Т. 11. С. 17—43 (Сборник работ по зоологическим проблемам полезащитного лесоразведения, I).

 $^{^{15}}$ Согласно Ф.П. Кёппену (Коерреп, 1907, S. 170), автором этой краткой газетной рецензии был Н. Вакуловский.

Архипова Н. Петр Симон Паллас — ученый и путешественник // Наука Урала. Екатеринбург. 2001. Декабрь. № 29—30 (797—798). С. 13 и 15 (К 260-летию П.С. Палласа).

Астрадамов В.И., Касаткин С.П., Кузнецов В.А., Потапов С.К., Ручин А.Б., Силаева Т.Б. Материалы к кадастру земноводных и пресмыкающихся Республики Мордовия // Материалы к кадастру амфибий и рептилий бассейна Средней Волги / под ред. М.В. Пестова. Нижний Новгород: Экол. центр «Дронт», 2002. С. 167—185.

Бабий Т.П., Коханова Л.Л., Костюк Г.Г., Задорожный А.Г., Матвеенко С.А., Погребняк Л.П., Теплицкая Е.В., Труханов В.А. Биологи. Биографический справочник. Киев: Наукова думка, 1984. 815 с.

Бадина Л.А. Предпосылки для возникновения русской геоботаники // 2004. Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция / под ред. *В.М. Орла.* М.: Диполь, 2004. С. 440—443.

Бакиев А.Г. Вряд ли щитомордник *Gloydius halys* обитает сейчас в Волжском бассейне // Проблемы и стратегия сохранения аридных экосистем Российской Федерации. Сб. науч. ст. / под ред. *А.Н. Бармина*. Ахтубинск: Гос. природ. заповед. «Богдинско-Баскунчакский», 2007. С. 68—70.

Бакиев А.Г., Гаранин В.И., Литвинов Н.А., Павлов А.В., Ратников В.Ю. Змеи Волжско-Камского края. Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2004. 192 с.

Бакиев А.Г., Маленёв А.Л., Зайцева О.В., Шуршина И.В. Змеи Самарской области. Тольятти: Кассандра, 2009. 169 с.

Бакиев А.Г., Файзулин А.И. Материалы к кадастру земноводных и пресмыкающихся Самарской области // Материалы к кадастру амфибий и рептилий бассейна Средней Волги / под ред. *М.В. Пестова.* Нижний Новгород: Экол. центр «Дронт», 2002. С. 97—132.

Балашов Е.М., Иодко О.В., Прохоренко Н.С. Материалы по истории Санкт-Петербургского университета XVIII в. Обзор архивных документов. [СПб.]: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 243 с.

*Беисенова А.С. 2001. Исторические основы географических исследований Казахстана. Алматы.

Бекасова А.В. Изучение Российской империи экспедициями 1760—1780-х гг.: «взгляд» естествоиспытателей и формирование представлений о государственных богатствах // Историкобиологические исследования. СПб., 2010. Т. 2. № 4. С. 13—34.

Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М.: Морской транспорт, 1956. 592 с. (История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1).

Белявская С.Л., Бертье-Делагард А.Л. От переводчиков // Петр Симон Паллас. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах. М.: Наука, 1999. С. 15—18 (Научное наследство, т. 27).

Бёме К. Берлин — Штеттин — Санкт-Петербург. Берлинское общество любителей естествознания и его связи с учеными из Санкт-Петербурга в конце XVIII века // Русско-немецкие связи в биологии и медицине: опыт 300-летнего взаимодействия / под ред. Л.Я. Боркина и Э.И. Колчинского. СПб.: С.-Петерб. союз учёных, 2000. С. 22–32.

Бендер Н.А. Имена русских людей на карте мира. М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1948. 159 с. *Берг Л.С.* Рыбы бассейна Амура // Записки Императорской Академии наук по физикоматематическому отделению. СПб. VIII серия. 1909. Т. 24. № 9. С. I–VIII + 1–270.

Берг Л.С. Рыбы пресных вод Российской империи. М.: Изд-во Департамента земледелия, 1916. XXVII+563 c.

Берг Л.С. Открытие Камчатки и камчатские экспедиции Беринга. М.; Петроград: Гос. изд-во, 1924. 249 с.

Берг Л.С. Роль Академии Наук в истории географических открытий (XVIII век) // Природа. [Л.]. 1925. Год издания 14-й, № 7—9. Стлб. 143—160.

Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. 1725—1742. Л.: Изд-во Главсевмор-пути, 1935. 411 с.

Берг Л.С. Очерки по истории русских географических открытий. 2-е изд., испр. и доп. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 465 с.

Берг Л.[С.], Еллатьевский В.[С.], Игнатов П.[Г.] О соленых озерах Омского уезда. Предварительный отчет // Известия Императорского Русского географического общ-ва. СПб., 1899. Т. 35. Вып. 2. С. 179—200.

Бирмагамбетов А. П.С. Паллас — исследователь Казахстана // Географические науки. Темат. сб. науч. тр. проф.-препод. сост. высш. учеб. завед. КазССР / под ред. *А.А. Пузыревой*. Алма-Ата: Казахский гос. пед. ин-т им. Абая, 1969. С. 122-130.

Богданов М.Н. Обзор экспедиций и естественноисторических изследований в Арало-Каспийской области с 1720 по 1874 г. // Труды Арало-Каспийской экспед. 1875. СПб. Вып. 1. С. III—IV+1-53+[1-2] (Приложение к Трудам С.-Петербурского общества естествоиспытателей).

Богуцкая Н.Г., Игошина Т.И. Заметки о деятельности Николая Андреевича Бородина в области таксономии рыб // Николай Андреевич Бородин (1861—1937), ученый и общественный деятель России, Казахстана и США. Материалы международной научной конференции. г. Санкт-Петербург. Январь 2009 год. Уральск: Евразийский союз ученых, 2009. С. 6—45.

Бойко Н.В., Ткачева Н.К. Петр Симон Паллас на русском языке // Петр Симон Паллас. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах. М.: Наука, 1999. С. 7—14 (Научное наследство, т. 27; отв. ред. *Б.В. Левшин*; сост. *Н.К. Ткачева*).

Борисяк А.А. Геологический Музей Академии Наук в русской геологии // Природа. [Л.]. 1925. Год издания 14-й. № 7-9. Стлб. 45-66.

Борисяк А.А. Ж. Кювье и его научное значение // Кювье Ж. Рассуждение о переворотах на поверхности Земного шара / пер. с фр. *Д.Е. Жуковского*; ред. и вступ. ст. *А.А. Борисяка*. М.; Л.: Гос. изд-во биол. и мед. лит., 1937. С. 9–68.

Боркин Л.Я. Роль немцев в становлении и развитии герпетологии в России // Руссконемецкие связи в биологии и медицине: опыт 300-летнего взаимодействия / под ред. *Л.Я. Бор*кина и Э.И. Колчинского. СПб.: С.-Петерб. союз учёных, 2000. С. 82–104.

Боркин Л.Я. Академические «физические» экспедиции (1768—1775) и становление герпетологии в России // Русско-немецкие связи в биологии и медицине / под ред. 9.И. *Колчинского*. СПб.: Борей Арт, 2001. С. 21—45.

Боркин Л.Я. Краткий очерк развития герпетологии в России // Московские герпетологи / под ред. *О.Л. Россолимо* и *Е.А. Дунаева*. М.: КМК, 2003. С. 7–33.

Боркин Л.Я. Иоганн Георги и сведения о природе Японии в России XVIII века // Россия и Япония. Сб. науч. тр. / отв. ред. *В.П. Леонов*. СПб.: Б-ка РАН; Альфарет, 2007. С. 161–209.

Брандт Φ . Φ . І. Зоологический и Зоотомический музей. Статья академика Φ . Φ . Брандта // Очерк истории музеев Императорской Академии Наук. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1865. С. 1–35 (4 марта).

Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. [Без места]: Аст-Астрель, 2004. 687 с. (*то же*, 2005).

Бруберг Г. Шведско-российские научные связи в XVIII веке // Шведы на берегах Невы. Сб. ст. / сост. *А. Кобак, С.К. Эммрих, М. Мильчик, Б. Янгфельдт.* Стокгольм: Шведский институт, 1998. С. 251–259.

Брушко З.К., Дуйсебаева Т.Н. О развитии герпетологии в Казахстане // Герпетологические исследования в Казахстане и сопредельных странах / под ред. *Т.Н. Дуйсебаевой*. Алматы: Казахстан. ассоц. сохр. биоразнообр. и Союз охр. птиц Казахстана, 2010. С. 13–36.

Буровский А.М. Экспедиции Петербургской Академии Наук в XVIII веке — организация науки и столкновение культур // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тез. XXVII годич. конф. С.-Петерб. отд-ния Нац. ком. по ист. и филос. науки и тех. РАН (21—24 ноября 2006 г.). Вып. XXII // Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; под ред. *Э.И. Колчинского*. СПб., 2006. С. 84—85.

Бурштейн Е.Ф. Шангины — исследователи Южной Сибири и Казахских степей. М.: Наука, 2003. 230 с. (Сер.: Научно-биографическая литература).

Бэр К.М. Отчет о действиях Каспийской экспедиции в 1853 году // Вестник Императорского Русского географического общества. Спб. 1854. Ч. 10. Кн. 1. Отд. V. С. 1-19.

Вагнер Б.Б. Паллас Пётр Симон // Горная энциклопедия в пяти томах. Т. 4. Ортин — Социосфера / под ред. Е.А. Козловского. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 53.

Вендланд Ф. Петер Симон Паллас и русско-немецкие научные связи // Немцы в России. Проблемы культурного взаимодействия / под ред. Л.В. Славгородской. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 100-105.

Верещагин Н.К., Громов И.М. К истории фауны позвоночных района нижнего течения реки Урал // Труды Зоолологического института [АН СССР]. М.; Л. 1952. Т. 9. Вып. 4. С. 1226—1269. Вернадский В.И. Живое вещество. М.: Наука, 1978. [2]+358 с.

Вернадский В.И. Труды по истории науки. М.: Наука, 2002. 501 с. (Б-ка тр. акад. В. И. Вернадского).

Виленский Д.Г. История почвоведения в России. М.: Советская наука, 1958. 239 с.

Виноградов А.В. К 250-летию со дня рождения П.С. Палласа // Самарская Лука. Бюллетень № 1-91. Самара. [1993] «1991» ¹⁶. С. 174—177.

Власова О. Гейслер (Geissler) Христиан Готфрид Генрих // Немцы России. Энциклопедия. Том 1 (А–И) / под ред. *В. Карева*. М.: ЭРН, 1999. С. 497–498.

Внуков Н.[А.] Великие путешественники. Биографический словарь. СПб.: Азбука, 2000. 734 с. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII— начале XX века. М.: Наука, 1974. 275 с.

Волкова O, \mathcal{J} . Ботанические путешествия века Екатерины II как источник развития естествознания в России // Из века Екатерины Великой: путешествия и путешественники. Материалы XIII Царскосельской научной конференции. СПб.: Гос. музей-заповедник «Царское село», 2007. С. 92—103.

Воробьева И.А., Малолетко А.М., Розен М.Ф. Историческая картография и топонимия Алтая. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1980. 122 с.

Воробьева Э.И., Даревский И.С., Мунхбаяр X. Глава первая. История герпетологических исследований // Земноводные и пресмыкающиеся МНР. Общие вопросы / под ред. Э.И. Воробьевой и И.С. Даревского. М.: Наука, 1988. С. 7—15.

Воронцов Н.Н. Развитие эволюционных идей в биологии. М.: Прогресс-Традиция; АБФ, 1999. $640 \mathrm{~c.}$

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Нов. лит. обозр., 2003. 549 с.

Галкин А.К., Пугачев О.Н. Из истории изучения паразитических червей в Российской академии наук // Паразитология. СПб., 2001. Т. 35. Вып. 5. Сентябрь—октябрь. С. 467-472.

Гаранин В.И. Земноводные и пресмыкающиеся Волжско-Камского края. М.: Наука, 1983. 175 с.

Гаранин В.И., Егоров И.Я., Рябова Г.А. Животный мир Восточного Закамья (позвоночные). Альметьевск, 2000. 237 с.

Гацунаев Н.К. Географы и путешественники. Краткий биографический словарь. М.: Риполклассик, 2001. 573 с.

Гёбель А.Ф. III. Минералогический музей. Статья хранителя сего музея, ад. Фр. Гебеля // Очерк истории музеев Императорской Академии Наук. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1865. С. 58–75 (4 марта).

Гёбель А. О массе палласова железа // Горный журнал. СПб. Ч. IV. 1866. № 11. С. 232—236 и № 12. С. 475—493.

Гельмерсен Г., Якоби М., Фритче Ю., Кокшаров Н. О разрезе палласова железа // Горный журнал. СПб. Ч. IV. № 11. 1866. С. 221—231.

Гельтман Д.В., Камелин Р.В., Сытин А.К. Хранилище земных произрастений... // Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга / сост. *Ю.А. Петеросян и Е.А. Иванова*. СПб.: Наука, 2003. С. 190—204 (300 лет Санкт-Петербургу).

¹⁶ «Подписано в печать 14.05.93 г.» (с. 248).

Гоголь Н.В. [Конспект книги П. С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства в 1768—1773 гг.] 3 ч. СПб. 1773—1788 // Полное собрание сочинений. Том девятый. Наброски, конспекты, планы, записные книжки. [Л.]: Изд-во АН СССР, 1952. С. 277—414 и 641—644.

Гольденберг Л.А. Михаил Федорович Соймонов (1730—1804). М.: Наука, 1973. 192 с.

Гохнадель В.[И.] Иериг, Ериг (Jaehrig) Иоганн // Немцы России. Энциклопедия. Т. 1 (А—И) / под ред. *В. Карева*. Москва: ЭРН, 1999. С. 809.

Грошева О.А. Важнейшие экспедиции Академии наук XVIII века по изучению природных богатств Оренбургского края // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тез. XXIX междунар. годич. конф. С.-Петерб. отд-ния нац, ком, по ист. и филос. науки и тех. РАН (24—28 ноября 2008 г.). Вып. XXIV / / Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; под ред. Э.И. Колчинского; ред.-сост. Б.И. Иванов. СПб., 2008. С. 80—81.

Гуркин В.А. Паллас и Лепехин в Симбирской провинции // Вопросы истории естествознания и техники. М. 2006. Т. 27. № 3. Июль—август—сентябрь. С. 113—130.

Дарвин Ч. Путешествия натуралиста вокруг света / под ред. С.Л. Соболя. М.; Л.: Гос. изд-во биол. и мед. лит., 1935. 605 с. (Чарлз Дарвин. Сочинения, т. 1).

Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора / под ред. *А.Д. Некрасова*. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1939. 831 с. (Чарлз Дарвин. Сочинения, т. 3).

Дарвин Ч. Изменения домашних животных и культурных растений / под ред. Е.Н. Павловского. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1951. 883 с. (Чарлз Дарвин. Сочинения, т. 4).

Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор. Выражение эмоций у человека и животных / под ред. Е.Н. Павловского. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 1040 с. (Чарлз Дарвин. Сочинения, т. 5).

Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. Пер. с 6-го изд. (Лондон, 1872). СПб.: Наука, 1991. 539 с.

Даркшевич Я.Н., Кнорре Е.П., Лаченков С.Т. Бузулукский бор. [Чкалов]: Чкаловское изд-во, 1940. 58 с.

Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1989. 120 с.

Дорн Б.А. IV. Азиятский музей. Статья академика Б.А. Дорна // Очерк истории музеев Императорской Академии Наук. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1865. С. 76–86 (4 марта).

Дриссен Й. Почему на распродаже новой коллекции Альберта Себы в Амстердаме в 1752 г. были произведены закупки для Кунсткамеры Петербургской Академии наук // Сообщения Российско-Нидерландского научного общества. Вып. 1 / под ред. Г.В. Вилинбахова и Н.П. Копаневой. СПб.: Европейский Дом, 2003. С. 223—236.

Елина О.Ю. От царских садов до советских полей. История сельскохозяйственных опытных учреждений XVIII - 20-е годы XX в. В двух томах. М.: Ин-т ист. естествозн. и тех. им. С.И. Вавилова РАН. Т. 1. 2008. 479 с.

Еремеева А.И. История метеоритики. Истоки. Рождение. Становление. Дубна: Феникс, 2006. 896 с.

*Ермакова Т.В. Человек и мир в путевых записях академика Палласа // XX век: Человек в Эпохе. Эпоха в Человеке: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. 14-15 нояб. 2005 г. / под ред. И.Ю. Моисеевой. Сыктывкар, 2006. С. 173-177.

Ермакова Т.В. Сведения о буддизме калмыков XVIII в. в путевых записях академика П.С. Палласа // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. Вторые Доржиевские чтения. Материалы конференции Санкт-Петербург: 9—11 ноября 2006 г. / под ред. *А.О. Бороноева*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. С. 199—203.

Есаков В.А. Эволюция представлений о земной поверхности (XVII—XX вв.). М.: Ин-т ист. естествозн. и тех. им. С.И. Вавилова РАН и Москов. гос. ун-т, 2009. 100 с.

Есаков В.А., Мещеряков Ю.А. Геоморфология // Развитие физико-географических наук (XVII—XX вв.) / под ред. *И.М. Забелина*, *А.И. Соловьева и И.А. Федосеева*. М.: Наука, 1975. С. 21—78.

Зенкевич Л.А. Введение // Жизнь животных в 6 томах. Т. 1: Беспозвоночные / под ред. Л.А. Зенкевича. М.: Просвещение, 1968. С. 7–53.

Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и учёных XVIII века. [Иркутск]: Вост.-Сибир. кн. изд-во, 1968. 247 с.

Зольникова Ю.Ф. Изучение гидроминеральных ресурсов Северного Кавказа в XVIII в. // 2006. Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция / под ред. *А.В. Постникова*. М.: Анонс Медиа, 2006. С. 417—420.

Зоологический институт. 150 лет / ред.-сост. *К.Б. Юрьев*; ред. *С.Д. Степаньянц*. Л.: Наука, 1982. 243 с.

Иванов В.В. Из очерков по истории естественно-географических исследований Северного Прикаспия (до 50-х годов XIX века) // Материалы по флоре и растительности Северного Прикаспия. Выпуск 2, часть 1 / под ред. *В.В. Иванова*. Л.: Географическое об-во АН СССР (Западно-Казахстанский отдел), 1965. С. 1—36.

Иванов Д.В. Петр Симон Паллас — выдающийся ученый-путешественник эпохи Екатерины II и формирование первых буддийских коллекций в России // Из века Екатерины Великой: путешествия и путешественники. Материалы XIII Царскосельской научной конференции. СПб.: Гос. музей-заповедник «Царское село», 2007. С. 186—195.

Иванов Д.В. 2009. Формирование буддийских коллекций Кунсткамеры в XVIII веке // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. Третьи Доржиевские чтения. Материалы конференции Улан-Удэ — Иволгинсий дацан — Алханай 8—10 июля 2008 г. / под ред. *А.О. Бороноева*. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 194—201.

Иванов Е.Э. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк. С рисунками и планом раскопок // Известия Таврической ученой архивной коммиссии. Симферополь. 1912 (год двадцать шестой). № 46. С. [1-2] + I - VI + 1 - 376.

Иванова Е.С. От переводчика // Паллас П.С. Заметки о путешествии в южные наместничества Российской империи в 1793 и 1794 годах. Том первый (избранное): пер. с нем. Астрахань: Волга, 2008. С. 7—9 (Сер. Астраханская губернская библиотека).

Иванова М. По маршруту П.С. Палласа // Приуралье (газета). 2010. 10 июня. № 62 (23098). С. 8.

Игнатов Φ .[Φ .], *Телятов* K.[B.] Оренбург — Каспий. Очерк-путеводитель. Алма-Ата: «Казахстан», 1978. 135 с.

Исаченко А.Г. Общая и региональная физическая география // Развитие физико-географических наук (XVII—XX вв.) / под ред. *И.М. Забелина, А.И. Соловьева и И.А. Федосеева*. М.: Наука, 1975. С. 308—406.

История биологии с древнейших времен до начала XX века / под ред. *С.Р. Микулинского*. М.: Наука, 1972. 563 с.

История Русской Америки. 1732—1867. В трех томах. Том І: Основание Русской Америки. 1732—1799 / под ред. *Н. Н. Болховитинова*. М: Международные отношения, 1997. 479 с.

[К. Ив.] Ив. К. Памяти Палласа (8-го сент. 1811 г. — 8-го сент. 1911 г.) // Правительственный вестник (газета). СПб. 1911. 8 (21) сентября. № 194. С. 2—3.

Каллиников П., Корнеева И. (сост.). Русский биографический словарь в двадцати томах. Том 11: Н-П Набоков — Певцов. М.: Терра-Книжный клуб, 2001. 446 с.

[Калоев Б.А.] Введение // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII—XIX вв.) / сост. Б.А. Калоев. Орджоникидзе: Сев.-Осетин. кн. изд-во, 1967. С. 3–11.

Канаев И.И. Избранные работы по истории науки. Сборник статей. СПб.: Алетейя, 2000. 493 с. Карл Бэр и Петербургская академия наук. Письма деятелям Петербургской академии / сост., авт. вступ. ст., коммент. и пер. Т.А. Лукина. Л.: Наука, 1975. 247 с.

Карманова Е.С. К истории коллекции Азиатского музея: рукописи из монастыря Аблай-хит // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тез. XXVII годич. конф. С.-Петерб. отд-ния Нац. ком. по ист. и филос. науки и тех. РАН (21—24 ноября 2006 г.). Выпуск XXII / Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; под ред. Э.И. Колчинского. СПб., 2006. С. 88—89.

Кафанов А.И., Кудряшов В.А. Выдающиеся ученые-биогеографы. Биобиблиографический справочник. М.: Наука, 2007. 307 с.

Кеппен Ф.[П.] Паллас, Петр Симон // Русский биографический словарь. [Том] Павел, преподобный — Петр (Илейка) / издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова; под ред. *Н.П. Собко и Б.Л. Модзалевского*. М.: Аспент-Пресс, 1998. С. 153—162 (Репринт. изд. 1902).

Кесслер К.[Ф.] Животныя земноводныя // Труды Коммисии Высочайше учрежденной при Императорском Университете Св. Владимира для описания губерний Киевскаго учебнаго округа Подольской, Волынской, Киевской, Черниговской и Полтавской. Т. 2. Киев: Университет. тип., 1853. С. [1-2] + I - VIII + 1 - 94.

Кесслер К.[Ф.] Материалы для познания Онежского озера и Обонежского края, преимущественно в зоологическом отношении. Приложение к Трудам Первого съезда русских естествоиспытателей. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1868. [4]+144 с.

Кириченко Л.С. Очерки из истории ветеринарной гельминтологии дореволюционного периода. Петр Симон Паллас // Труды Всесоюзного института гельминтологии имени академика К.И. Скрябина. М. [1970] «1969» 17 . Т. 15. С. 147—151.

Колесникова М.Е. У истоков социогуманитарной традиции академического кавказоведения // 2004. Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция / под ред. *В.М. Орла*. М.: Диполь, 2004. С. 471–475.

Колесникова М.Е. У истоков отечественного кавказоведения: академические экспедиции на Северный Кавказ во второй половине XVIII — начале XIX в. // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. Год выпуска 31. № 1, январь—февраль—март. С. 55—62.

Колчинский Э.И. Паллас // Исторический лексикон. XVIII век / под ред. Е.Б. Этингофа. М.: Знание и Гуманитарный издательский центр Владос, 1996. С. 511–515.

Колчинский Э.И. Энциклопедист XVIII века // Выдающиеся отечественные биологи. Вып. 1 / Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Фонд интеллектуального сотрудничества, С.-Петерб. союз учёных; под ред. Э.И. Колчинского. СПб., 1996. С. 5—12.

Колчинский Э.И. Стеллериана в России / Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. СПб., 1997. 49 с.

Колчинский Э.И. Стеллериана в России // Немцы в России. Проблемы культурного взаимодействия / под ред. *Л.В. Славгородской*. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 106–116.

Колчинский Э.И. Немецкие ученые у истоков российской биологии // Немцы в России. Петербургские немцы / под ред. *Г.И. Смагиной*. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 52—65.

Колчинский Э.И. Креационизм и трансформизм в российской биологии в XIX веке // 2001. Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция. Под ред. *В.М. Орла*. М.: Диполь-Т, 2001. С. 294—296.

Колчинский Э.И. Паллас Петр Симон, Pallas // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия в трех томах. Том І. Осьмнадцатое столетие. Книга вторая. Н–Я / под ред. П.Е. Бухаркина. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2001. С. 85–86.

Колчинский Э.И. «Принцип основателя» и становление академической биологии // Руссконемецкие связи в биологии и медицине. Под ред. *Э.И. Колчинского*. СПб.: Борей Арт, 2001. С. 7–20.

Колчинский Э.И. Неокатастрофизм и селекционизм: вечная дилемма или возможность синтеза? (Историко-критические очерки). СПб.: Наука, 2002. 554 с.

Колчинский Э.И. Академия наук и становление естественной истории в России // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII — XX веках. Под ред. Ж.И. Алферова. СПб.: Наука, 2003. С. 83—116.

Колчинский Э.И. Паллас Петр Симон, Pallas // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия в трех томах. Том І. Осьмнадцатое столетие. Книга вторая. Н–Я. [2-е издание, исправленное] / под ред. *П.Е. Бухаркина*. СПб.—М.: Филологический факультет Санкт-Петербургского гос. ун-та и Изд. центр «Академия», 2003. С. 85–86.

¹⁷ «Подписано к печати 7.V.1970 г.».

Колчинский Э.И. У истоков трансформизма в российской биологии // Эволюционная биология: история и теория. Вып. 2 / Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; под ред. Э.И. Колчинского. СПб., 2003. С. 87—103.

Колчинский Э.И. Российская биология в XVIII веке // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тезисы XXVII годичной конференции Санкт-Петербургского отделения национального комитета по истории и философии науки и техники РАН (21—24 ноября 2006 г.). Вып. XXII / Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; под ред. Э.И. Колчинского. СПб., 2006. С. 44—46.

Колчинский Э.И. Становление науки в Санкт-Петербурге и экспедиции XVIII века // 2007. Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция / под ред. *А.В. Постникова*. М.: ИДЭЛ, 2008. С. 607–608.

Колчинский Э.И. Институализация геологии, минералогии и палеонтологии в Академии наук // 2008. Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция / под ред. *А.В. Постникова*. М.: ИДЭЛ, 2009. С. 549—553

Колчинский Э.И., Гоголев Д.А., Кох О.О., Рыкова В.В. Стеллериана в России. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Нестор-История, 2009. 77 с.

Колчинский Э.И., Петросян Ю.А. Академическая наука в Санкт-Петербурге и мировая культура // Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга / сост. *Ю.А. Петросян и Е.А. Иванова.* СПб.: Наука, 2003. С. 190—204 (300 лет Санкт-Петербургу).

Колчинский Э.И., Смагина Г.И. «Принцип основателя» и становление академической биологии // Журнал общей биологии. 1999. Т. 60. № 5. С. 469—487.

Колчинский Э.И., Сытин А.К. Паллас Петр Симон (Pallas Peter Simon) // Научный Санкт-Петербург. Биология в Санкт-Петербурге. 1703—2008. Энциклопедический словарь / сост. Э.И. Колчинский и А.А. Федотова; под ред. Э.И. Колчинского. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 369—370.

Колчинский Э.И., Сытин А.К., Смагина Г.И. Естественная история в России (Очерки развития естествознания в России в XVIII веке). СПб.: Нестор-История, 2004. 241 с.

Крапошина Н.В., Тункина И.В., Шурухина А.В. (составители). Фонды и коллекции Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук. Краткий справочник. СПб.: Нестор-История, 2004. 375 с.

[Кремер В.] 300 путешественников и исследователей. Биографический словарь. М.: Мысль, 1966. 271 с.

Крылов Г.В., Завалишин В.В., Козакова Н.Ф. Исследователи природы Западной Сибири. [Новосибирск]: Новосибир. кн. изд-во, 1988. 351 с.

Крымгольц Г.Я., Крымгольц Н.Г. Имена отечественных геологов в палеонтологических названиях // Ежегодник Всесоюзного палеонтологического общества. Т. 33. Л.: Наука, 1990. С. 236–255.

Кудрявцев Ф.А. Из истории изучения Забайкалья (Материалы об экспедиции академиков Палласа и Георги) // Архив истории науки и техники. Вып. 5 / под ред. *А.М., Деборина*. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1935. С. 567-577 (Труды Института истории науки и техники АН СССР, сер. 1).

Кузьмичев А.И., Шевера М.В. [Рец.] А.К. Сытин. Петр Симон Паллас — ботаник. М.: КМК Ltd., 1997. 338 с. // Ботанический журнал. 2000. Т. 85. № 1. С. 157—159.

Кузякин А.П., Второв П.П. Отряд Насекомоядные (Insectovora) // Жизнь животных в 6 томах. Том 6. Млекопитающие, или звери / под ред. *С.П. Наумова* и *А.П. Кузякина*. М.: Просвещение, 1971. С. 68-97.

Кулябко Е.С. Студенческие годы академика Василия Зуева (По неопубликованным материалам Архива Академии наук СССР) // Труды Института истории естествознания и техники. Академия наук СССР. Том 16. История биологических наук. Вып. 3. М.—Л. 1957. С. 49–60.

Куприянов А.Н. Арабески ботаники. Кемерово: Мастерская АЗ, 2003. 255 с.

Кювье Ж. Похвальное слово Петру Симону Палласу, произнесенное Жоржем Кювье, 5 января 1913 г. // Вестник естественных наук, издаваемый Императорским Московским обществом испытателей природы. 1860. № 33 (4 сентября). Столб. 1021—1044.

Кювье Ж. Рассуждение о переворотах на поверхности Земного шара / пер. с фр. *Д.Е. Жуковского*; ред. и вступ. ст. *А.А. Борисяка*. М.; Л.: Гос. изд-во биол. и мед. лит., 1937. 368 с.

Лаверов Н.П. Предисловие // Петр Симон Паллас. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах. М.: Наука, 1999. С. 5—6 (Научное наследство, т. 27).

Лашков Ф.[Ф.] Исторический очерк Крымско-татарского землевладения. (Продолжение) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1896. № 25 (год десятый). С. 29—88.

Лашков Ф.[Φ .] Сборник документов по истории Крымско-татарского землевладения. (Продолжение) // Известия Таврической ученой архивной коммиссии. Симферополь, 1896. № 25 (год десятый). С. 89-158.

Лашков Φ . Φ . Сборник документов по истории Крымско-татарского землевладения. (Окончание) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1897. № 26 (год одиннадцатый). С. 24—154

Лебедев Д.М. Очерки по истории географии в России XVIII в. (1725—1800 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1957. 273 с.

Левин В.Л. Зоология в русских журналах XVIII в. // Труды Института истории естествознания и техники. Академия наук СССР. Том 16. История биологических наук. Вып. 3. М.—Л. 1957. С. 201–238.

Левшин Б.В., Малькевич Б.А., Корявов П.Н. (сост.) Академия наук СССР. Персональный состав. 1724—1917. Книга 1. 1724—1917. М.: Наука, 1974. 479 с.

Летопись Российской Академии наук. Том І. 1724—1802 / под ред. H.И. Невской. СПб.: Наука, 2000. 994 с.

Летопись Российской академии наук. Том II. 1803-1860 / под ред. $M.\Phi$. Xартанович. СПб.: Наука, 2002. 621 с.

Лимонов Ю.[А.] Россия в западноевропейских сочинениях XVIII в. // Россия XVIII в. глазами иностранцев. [Л.]: Лениздат, 1989. С. 3–16 (Б-ка «Страницы истории отечества»).

Литвинчук С.Н., Боркин Л.Я. Эволюция, систематика и распространение гребенчатых тритонов (*Triturus cristatus* complex) на территории России и сопредельных стран. СПб.: Европейский дом, 2009. 590 с., 24 с. цв. вклейки.

Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина. Очерки по истории биологии. Том II. М.: Учпедгиз, 1960. 438 с.

Любарский Г.Б. История Зоологического музея МГУ. Идеи, люди, структуры. М.: КМК, 2009. 744 с.

Магидович В.[И.], Магидович И.[П.] Географические открытия и исследования XVII—XVIII веков. М.: Центрполиграф, 2004. 495 с.

Магидович И.П. Очерки по истории географических открытий. М.: Просвещение, 1967. 714 с. Магидович И.[П.], Магидович В.[И.] Очерки по истории географических открытий. III. Географические открытия и исследования Нового времени (середина XVII—XVIII в.). 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1984. 319 с. (Очерки по истории географических открытий, изд. в 5 т.).

Макарова Р.В. Экспедиции русских промышленных людей в Тихом океане в XVIII веке // Вопросы географии. Сборник семнадцатый. 1950. История географических знаний / под ред. Н.Н. Баранского и В.К. Яцунского. М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1950. С. 23–42.

Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М.: Наука (Главная редакция восточной литературы), 1968. 200 с.

Мандельштам О.[9.] Записные книжки. Заметки // Вопросы литературы. 1968. Т. 12. № 4, апрель. С. $180-204^{18}$.

Мандельштам О.[Э.] Стихотворения. Переводы. Очерки. Статьи. 2-е изд. Тбилиси: Мерани, 1990. 415 с.

Мандельштам О.[Э.] Собрание сочинений в четырёх томах. Том 3: Стихи и проза 1930—1937. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1994. 527с.

 $^{^{18}}$ Вступительная заметка и подготовка текста раздела «Записные книжки 1931—1932» И.[М.] Семенко.

Маракуев В. Петр Симон Паллас // Природа. Популярный естественно-исторический сборник. М.: типография А. Торлецкого и K° . 1877. Год пятый. Кн. 1. С. 1—34.

Маркевич А.П. Развитие паразитологии в Академии наук СССР (К 250-летию Академии наук СССР) // Вестник зоологии. 1974. № 6, ноябрь—декабрь. С. 3—11.

Марков Е.[Л.] Очерки Крыма. Картины крымской жизни, истории и природы. СПб.: тип. К.Н. Плотникова, 1872. [8]+508 с.

Марков Е.[Л.] Очерки Крыма. Картины крымской жизни, истории и природы. 2-е изд. СПб.; М.: т-во М.О. Вольф, 1884. [6]+VIII+593+III с.

Марков Е.[Л.] Очерки Крыма. Картины крымской жизни, истории и природы. Симферополь: Таврия, 1995. 543 с. (переиздание 3-го издания 1902 г.).

Марков Е.[Л.] Очерки Крыма. Киев: Стилос, 2006. 511 с. (переиздание 3-го издания 1902 г.).

Массальская К.П. Э.Ф. Хладный — основоположник научной метеоритики (К 125-летию со дня смерти) // Метеоритика. Сборник статей под редакцией В.Г. Фесенкова. Выпуск XI. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 33-46.

Массальская К.П. Палласово железо. Возникновение научной метеоритики // Природа. 1955. Т. 44. № 9. С. 78-82.

Матвиевская Г.П. Академические экспедиции XVIII века и Оренбургский край // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тез. XXIX Междунар. годич. конф. С.-Петерб. отд-ния Нац. ком. по ист. и филос. науки и тех. РАН (24—28 ноября 2008 г.). Вып. XXIV / Рос. акад. наук, Интистории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; под ред. *Э.И. Колчинского*; ред.-сост. *Б.И. Иванов*. СПб., 2008. С. 49—52.

Мелуа А.И. Геологи и горные инженеры. Нефтяники. В трех томах. Под редакцией академика Н.П. Лаверова. Том 2. Геологи и горные инженеры. М–Я. М.—СПб.: Гуманистика, 2003. С. [4]+569—1180 (Биографическая международная энциклопедия «Гуманистика»).

Мечников И.И. Очерк вопроса о происхождении видов. I–IV // Вестник Европы. Журнал истории — политики — литературы. СПб., 1876. Т. 58. Год 11. Т. II. Кн. 3, март. С. 68-134.

Мечников И.И. О дарвинизме: сб. ст. / под ред. В.Л. Комарова и Р.И. Белкина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1943. 243 с. (Науч.-популяр. б-ка).

Мечников И.И. Избранные биологические произведения / ред., вступ. ст. и примеч. *В.А. Догеля* и *А.Е. Гайсиновича*. [М.]: Изд-во АН СССР, 1950. 797 с. (Классики науки).

Мечников И.И. Избранные произведения / под ред., со вступ. ст. и коммент. *А.Е. Гайсиновича*. М.: Учпедгиз, 1956. 416 с.

Мечников И.И. Избранные работы по дарвинизму / вступ. ст. и примеч. *Р.И. Белкина*. [М.]: Изд-во Моск. ун-та, 1958. 387 с.

Мильков Ф.Н. Естествоиспытатели Оренбургского края. [Оренбург]: ОГИЗ — Чкаловское изд-во, 1948. 59 с.

Моисеева Т.М. Кунсткамера и Екатерина II // Международная конференция «Екатерина Великая: эпоха российской истории» в память 200-летия со дня смерти Екатерины II (1729—1796), к 275-летию Академии наук. Санкт-Петербург, 26—29 августа 1996 г. Тез. докл. / под ред. T.B. Артемьевой и М.И. Микешина. СПб., 1996. С. 261—264.

Моников С.Н. Золотое озеро. Историко-географические очерки. [2-е изд., испр.]. Волгоград: Издатель, 2001. 142 с.

Моников С.Н. Золотое озеро. Историко-географические очерки. [3-е изд., испр.]. Волгоград: Издатель, 2003. 143 с.

*Моников С.Н. Геологические изыскания Палласа в Поволжье // Недра Поволжья и Прикаспия. 2007. Вып. 49. С. 68—76.

Моников С.Н. История географических исследований Волго-Донского поречья во второй половине XVIII— начале XX в. Автореф. дис. ... канд. географ. наук. М.: Ин-т ист.естествозн. и тех. им. С. И. Вавилова РАН, 2007. 28 с.

[Моников С.Н.] Паллас Петр Симон // Энциклопедия Волгоградской области / под ред. О.В. Иншакова. Волгоград: «Издатель», 2007. С. 247—248.

[Моников С.Н.] Паллас Петр Симон // Энциклопедия Волгоградской области. 2-е издание, дополненное и исправленное / под ред. О.В. Иншакова. Волгоград: «Издатель», 2009. С. 206.

 $\it Hasapos\,A.\Gamma.,\, \it Цуцкин\,E.B.$ Карл Максимович Бэр. 1792—1876. М.: Hayka, 2008. 539 с. (Hayч.-биограф. лит.).

Наумов Г.В. Биогеография // Развитие физико-географических наук (XVII—XX вв.) / под ред. *И.М. Забелина*, *А.И. Соловьева и И.А. Федосеева*. М.: Наука, 1975. С. 275—307.

Наумов Д.В., Пастернак Ф.А. Тип Кишечнополостные (Coelenterata) // Жизнь животных: в 6 т. Т 1: Беспозвоночные / под ред. *Л.А. Зенкевича*. М.: Просвещение, 1968. С. 223—326.

Наумов С.П., Смирнов Н.А. Материалы по систематике и географическому распространению Phocidae северной части Тихого океана // Морские млекопитающие Дальнего Востока: сырьевая база и промышленное использование / под ред. С.В. Дорофеева и С.Ю. Фреймана. М., 1936. С. 161—187 (Тр. Всесоюз. науч.-исслед. ин-та рыб. хоз-ва и океаногр. (ВНИРО), т. 3).

Новиков П.А. Зоологический отдел Петербургской Кунсткамеры в его историческом развитии // Труды Института истории естествознания и техники. Академия наук СССР. Том 14. История биологических наук. Вып. 2. М. 1957. С. 302—352.

Огнев С.И. Зоология позвоночных. 4-е изд., доп. и перераб. М.: Советская наука, 1945. 519 с.

Орловский Н.В. Путешествие П.С. Палласа по Самарскому краю // Самарская Лука. Бюллетень № 1-91. Самара. [1993] «1991» 19 . С. 177—182.

Отчет о состоянии Таврической Ученой Архивной Коммиссии за 1910 год // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1912 (год двадцать шестой). № 47. С. 1—7.

Павлинов И.Я. Освоение систематикой эволюционной идеи в XIX столетии // Эволюция и систематика: Ламарк и Дарвин в современных исследованиях / под ред. А.В. Свиридова и А.И. Шаталкина. М.: КМК, 2009. С. 67–116.

Павлинов И.Я., Любарский Г.Ю. Биологическая систематика: эволюция идей. М.: КМК, 2011. 667 с.

Павлова Г.Е. Протоколы заседаний Конференции Санкт-Петербургской академии наук (1725—1803) как источник по науке и технике // Архив истории науки и техники. [Вып.] 2 / под ред. Е.А. Беляева, С.С. Илизарова и И.С. Тимофеева. М.: Наука, 1997. С. 203—216.

Петренко А.З. Краткий обзор литературных данных о пойменных лесах среднего течения р. Урал // Материалы по флоре и растительности Северного Прикаспия / под ред. *В.В. Иванова*. Л.: Географическое об-во АН СССР (Западно-Казахстанский отдел), 1964. С. 44—55.

Пинчук В.И. Систематика бычков родов Gobius Linné (отечественные виды), Neogobius Iljin и Mesogobius Bleeker // Вопросы ихтиологии. М. 1976. Т. 16. Вып. 4 (99). С. 600—609.

Платен М. фон. Санкт-Петербург глазами шведских путешественников XVIII века // Шведы на берегах Невы. Сборник статей / сост. А. Кобак, С.К. Эммрих, М. Мильчик, Б. Янгфельдт. Стокгольм: Шведский институт, 1998. С. 75–85.

[Плешков В.Н.] Российская наука и промышленность в «Дневниках» Джона К. Адамса. 1809—1814 гг. / вступ. ст., публ., пер. и коммент. В.Н. Плешкова // Русская наука в биографических очерках / сост. Т.В. Андреева, М.Ф. Хартанович; под ред. Э.И. Колчинского и И.П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 325—340.

Плисецкий М.С. Как не следует освещать историю биологии // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Новая серия. 125-й г. изд. 1954. Отд. биол. Т. 59. Вып. 2, март—апрель. С. 91—96.

Поляков И.М. Курс дарвинизма. Часть первая. М.: Учпедгиз, 1941. 408 с.

Полярная Ж.А., Оболонская Э.В. Коллекция метеоритов Горного музея Санкт-Петербургского Горного института // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тез. XXVII годич. конф. С.-Петерб. отд-ния Нац. ком. по ист. и филос. науки и тех. РАН (21—24 ноября 2006 г.). Вып. XXII /

¹⁹ «Подписано в печать 14.05.93 г.» (с. 248).

Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; под ред. 9.И. Колчинского. СПб., 2006. С. 140—142.

Полярная Ж.А., Оболонская Э.В. Вклад питомцев и ученых Горного института в развитие метеоритики в России и формирование коллекции метеоритов Горного музея в XIX столетии // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тез. XXX Междунар. годич. конф. С.-Петерб. отдния Нац. ком. по ист. и филос. науки и тех. РАН (23—27 ноября 2009 г.). Вып. XXV / Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; под ред. Э.И. Колчинского; ред.-сост. Б.И. Иванов. СПб., 2009. С. 218—223.

Потапов Р.Л. Зоологический музей — Зоологический институт Российской академии наук 170 лет // Фундаментальные зоологические исследования. Теория и методы. По материалам Международной конференции «Юбилейные чтения, посвященные 170-летию Зоологического института РАН», проходившей 23—25 октября 2002 г. / под ред. С.Д. Степаньянц. М.—СПб.: товарищество научных изданий КМК, 2004. С. 250—272.

Потоцкий Я. Страницы из Кавказского дневника (публикация *Е.Л. Сосниной*) // Сборник Русского исторического общества. № 2 (150) / под ред. *О.М. Рапова*. М.: Русская панорама, 2000. С. 39—45.

Пронштейн А.П. Паллас, Петр Симон // Советская историческая энциклопедия. [Том] 10. Нахимсон—Пергам / под ред. *Е.М. Жукова*. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 759.

Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1912 (год двадцать шестой). № 47. С. 8—64.

Пугачев О.Н., Слепкова Н.В, Тихонов А.Н. Многолетние усилия Академии наук по изучению мамонтовой фауны. Роль академических экспедиций XVIII—XIX вв. // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тез. XXIX Междунар. годич. конф. С.-Петерб. отд-ния Нац. ком. по ист. и филос. науки и тех. РАН (24—28 ноября 2008 г.). Вып. XXIV / Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; под ред. Э.И. Колчинского; ред.-сост. Б.И. Иванов. СПб., 2008. С. 34—39.

Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. 1: Общий обзор изучения народности и этнография великорусская. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1890. VIII+424 с.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука (Главная редакция восточной литературы), 1989. 750 с. (Этнографическая б-ка)

Райков Б.Е. Естественно-историческое образование в XVIII веке // Просвещение. Педагогический сборник № 2. Петроград: Гос. изд-во, 1922. С. 84-116.

Рахилин В.К. Охрана природы — составная часть комплексного исследования природы П.С. Палласом // 2001. Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция / под ред. *В.М. Орла*. М.: Диполь-Т, 2001. С. 390—392.

Риммер К. Землеведение Азии Карла Риттера. География стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею, т. е. Китайской империи, независимой Татарии, Персии и Сибири, переведена по поручению Императорского Русского Географического Общества с дополнениями, служащими продолжением Риттерова труда для материалов, обнародованных с 1832 года, и составленными П. Семеновым, действ. чл. Императорского Русск. Геогр. Общества. Том 1. Общее введение и Восточная окрайна Восточной Нагорной Азии, т.е. Маньчжурия на юг от южного изгиба Амура и монгольская окраина степи Гоби к Китаю от Желтого моря до меридиана города Хами к центральной Азии. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1856. XII+736 с.

Ритера К. Землеведение Азии Карла Риттера. География стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею, т. е. Китайской империи, независимой Татарии, Персии и Сибири, переведена по поручению Императорского Русского Географического Общества с дополнениями, служащими продолжением Риттерова труда на основании материалов, обнародованных с 1832 года, и составленными П. Семеновым, действ. чл. Императорского Русск. Геогр. Общества. Том II. Горная система Небесного хребта (Тянь-Шаня). — Пространство между Тянь-Шанем и Алтаем (Китайская и Русская Джунгария). — Алтайская система с китайской стороны. — История открытия и заселения Южной Сибири (систем Алтая, Саяна и Кентея). СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1859. [6]+4+34+350 с.

Риттера. География стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею, т. е. Китайской империи, независимой Татарии, Персии и Сибири, переведена по поручению Императорского Русского Географического Общества с дополнениями, служащими продолжением Риттерова труда на основании материалов, обнародованных с 1832 года, и составленными П. Семеновым, действ. чл. Императорского Русск. Геогр. Общества. Том III. Алтайско-саянская горная система в пределах Русской Империи и по Китайской границе. СПб.: типография В. Безобразова и К°, 1860. [12]+IV+572 с.

Риттера. География стран, входящих в состав Азиатской России или пограничных с нею. Восточная Сибирь: озеро Байкал и Прибайкальские страны, Забайкалье и степь Гоби. Выпуск 1-й, текст Риттера. Переведен и издан по поручению Императорского Русского Географического Общества под руководством П. Семенова. [Том V]. СПб.: типография В. Безобразова и К°, 1879. [4]+VI+II +477 с.

Российская академия наук. Персональный состав. Книга 1. 1724—1917. Действительные члены, члены-корреспонденты, почетные члены, иностранные члены. М.: Наука, 1999. XII+563 с.

Рошевский Ю.К. Академические экспедиции по Самарской Луке в XVIII веке (Хронология) // Самарская Лука. Бюллетень № 1-91. Самара. [1993] «1991»²⁰. С. 4—22.

Рупрехт Φ . Φ . II. Очерк истории Ботанического музея. Статья академика Φ .И. Рупрехта // Очерк истории музеев Императорской Академии Наук. СПб.: в тип. Имп. Акад. наук, 1865. С. 36–57 (4 марта).

Русская тихоокеанская эпопея / сост. В.А. Дивин, К.Е. Черевко и Г.Н. Исаенко. Хабаровск, Хабаров. кн. изд-во, 1979. 608 с. (Дальневост. 6-ка).

Рябцев А.П. П.С. Паллас — жизнь во имя науки // Паллас П.С. Заметки о путешествии в южные наместничества Российской империи в 1793 и 1794 годах. Том первый (избранное): пер. с нем. Астрахань: Волга, 2008. С. 10-14 (Сер. Астрахан. губерн. б-ка).

Савинова Т.Н. Иоганн Иериг (?-1795) — корреспондент Петербургской академии наук // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее: сб. ст. / под ред. В.Ф. Дизендорфа и А.А. Семина; сост. В.В. Амелин. М.: Обществ. акад. наук рос. немцев, 1998. С. 51-58.

Саксонов С.В., Сытин А.К. Дорогами Палласа // Вестник Российской академии наук. 2000. Т. 70. № 6, июнь. С. 559—561.

Сачков С.А. Чешуекрылые, описанные П.С. Палласом из Самары и ее окрестностей // Самарская Лука. Бюллетень № 1-91. Самара. [1993] «1991». С. 108-110.

Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. 1701—1800. Том 2. H-R. / под ред. *А.И. Копанева*. Л.: Наука, 390 с.

Сегюр Л.- Φ . Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII в. глазами иностранцев. [Л.]: Лениздат, 1989. С. 313—456 (Б-ка «Страницы истории Отечества»).

Семенников В.П. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768—1783 г.г. Историко-литературное исследование. СПб., 99 с. [отдельное издание]. Сидоров В.В. Исследователи края башкирского. Век XVIII. Уфа: Китап, 1997. 270 с.

Скальковский А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1731—1823. Часть І. С 1731-го по 1796-й год. Составлено Аполлоном Скальковским, Коллежским Асессором, Кандидатом Прав, Членом Общества Сельского Хозяйства Южной России. Одесса: печатано в городской типографии, 1836. [4]+XI+[3]+289 с., табл.

Скальковский А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730—1823. Часть ІІ. С 1796-го по 1823-й год. Составлено Аполлоном Скальковским, Надворным Советником, Кандидатом Прав, Членом Общества Сельского Хозяйства Южной России. Одесса: печатано в городской типографии, 1838. [4] + IV + [4] + 350 с., карта.

Смагина Г.И. Вклад немецких ученых в создание научно-популярной литературы в России XVIII в. // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тез. XX годич. конф. С.-Петерб. отд-ния Рос. нац. ком. по ист. и филос. науки и тех. (22—25 ноября 1999 г.). Вып. XV / Рос. акад. наук,

²⁰ «Подписано в печать 14.05.93 г.» (с. 248).

Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; под ред. *Э.И. Колчинского*. СПб., 1999. С. 165–166.

Смагина Г.И. Первые ордена петербургских академиков // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. № 3. С. 131—138.

Смирнов Н.Г. Биология на Урале от В.Н. Татищева до наших дней.:Учебное пособие к курсу «История и методология биологии. Региональный аспект». Екатеринбург: Академкнига, 2006. 148 с.

Соколов В.Е. Систематика млекопитающих. Отряды: однопроходных, сумчатых, насекомоядных, шерстокрылов, рукокрылых, приматов, неполнозубых, ящеров. М.: Высшая школа, 1973. 430 с.

Соколов В.Е., Парнес Я.А. Петр Симон Паллас — основатель отечественной зоологии (К 175-летию издания "Zoographia Rosso-Asiatica") // Вопросы истории естествознания и техники. 1987. № 2. С. 118-127.

Соснина Е.Л. Исследователи-европейцы на Северном Кавказе в начале XVII — начале XIX вв. (О становлении научного кавказоведения) // Сборник Русского исторического общества. № 2 (150) / под ред. О.М. Рапова. М.: Русская панорама, 2000. С. 39—45.

Сухова Н.Г., Таммиксаар Э. Александр Федорович Миддендорф. 1815—1894. М.: Наука, 2005. 331 с.

Степанян Л.С. Палласова "Zoographia Rosso-Asiatica" и вопрос о номенклатурном статусе некоторых имен // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. 1979. Т. 84. Вып. 2, март—апрель. С. 80—84.

Строганова А.С. Млекопитающие степного и полупустынного Заволжья // Труды Зоологического института Академии наук СССР. М.; Л. 1954. Т. 16. С. 137—158 (Сборник работ по фауне районов среднего и нижнего течения р. Урала и Волжско-Уральского междуречья).

Сытин А.К. [Рецензия]. Folkwart Wendland. Peter Simon Pallas (1741–1811). Materialien einer Biographie. Walter de Gruyter. Berlin; N. Y., 1992 / Veröffentlichungen der Historischen Komission zu Berlin. Bd. 80, T. 1, 2. 1176 S. // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. 1994. Т. 99. Вып. 3, май—июнь. С. 136.

Сытин А.К. [Рец.]. Научное наследие П.С. Палласа. Письма. 1768—1771 / сост. В.И. Осипов. СПб.: ТИАЛИД, 1993. Тираж 1000 экз. // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. 1994. Т. 99. Вып. 3, май—июнь, С. 136—137.

*Сытин А.К. Ботанические исследования на Алтае в XVIII в письмах П.С. Палласа к П.И. Шангину // Проблемы флоры, систематики и истории ботанического изучения Сибири. Томск, 1995.

Сытин А.К. Научный метод П.С. Палласа и приоритеты русского естествознания // Наука и техника: вопросы истории и теории. Мат-лы к XVII конф. С.-Петерб. отд-ния Нац. ком. по ист. и филос, науки и тех. (19—21 ноября 1996 г.). Вып. XII / Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; под ред. Б.И. Иванова. СПб., 1996. С. 58-59.

Сытин А.К. Никита Петрович Соколов (1748—1795), петербургский академик, естествоиспытатель // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тез. XVIII годич. конф. С.-Петерб. отд-ния Нац. ком. по ист. и филос. науки и тех. (24—26 ноября 1997 г.). Вып. XIII / Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; под ред. Э. И. Колчинского. СПб., 1997. С. 58—59.

Сытин А.К. Пётр Симон Паллас — ботаник. М.: КМК, 1997. 338 с.

Сытин А.К. Германская традиция в изучении русской флоры: от «Flora Sibirica» И.Г. Гмелина до «Флоры Кавказа» А.А. Гросстейма // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тез. XX годич. конф. С.-Петерб. отд-ния Рос. нац. ком. по ист. и филос. науки и тех. (22—25 ноября 1999 г.). Вып. XV / Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; под ред. Э.И. Колчинского. СПб., 1999. С. 164—165.

Сытин А.К. Первый исследователь горы Сохондо — Никита Петрович Соколов // Природа. 1999. № 4 (1004). С. 42-52.

Сытин А.К. Петр Симон Паллас и его коллекции // Немцы в России. Петербургские немцы / под ред. Г.И. Смагиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 66—77.

Сытин А.К. Германская традиция в изучении русской флоры // Русско-немецкие связи в биологии и медицине: опыт 300-летнего взаимодействия / под ред. Л.Я. Боркина и Э.И. Колчинского. СПб.: С.-Петерб. союз учёных, 2000. С. 105–114.

Сытин А.К. Живая география России. Н.В. Гоголь изучает естественно-исторические труды П.С. Палласа // Природа. 2000. № 6 (1018). С. 93—96.

Сытин А.К. Иоганн фон Бёбер (1746—1820), забытый петербургский коллектор // Ботанический журнал. 2000. Т. 85, № 9. С. 138—147.

Сытин А.К. [Рецензия] Крымская одиссея Палласа // Природа. 2000. № 2 (1014). С. 88—90.

Сытин А.К. Древо Палласа. Изучение и охрана растительного покрова России академиком П.С. Палласом // Русско-немецкие связи в биологии и медицине / под ред. Э.И. Колчинского. СПб.: Борей Арт, 2001. С. 84—92.

Сытин А.К. О проекте «Петр Симон Паллас (1741—1811) — последний из энциклопедистов XVIII века» // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тез. XXVI годич. конф. С.-Петерб. отд-ния Нац. ком. по ист. и филос. науки и тех. РАН (21—25 ноября 2005 г.). Вып. XXI / Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; под ред. Э.И. Колчинского. СПб., 2005. С. 91—92.

Сытин А.К. Паллас как завершитель эпохи универсализма века Просвещения // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тез. XXVII годич. конф. С.-Петерб. отд-ния Нац. ком. по ист. и филос. науки и тех.РАН (21—24 ноября 2006 г.). Вып. XXII / Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; под ред. Э.И. Колчинского. СПб., 2006. С. 46—50.

Сытин А.[К.] Паллас (Pallas) Петр Симон // Немцы России. Энциклопедия. Том 3 (П–Я) / под ред. О. Кубицкой и др. М.: ЭРН, 2006. С. 17–18.

Сытин А.К. В поисках естественной системы: Линней и Паллас // Карл Линней в России / под ред. Т.В. Артемьевой и М.И. Микешина. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2007. С. 80—87 (Философский век, альманах 33).

Сытин А.К. Misandria, или ненависть к тычинкам: Линней и Паллас // Линнеевский сборник / под ред. *И.Я. Павлинова*. М.: Изд-во Московского ун-та, 2007. С. 13—24 (Сб. трудов Зоологического музея МГУ, т. 48).

Сытин А.К. Система землеописания России в XVIII веке // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тез. XXIX Междунар. годич. конф. С.-Петерб. отд-ния Нац. ком. по ист. и филос. науки и тех. РАН (24—28 ноября 2008 г.). Вып. XXIV / Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; под ред. Э.И. Колчинского; ред.-сост. Б.И. Иванов. СПб., 2008. С. 53—58.

Сытин А.К. О категории рода в ботанике XVIII века: Линней и его оппоненты // Вид и видообразование. Анализ новых взглядов и тенденций: кол. моногр. / под ред. *А.Ф. Алимова и С.Д. Степаньянц.* СПб. 2009. С. 79—86 (Труды Зоологического института РАН. Приложение № 1).

Сытин А.К., Боркин Л.Я. «Блаженство видеть Природу в самом ее бытии ...» О сибирском путешествии академика Палласа // Наука из первых рук. [Новосибирск]. 2007. № 1 (13). С. 78–89.

T. Д. Список сочинениям Палласа // Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России на 1843 год. Одесса. 1844 («1843»)²¹. Т. 4. № 5–6. С. 108—120.

Терентыев П.В. Материалы к истории отечественной герпетологии // Труды Института истории естествознания и техники АН СССР. 1957. Т. 16: История биологических наук. Вып. 3. С. 97-122.

Терентьев П.В. Герпетология. Учение о земноводных и пресмыкающихся. М.: Высшая школа, 1961.336 с.

Терра инкогнита Сибирь. У истоков научного освоения Сибири при участии немецких ученых в XVIII веке. Выставка, подготовленная «Франкеше штифтунген» в Галле и Архивом Российской Академии наук в С.-Петербурге. Под покровительством министра просвещения земли Саксония-Ангальт. Галле: Франкеше Штифтунген, 1999. 52 с. (на рус. и нем. яз.).

 $^{^{21}}$ № 5-6 за 1843 г. вышел не ранее февраля 1844 г., судя по цензурному разрешению от 15 февраля 1844 г. (см. с. 120)

Титова З.Д. Немецкие ученые XVIII в. в России — К.Г. Мерк // Немцы в России. Три века научного сотрудничества / под ред. *Г.И. Смагиной*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 76—79.

[Тишкин Г.А., Донченко Н.Г., Клим И.Л., Лисицкая С.Н., Марголис Ю.Д.] 1724—1819 // 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет. Летопись 1724—1999 / под ред. Л.А. Вербиц-кой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 9—100.

Туниев Б.С., Орлов Н.Л., Ананьева Н.Б., Агасян А.Л. Змеи Кавказа: таксономическое разнообразие, распространение, охрана. СПб.; М.: КМК, 2009. 222 с.

Тункина И.В. Становление классической археологии в России (XVIII — середина XIX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1989. [2]+16 с.

Tункина U.B. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.).. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: С.-Петерб. ин-т ист. РАН, 2002. 40 с.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 675 с.

Федосеев И.А. Гидрология суши // Развитие физико-географических наук (XVII–XX вв.) / под ред. И.М. Забелина, А.И. Соловьева и И.А. Федосеева. М.: Наука, 1975. С. 118–173.

Филимонов С.Б. О подготовке А.Л. Бертье-Делагардом к печати перевода сочинений П.С. Палласа о Крыме // Археографический ежегодник. 1983 / под ред. С.О. Шмидта. М.: Наука, 1985. С. 270—272.

Флейман Е.А., Бобырь Л.В. Научные экспедиции П.С. Палласа в Поволжье во II половине XVIII века. Кострома: Костром. гос. технолог. ун-т, 2001. 18 с.

Флоров Д.Н. Очерки истории изучения вредной энтомофауны тайги Восточной Сибири // История биологических исследований в Восточной Сибири / под ред. А.С. Рожкова [Иркутск]: Иркут. кн. изд-во, 1961. С. 3—86 (Труды Восточно-Сибирского филиала Сибирского отделения АН СССР, вып. 30).

Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. 240 с.

Хабибуллин В.Ф. Фауна пресмыкающихся Республики Башкортостан. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2001. 126 с.

Хазиев Г.З., Байматов В.Н. Петр Паллас — «русский немец» // Вестник Российской академии наук. 1996. Т. 66. № 1. Январь. С. 73—75.

Хе В.Х. Исследование фауны млекопитающих Кавказа и развитие охраны биоразнообразия в XVIII — начале XX в. // 2009. Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция / под ред. *А.В. Постникова*. М.: Анонс-Медиа, 2009. С. 498—499.

Хрестоматия по истории Алтайского края (с древнейших времен до конца XIX века). Пособие для учащихся 7-8 классов / сост. *А.А. Худяков*. [Барнаул]: Алтайское книжное изд-во, 1966. 112 с.

Цуцкин Е.В. К.М. Бэр как географ (к 150-летию Каспийской экспедиции) // 2007. Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция / под ред. *А.В. Постинова*. М.: ИДЭЛ, 2008. С. 119—129.

Черказьянова И.В. Российские ученые — члены Йенского общества естествоиспытателей // Русско-немецкие связи в биологии и медицине. Выпуск III. Между наукой и идеологией / под ред. *Э.И. Колчинского*. СПб.: Борей Арт, 2002. С. 46—59.

Черказьянова И.В. Научные связи Вольного экономического общества с Йенским обществом естествоиспытателей // Немцы в России. Три века научного сотрудничества / под ред. *Г.И. Смагиной*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 196—209.

Чернов С.А. Эколого-фаунистический обзор пресмыкающихся юга междуречья Волга—Урал // Труды Зоологического института Академии наук СССР. М.; Л. 1954. Т. 16. С. 137—158 (Сборник работ по фауне районов среднего и нижнего течения р. Урала и Волжско-Уральского междуречья).

Чеховская Т.[П.] Ошеломляющее разнообразие жизни. М.: Знание, 1980. 112 с.

Чибилёв А.А. Зеленая книга степного края. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1987. 206 с.

Чибилёв А.А. Река Урал. Историко-географические и экологические очерки о бассейне реки Урала. Л.: Гидрометеоиздат, 1987. 167 с.

Чибилёв А.А. Дорога к Каспию. Алма-Ата: Кайнар, 1988. 239 с.

*Чибилёв А.А. Природа Оренбургской области. Часть первая. Физико-географический и историко-географический очерк. Оренбург: Оренбург. ф-л Рус. геогр. общ-ва, 1995. 128 с.

Шарф К. Основание Берлинской и Петербургской академий наук и их отношения в XVIII в. в европейской перспективе // Немцы в России. Три века научного сотрудничества / под ред. *Г.И. Смагиной*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 7—38.

Шафрановская Т.К. Монголист XVIII века Иоган Иериг // Страны и народы Востока. География, этнография, история. Вып. IV / под ред. *В.В. Струве и А.В. Королевой*. М.: Наука (Главная редакция восточной литературы), 1965. С. 155—163.

[Шафрановская Т.К., Карпов Ю.Ю.] От переводчика и редактора // Иоганн Антон Гильденштедт. Путешествие по Кавказу в 1770—1773 гг. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. С. 13—20.

Ширина Д.А. Летопись экспедиций Академии наук на северо-востоке Азии в дореволюционный период. Новосибирск: Наука, 1983. 137 с.

Ширина Д.А. Россия: научное исследование Арктики XVIII в. — 1917 г. Новосибирск: Наука, 2001. 190 с.

Шишкин В.С. К историографии отечественной зоологии // Зоологический журнал. 1998. Т. 77. № 1. С. 133-144.

Штернберг Л.Я. Двухвековой юбилей русской этнографии и этнографических музеев // Природа. [Л.]. 1925. Год издания 14-й. № 7–9. Стлб. 45–66.

Щербакова А.Л. История ботаники в России до 60-х гг. XIX в. (Додарвиновский период). Новосибирск: Наука, 1979. 365 с.

*Щербинина Н.Н. История естествознания: лекарственные растения в трудах П.С. Палласа // Проблемы преемственности в системе непрерывного педагогического образования: II Междунар. науч.-практ. конф. Мичуринск, 28—29 мая 2002 г. Мичуринск, 2002. С. 106—107.

Щербинина Н.Н. Вклад П.С. Палласа в изучение лесов России // 2002. Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция / под ред. В.М. Орла. М.: Диполь-Т, 2002. С. 463—467.

Щербинина Н.Н. Промышленные производства России XVIII века в трудах П.С. Палласа // VIII научно-практическая конференция «Российский научно-технический музей: проблемы и перспективы» Москва, 16-18 декабря 2002 года / под ред. *Г.Г. Григоряна*. М.: Новая школа, 2003. С. 77-78.

Щербинина Н.Н. Значение изучения природного потенциала страны для развития науки в России в XVIII веке // 2003. Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция / под ред. *В.М. Орла*. М.: Диполь-Т, 2003. С. 507—509.

Щербинина Н.Н. Академические экспедиции и музейное дело в России // Материалы научно-практической конференции «Проблемы региональной геологии: музейный ракурс», посвященной 150-летию со дня рождения основателя Московской геологической школы академика А.П. Павлова (1854—1929) и почетного академика М.В. Павловой (1854—1938) / под ред. Г.В. Калабина. М.: Акрополь, 2004. С. 78—79.

Щербинина Н.Н. Знания о природных ресурсах России в путевых заметках путешественников XVIII в. // 2005. Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция / под ред. *В.В. Глушкова*. 2005. М.: Диполь, 2005. С. 474—476.

Щербинина Н.Н. Представления о природных ресурсах в России: XVIII век. Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М.: Ин-т ист. естествозн. и тех. им. С.И. Вавилова РАН, 2005. 26 с.

Щербинина Н.Н. Представления о рекреационных ресурсах в России (XVIII в.) // 2007. Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция / под ред. *А.В. Постникова*. М.: ИДЭЛ, 2008. С. 472—474.

Эрлих В.А. Русскоязычные издания XVIII века о Востоке и российские немцы // Немецкий этнос в Сибири. Альманах гуманитарных исследований. Выпуск 2. Под ред. Н.Н. Покровского и Е.К. Ромодановской. Новосибирск: Гуманитарные технологии, 2000. С. 167–173.

Юдина Н.Л. Из истории ранних исследований природы Мангышлака (XVI—XVIII вв.) // География. Сб. науч. ст. проф.-препод. состава вузов М-ва высш. и ср. спец. образ-ния КазССР. Вып. 2 / под ред. *А.А. Пузыревой*. Алма-Ата: Казахский гос. пед. ин-т им. Абая, 1970. С. 101—109.

Юрьев К.Б. О некоторых редких книгах в собрании Зоологического института АН СССР // Труды Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. М.; Л. 1963. Т. 7. С. 138–151.

Юрьев К.Б. (сост.). Каталог «особого фонда» библиотеки Зоологического института АН России. СПб.: Б-ка РАН, 1994. 480 с.

Юсупова Т.И. П.С. Паллас и его роль в развитии монголоведения в России // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тез. XXVII годич. конф. С.-Петерб. отд-ния Нац. ком. по ист. и филос. науки и тех. РАН (21—24 ноября 2006 г.). Вып. XXII / Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; под ред. *Э.И. Колчинского*. СПб., 2006. С. 101—102.

Юсуфов А.Г., Магомедова М.А. История и методология биологии. М.: Высшая школа, 2003. 238 с.

Юшков Р.А., Воронов Г.А. Амфибии и рептилии Пермской области (предварительный кадастр). Пермь: изд-во Перм. ун-та, 1994. 157 с.

Якубов Т.Ф. Песчаные пустыни и полупустыни Северного Прикаспия. М.: изд-во АН СССР, 1955. 532 с.

Янгфельдт Б. Граф Готландский посещает Санкт-Петербург // Шведы на берегах Невы: сб. ст. / сост. А. Кобак, С.К. Эммрих, М. Мильчик, Б. Янгфельдт. Стокгольм: Шведский институт, 1998. С. 61–68.

Ящуржинский *Хр.* Очерк археологических разведок и исследований в области Херсониса Таврического // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1898. № 5. 2-е издание. С. 106—114.

Adler K. Herpetologists of the past // Contributions to the History of Herpetology. Society for the Study of Amphibians and Reptiles / ed. by *K. Adler.* 1989. P. 4–141 (Contributions to Herpetology, N = 5).

Andrussow N. Sur l'état du bassin de la mer Noire pendant l'époche pliocène // Mélanges Géologiques et Paléontologiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. 1894. T. 1, livraison 2. P. 165–176.

Annenkova N. Beiträge zur Kenntbiss der Polychaeten-Fauna Russlands. I // Доклады АН СССР. Л. [Сер.] А. 1925. Октябрь. С. 125–126.

[Anonymous]. Pallas, Peter Simon // The New Encyclopaedia Britannica in 30 Volumes. Micropaedia, Volume VII [Montpelier — Piranesi]. Ready Reference and Index. Chicago / London / Toronto / Geneva / Sydney / Tokyo / Manila / Seoul: Encyclopaedia Britannica, Inc., 1980. P. 698.

[Anonymus]. Pallas, Peter Simon // Der Große Brockhaus. Handbuch des Wissens in zwanzig Bänden. Fünfzehnte, völlig neubearbeitete Auflage von Brockhaus' Konversations-Lexicon. Vierzehnter Band Osu – Por. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1933. S. 85.

[Bechstein J.M.] Herrn De la Cepede's Naturgeschichte der Amphibien oder der eyerlegenden vierfüßigen Thiere und der Schlangen. Aus dem Französischen übersetzt und mit Anmerkungen und Zusätzen versehen von Johann Matthäus Bechstein. Zweyter Band. Weimar:im Verlage des Industrie-Comptoir's, 1800, XX + 552 S.

[Bechstein J.M.] Herrn De la Cepede's Naturgeschichte der Amphibien oder der eyerlegenden vierfüßigen Thiere und der Schlangen. Aus dem Französischen übersetzt und mit Anmerkungen und Zusätzen versehen von Johann Matthäus Bechstein. Dritter Band. Weimar:im Verlage des Industrie-Comptoir's, 1801. XVI + 450 + XVII–XXVI S.

[Bechstein J.M.] Herrn De la Cepede's Naturgeschichte der Amphibien oder der eyerlegenden vierfüßigen Thiere und der Schlangen. Aus dem Französischen übersetzt und mit Anmerkungen und Zusätzen versehen von Johann Matthäus Bechstein. Vierter Band. Weimar: im Verlage des Industrie-Comptoir's, 1802. XX + 298 S.

Bogutskaya N.G., Kerzhner I.M., Spodareva V.V. On the spelling of the scientific name of the lake minnow *Phoxinus percnurus*. – Ichthyological Exploration of Freshwaters. München. 2005. Vol. 16, No. 1. P. 93–95.

Borkin L.J. Die deutsche Linie in der russischen Herpetologie // Russian-German Links in Biology and Medicine: 300-year Experience of Interactions. International Conference, September 14–16, 1999. Abstracts. Edited by *L.J. Borkin & E.I. Kolchinsky*. St. Petersburg, 1999. P. 7–9.

Borkin L.J. The Imperial Academy's itineraries (1768–1775) and the formation of herpetology in Russia // Russian-German Links in Biology and Medicine. International Conference, September 18–20, 2000. Abstracts / ed. by *E.I. Kolchinsky*. St. Petersburg, 2000. P. 5–6.

*Bour R. 1993. Les voyages de Peter Simon Pallas et l'origin de *Coluber halys* (Serpentes Viperidae) // Bull. Mens. Soc. Linn. Lyon. Vol. 62. № 9. P. 328–340.

Brandt F. Considérations sur les animaux vertébrés de la Sibérie occidentale // Tchihatscheff P. de. Voyage scientifique dans l'Altaï oriental et les parties adjacentes de la frontière de Chine. Paris: chez Gide, Libraire-Éditeur. 1845. P. 419–466.

Brandt F. Das zoologische und vergleichend-anatomische Museum // Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. 1864. T. 7. № 4. S. 11–28 (Supplément II).

Brandt J.F. Nochmaliger Nachweis der Vertigung der nordischen oder Steller'schen Seekuh (*Rhytina borealis*) // Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou, 1866. T. 39. Année 1866. Première partie. № 2. S. 572–597.

*Carozzi A.V., Carozzi M. 1991. Pallas' theory of the earth in German (1778): translation and reevaluation, reaction by a contemporary, H.-B. de Saussure // Archives des Sciences 1991. Vol. 44. P. 1–105.

Carus J.V., Engelmann W. Bibliotheca Zoologica. Verzeichniss der Schriften über Zoologie, welche in den periodischen Werken enthalten und vom Jahre 1846–1860 selbständig erschienen sind. Mit Einschluss der allgemein-naturgeschichtlichen, periodischen und palaeontologischen Schriften. Bearbeitet von J. Victor Carus, Professor der vergleichenden Anatomie in Leipzig, und Wilhelm Engelmann. Leipzig: Verlag von Wilhelm Engelmann (Bibliotheca Historico-Naturalis. Herausgegeben von Wilhelm Engelmann. Supplement Band, enthaltend die in den periodischen Werken aufgekommenen und die vom Jahre 1846–1860 erschienen Schriften).

- Erster Band. 1861. XX + 950 S.
- Zweiter Band. 1861. [4] + 951-2144 S.

Cuvier G. Abhandlung über die Ascidae u. über ihre Anatomie. Taf. 7.8 // Isis von Oken. Leipzig. 1820. H. 7. S. 387–404.

Cuvier [G.], Valenciennes [A]. Histoire naturelle des Poissons, par M. le B.ºn Cuvier, Grand-Officier de la Légion d'honneur, Conseiller d'État et au Conseil royal de l'Instruction publique, l'un des quarante de l'Académie française, Secrétaire perpétuel de celle des Sciences, membre des Sociétés et Académies royales de Londres, de Berlin, de Pétersbourg, de Stockholm, de Turin, de Goettingue, de Munich, etc.; et par M. Valenciennes, Aide-Naturalist au Muséum d'Histoire naturelle. *Tome premier*. A Paris, Strasbourg et Bruxelles: imprimerie de F.G. Levrault, 1828. XVI + 573 + [3] p.

Darevsky I.S., Mertens R. Zwei unveröffentlichte Schildkrötentafeln von Pallas // Salamandra. Frankfurt am Main. 1973. Bd. 9, H. 3/4. S. 99–102.

David P. [Review]. Andreas Gumprecht, Frank Tillack, Nikolai Orlov, Ashok Captain, and Sergei Ryabov (2004), *Asian Pitvipers*, GeitjeBooks Berlin, Berlin 368 pages, 1179 color photographs, hardbound, 21.0 x 29.5 cm, ISBN 3-937975-00-4 [in English] // Russian Journal of Herpetology. [Moscow]. 2007. Vol. 14. № 1. January—April (April 15). P. 73—77.

Duméril A.M.C., Bibron G. Erpétologie Générale ou Histoire naturelle complète des Reptiles, Par A.M.C. Duméril, Membre de l'Institut, Professeur de la Faculté de Médecine, Professeur et Administrateur du Muséum d'Histoire Naturelle, etc. et par G. Bibron, aide-naturaliste au Muséum d'Histoire Naturelle. Tome second, contenant l'histoire de toutes les espèces de l'ordre des Tortues ou Chéloniens, et les généralités de celui des Lézards ou Sauriens. Ouvrage accompagné de planches. Paris: Librairie Encyclopédique de Roret, rue Hautefeuille, nº 10 bis, 1835. [4]+IV+680 p.

Duméril A.-M.-C., Bibron G. Erpétologie Générale ou Histoire naturelle complète des Reptiles, Par A.-M.-C. Duméril, Membre de l'Institut, Professeur de la Faculté de Médecine, Professeur et Administrateur du Muséum d'Histoire Naturelle, etc. et par G. Bibron, Membre de la Société Philomatique; aidenaturaliste au Muséum d'Histoire Naturelle, Professeur d'Histoire Naturelle à l'École primaire supérieure de la ville de Paris. Tome huitième, comprenant l'histoire générale des Batraciens, et la description des cinquante-deux genres et des cent soixante-trois espèces des deux premiers sous-ordres: les Péromèles qui n'ont pas de membres, et les Anoures qui sont privés de la queue. Ouvrage accompagné de planches. Paris: Librairie Encyclopédique de Roret, rue Hautefeuille, nº 10 bis, 1841. [8] + 792 p.

Duméril A.-M.-C., Bibron G., Duméril A. Erpétologie Générale ou Histoire naturelle complète des Reptiles, Par A.-M.-C. Duméril, Membre de l'Institut, Professeur de la Faculté de Médecine, Professeur et Administrateur du Muséum d'Histoire Naturelle, etc. en collaboration avec ses aides naturalistes au Muséum, feu G. Bibron, Professeur d'Histoire Naturelle à l'École primaire supérieure de la ville de Paris; et A. Duméril, Professeur agrégé de la Faculté de Médecine pour l'anatomie et la physiologie. Tome septième. – Première partie. Comprenant l'histoire des Serpents non venimeux. Ouvrage accompagné de planches. Paris: Librairie Encyclopédique de Roret, rue Hautefeuille, 12, 1854. XVIII + [4] + XVI + 780 p.

Egerton F.N. A history of the ecological sciences, part 27: Naturalists explore Russsia and the North Pacific during the 1700s // Bulletin of the Ecological Society of America. 2008. Vol. 89, issue 1. January. P. 39–60.

Eichwald E. v. Die *Rhytina borealis* und der *Homocrinus dipentas* in der Lethaea Rossica // Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou. 1866. T. 39, Première partie. Année 1866. № 1. S. 138–162.

Evenhuis N.L. Litteratura Taxonomica Dipterorum (1758–1930). Being a selected list of the books and prints on Diptera taxonomy from the beginning of Linnean zoological nomenclature to the end of the year 1930; containing the information on the biographies, bibliographies, types, collections and patronymic genera of the authors listed in this work; including detailed information on publication dates, original and subsequent editions, and other ancillary data concerning the publications listed herein. Vol. II. L–Z. Leiden: Backhuys Publishers, 1997. [IV] + 427–871 p.

Georgi J.G. Johann Gottlieb Georgi, der Arzeneygelahrtheit Doctor, der Rußisch-Kayserlichen und der Königlich-Preußischen Akademie der Wissenschaften, der Römisch-Kayserlichen Akademie der Naturforscher, der Churfürstlich-Mainzischen Societät der Wissenschaften, der St. Petersburgischen freyen Oekonomischen Gesellschaft, der Gesellschaft Berlinischer Naturforschender Freunde und der Jenaischen Gesellschaft der Naturforscher Mitglied, Geographisch-physikalische und Naturhistorische Beschreibung des Rußischen Reichs zur Uebersicht bisheriger Kenntnisse von demselben. Königsberg: bey Friedrich Nicolovius.

- Erster Theil. Allgemeine Landesbeschreibung. Mit zwey Landkarten. 1797. 374 S.
- Zweyter Theil. Beschreibung der einzelnen Gouvernements. Erste Abtheilung. Gouvernements des nördlichen Rußlands. 1798. 286 S.
 - Zweyter Theil. Beschreibung der einzelnen Gouvernements. Zweyte Abtheilung. 1799, S. 289–800.
 - Zweyter Theil. Beschreibung der einzelnen Gouvernements. Dritte Abtheilung. 1799. S. 801–992.
 - Zweyter Theil. Beschreibung der einzelnen Gouvernements. Vierte Abtheilung. 1799. S. 993—1142.
 - Dritter Theil. Bisher bekannt gewordene Naturprodukte. 1798. 607 S.
 - Des dritten Theils Zweiter Band, Vorhandene Mineralien, 1798, S. 85–344
 - Des dritten Theils Dritter Band. Inländische Mineralien. 1798. S. 345–607.

Georgi J.G. D. Johann Gottlieb Georgi, Rußisch-Kayserlicher Kollegienrath und ordentliches Mitglied der Rußisch-Kayserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg, der Königlich-Preußischen Akademie der Wissenschaften, der Römisch-Kayserlichen Akademie der Naturforscher, der Churfürstlich-Mainzischen Societät der Wissenschaften, der St. Petersburgischen freyen ökonomischen Gesellschaft, der Gesellschaft Berlinischer Naturforschender Freunde, der Jenaischen Gesellschaft der Naturforscher und der dortigen Mineralogischen Societät Mitglied, Geographisch-physikalische und Naturhistorische Beschreibung des Rußischen Reichs zur Uebersicht bisheriger Kenntnisse von demselben. Königsberg, bey Friedrich Nicolovius.

- Des dritten Theils vierter Band. Inländische Pflanzen der ersten bis dreyzehnten Klasse des Systems des Ritters Carl von Linné. 1800. S. 609–1072.
- Des dritten Theils fünfter Band. Inländische Pflanzen der vierzehnten bis letzten Klasse des Systems des Ritters Carl von Linné. 1800. S. 1073–1461.
 - Des dritten Theils sechster Band. Bisher bekannt gewordene Thierarten. 1800. S. 1463–1677.
 - Des dritten Theils siebenter Band. Bisher bekannt gewordene Thierarten. 1801. S. 1679—2222.

Georgi J.G. D. Johann Gottlieb Georgi, Russisch-Kayserlichen Kollegienrath, Ritter des Russisch-Kayserlichen St. Annen-Ordens zweyter Klasse, Mitglied der Russisch-Kayserlichen und Königl. Preußischen Akademie der Wissenschaften, der Römisch-Kayserlichen Akademie der Naturforscher, der

Churfürstlich-Mainzischen Societät der Wissenschaften, der St. Petersburgischen freien ökonomischen Gesellschaft, Mitglied des Lyceums zu Rimes, der Berlinischer Gesellschaft Naturforschender Freunde, der Jenaischen Gesellschaft der Naturforscher und der dortigen Mineralogischen Societät, Nachträge für dessen Geographisch-physikalische und Naturhistorische Beschreibung des Rußischen Reichs. Königsberg, bey Friedrich Nicolovius, 1802. 444 S.

Geschichte der Biologie — Theorien, Methoden, Institutionen, Kurzbiographien. Herausgegeben von *Ilse Jahn*, Berlin unter Mitwirkung von Erika Krauße, Rolf Löther, Hans Querner, Isolde Schmidt und Konrad Senglaub. Bearbeitet von 21 Fachwissenschaften. 3, neubearbeitete und erweiterte Auflage. Mit 222 Abbildungen und 238 Porträts. Jena — Stuttgart — Lübeck — Ulm: Gustav Fischer, 1998. 1088 S.

Gloyd H.K., Conant R. Snakes of the Agkistrodon complex. A monographic review. Oxford (Ohio, USA): Society for the Study of Amphibians and Reptiles, 1990. VI+614 p. (Contributions to Herpetology, N = 6).

Gravenhorst J.L.C. Vergleichende Uebersicht des Linneischen und einiger neuern zoologischen Systeme nebst dem eigenschalteten Verzeichnisse der zoologischen Sammlung des Verfassers und den Beschreibung neuer Thierarten, die in derselben vorhanden sind. Göttingen: Heinrich Dieterich, 1807. XX + 476 S.

Gravenhorst J.L.C. Deliciae Musei Zoologici Vratislaviensis. Fasciculus primus, continens Chelonios et Batrachia. Lipsiae: sumptibus Leopoldi Vossii, 1829. XIV + 106 (Reptilia Musei Zoologici Vratislaviensis recensita et descripta. Fasciculus primus continens Chelonios et Batrachia).

[Houttuyn M.] Natuurlyke Historie of Uitvoerige Beschrryving der Dieren, Planten en Mineraalen, volgens het Samenstel van den Heer Linnaeus. Met naauwkeurige Afbeeldingen. Erste Deels, Agttiende Stuk. De Plantdieren. Te Amsterdam, by de Erven van F. Houttuyn, [1773] MDCCLXXIII. [2] + XXX + 226 + [418] p.²²

*International Commission on Zoological Nomenclature. Pallas (P.S.), "Zoographia rosso-asiatica": dates of publication of the several volumes of, determined // Bulletin of Zoological Nomenclature. 1950. Vol. 5. P. 402–403.

*Jahn I., Schmitt M. (Hrsg.). Darwin & Co. Eine Geschichte der Biologie in Portraits. München: C.H. Beck, 2001. Bd. 1: 552 S., Bd. 2: 574 S.

Kolchinsky E.I. The role of eighteenth century Russian expeditions in the development of natural history // Proceedings of the California Academy of Sciences, San Francisco, 2004. Vol. 55. Supplement II. N 8. P. 106–116 (Impact of Travels on Scientific Knowledge. Cultures and Institutions of Natural History, Essays in the History and Philosophy of Science / ed. by *M.T. Ghiselin and A.E. Leviton*).

Köppen F.T. I. Das Fehlen des Eichhörnchens und das Vorhandensein des Rehs und des Edelhirsches in der Krim. Nebst Excursen über die Verbreitung einiger anderer Säugethiere in Russland und einem Anhang: Zur Herpetologie der Krim // Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. St. Petersburg. Zweite Folge. Band VI. Gemischten Inhalts. 1883 (December). S. 1–104.

Köppen F.T. II. Nachschrift zum Aufsatz: "Das Fehlen des Eichhörnchens etc. in der Krim", enthaltend einige weitere Nachträge und Berichtigungen / Там же. S. 105–140.

Köppen F.T. III. Die Verbreitung des Elenthiers im Europäischen Russland, mit besonderer Berücksichtigung einer in den fünfziger Jahren begonnenen Massenwanderung desselben. Nebst einem Anhange, betreffend: Das vermeintliche Vorkommen des Bison im Gouvernement Nishnij-Nowgorod / Там же. S. 141–260.

Köppen F.T. IV. Notiz über die Rückwanderung der *Dreissena polymorpha* Pall. nebst einem Anhange: Über künstliche Verpflanzung der Flusskrebse in Russland / Там же. S. 261–314.

Kuzmin S.L. The taxonomic position of amphibian species from «Zoographia Rosso-Asiatica» by P.S. Pallas // Advances in Amphibian Research in the former Soviet Union. Sofia—Moscow, 1996. Vol. 1. P. 47–65.

Lacépède C. Histoire naturelle des Quadrupèdes ovipares et des Serpens. Par M. le Comte de la Cepède, Garde du Cabinet du Rois; des Académies & Sociétés Royales de Dijon, Lyon, Bordeaux, Toulouse, Metz, Rome, Stockolm, Hesse-Hombourg, Hesse-Cassel, Munich, etc. Tome premier. A Paris: H tel de Thou. 1788. 18 + 651 p. [in quarto]

²² Согласно N. L. Evenhuis (1997: 373), первый том выходил в 18 выпусках (stukke) с 1761 по 1773 г. 18-й выпуск вышел в 1772 г. и включает страницы XXV+[5]+226, pl. 139—143.

Lacépède C. Histoire naturelle des Serpens. Par M. le Comte de la Cepède, Garde du Cabinet du Rois; des Académies & Sociétés Royales de Dijon, Lyon, Bordeaux, Toulouse, Metz, Rome, Stockolm, Hesse-Hombourg, Hesse-Cassel, Munich, etc. Tome second. A Paris: H tel de Thou. 1789. 8 + 527 p. [in quarto]

Lacépède C. Histoire naturelle des Quadrupèdes ovipares et des Serpens. Par M. le Comte de la Cepède, Garde du Cabinet du Rois; des Académies & Sociétés Royales de Dijon, Lyon, Bordeaux, Toulouse, Metz, Rome, Stockolm, Hesse-Hombourg, Hesse-Cassel, Munich, etc. Tome second. A Paris: H tel de Thou. 1788. IV + 462 + [2] p. *Jin octavo]*

Lacépède C. Histoire naturelle des Serpens. Par M. le Comte de la Cepède, Garde du Cabinet du Rois; des Académies & Sociétés Royales de Dijon, Lyon, Bordeaux, Toulouse, Metz, Rome, Stockolm, Hesse-Hombourg, Hesse-Cassel, Munich, etc. Tome troisième. A Paris: H tel de Thou. 1790. 8 + 527 p. [in octavo]

Lamouroux J.V.F. Histoire des Polypiers coralligenes flexibles, vulgairement nommés Zoophytes. Par J.V.F. Lamouroux, D.E.S. Professeur d'Histoire naturelle à l'Académie royale de Caen, Membre de l'Académie des Sciences, Arts et Belles-Lettres d'Agen, de celle de Caen, de la Société d'Agriculture et de Commerce de la m me Ville; Correspondant des Académies royales de Madrid, de Turin et de Médecine de Paris, des Sociétés Philomatique et Philotechnique de Paris; de la Société Physiographique de Lund; de celles de Bordeaux, Toulouse, Soissons, etc. A Caen: de l'Imprimerie de F. Poisson, rue Froide, 1816. LXXXIV+ 560 p., 1 table, 19 planches.

Lamouroux J.[V.F.] Exposition méthodique des genres de l'ordre des Polypiers, avec leur description et celle des principales espèces, figurées dans 84 planches; les 63 premières appartenant à l'Histoire naturelle. Des Zoophytes d'Ellis et Solander. Par J. Lamouroux, D.E.S., Professeur d'Histoire naturelle à l'Académie royale de Caen, Correspondant de l'Institut royal de France, Membre de l'Académie des sciences, arts et belles-lettres d'Agen, de celle de Caen, de la Société d'Agriculture et de Médecine de la m me ville; Correspondant des Académies royales de Madrid, de Turin et de Médecine de Paris, des Sociétés Philomatique et Philotechnique de Paris; de la Société Physiographique de Lund; de celles de Bordeaux, Toulouse, etc. A Paris: chez Mme Veuve Agasse, Imprimerie-Libraire, rue des Poitevins, n° 6. 1821. VIII+115 p., 1 table, 84 planches.

Leuckart R. Die menschlichen Parasiten und die von ihnen herrührenden Krankheiten. Ein Handund Lehrbuch für Naturforscher und Aerzte. Von Rudolf Leuckart, Dr. phil. et med., o. ö. Professor der Zoologie und vergleichenden Anatomie in Giessen. Erster Band. Mit 268 eingedruckten Holzschnitten. Leipzig und Heidelberg: C.F. Winter'sche Verlagshandlung, 1863. VIII+766+[2] S.

Leuckart R. Allgemeine Naturgeschichte der Parasiten mit besonderer Berücksichtigung der bei dem Menschen schmarotzenden Arten. Ein Lehrbuch für Zoologen, Landwirthe und Mediciner. Mit 91 eingedruckten Holzschnitten. Leipzig und Heidelberg: C.F. Winter'sche Verlagshandlung, 1879. X+216 S.

Lichtenstein H. Naturhistorischer Anhang // Eversmann E. Reise von Orenburg nach Buchara von Eduard Eversmann Dr. der Medizin und Philos. Mitgliede der naturforschenden Gesellschaft zu Moskau, nebst einem Wortverzeichniss aus der Afgahnischen Sprache begleitet von einem naturhistorischen Anhange und einer Vorrede von H. Lichtenstein Dr. Mitgliede der Königl. Akademie der Wissenschaften, Professor an der Königl. Universität und Director des Zoologischen Museums zu Berlin. Mit zwei Kupfern und dem Plane von Buchara. Berlin: Im Verlag von E.H.G. Christiani, 1823. S. 111–150.

Lindholm W.A. A forgotten description of a North American frog // Copeia. New York. 1924. № 129. P. 46–47.

Lindholm W.A. Zur Nomenklatur einiger Eidechsen und Schlangen Europas // Zoologischer Anzeiger. Leipzig. 1929. Bd. 81. H. 1/4. S. 73–82.

Neave S.A. Nomenclator Zoologicus. A list of the names of genera and subgenera in zoology from the tenth edition of Linnaeus 1758 to the end of 1935. In four volumes. Vol. 3. M - P. London: The Zoological Society of London, 1940. [4]+1065 p.

[Oken L.] Okens Lehrbuch der Naturgeschichte. Dritter Theil Zoologie. Mit vierzig Kupfertafeln. Erste Abtheilung. Fleischlose Thiere. Jena, bei August Schmid und Comp. Ausgegeben 1815. [6] + 842 + XVIII + XXVIII S.²³

²³ Название на контр-титуле: Oken's Lehrbuch der Zoologie. Mit vierzig Kupfertafeln. Erste Abtheilung. Fleischlose Thiere. Jena, bei August Schmid und Comp. Ausgegeben 1815.

Rathke H. Zur Fauna der Krym. Ein Beitrag // Mémoires presentés à l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Pétersbourg par divers savans, et lus dans ses assemblées. Saint-Pétersbourg. T. 3, livraisons 3–4. (Octobre) 1837. P. 291–454.

Rudolphi K.A. Entozoorum, sive vermium intestinalium historia naturalis auctore Carolo Asmundo Rudolphi, Philos. et Med. Doct. hujus in universitate litt. Gryphiswald. Prof. publ. et ordin. Scholae veterinae, Director, Assessore Colleg. Sanit. Pomerano-Rugici, Acad. Imperial. Scient. Petropolit. Soc. Med. Paris. et Monspeliens. Fautorum rei veterin. Hafniens. Naturae Scrutatorum Berolinens. et Mosquens. Physicarum Jenens. Gottingens. et Rostochiens. Mineralog. Jenens. Linnaeanae Lipsiens. Nec non Sydenham. Halens. Membro. Volumen I. Cum tabb, VI aeneis. Amstelaedami, sumtibus Tabernae librariae et artium, 1808. XXVI+527 p.

Rudolphi K.A. Entozoorum, sive vermium intestinalium historia naturalis auctore Carolo Asmundo Rudolphi, Philos. et Med. Doct. hujus in universitate litt. Gryphiswald. Prof. publ. et ordin. Scholae veterinar., Directore, Assessore Colleg. Sanit. Pomerano-Rugici, Acad. Imperial. Scient. Petropolit. Soc. Med. Paris. et Monspeliens. Fautorum rei veterin. Hafniens. Naturae Scrutatorum Berolinens. et Mosquens. Physicarum Ienens. Gottingens. et Rostochiens. Mineralog. Ienens. Linnaeanae Lipsiens. nec non Sydenham. Halens. Membro. Volum. II. P. I. Cum tabb, VI aeneis. Amstelaedami, sumtibus Tabernae librariae et artium, 1809. [2]+457+[1] p., tab. VII—XII.

Rudolphi K.A. Entozoorum, sive vermium intestinalium historia naturalis auctore Carolo Asmundo Rudolphi, Philos. et Med. Doct. hujus in universitate litt. Gryphiswald. Prof. publ. et ordin. Scholae veterinar., Directore, Assessore Colleg. Sanit. Pomerano-Rugici, Acad. Imperial. Scient. Petropolit. Soc. Med. Paris. et Monspeliens. Fautorum rei veterin. Hafniens. Naturae Scrutatorum Berolinens. et Mosquens. Physicarum Jenens. Gottingens. et Rostochiens. Medico-physicae Erlangens. Mineralog. Jenens. Linnaeanae Lipsiens. nec non Sydenham. Halens. Membro. Volum. II. P. II. Amstelaedami, sumtibus Tabernae librariae et artium, 1810. XII+386 p.

Rudolphi K.A. Entozoorum synopsis cui accedunt Mantissa duplex et indices locupletissimi. Auctore Carolo Asmundo Rudolphi, Philos. et Med. Doct. hujus Prof. P.O. Musei Anatom. Directore, Regi a Consil. Med. Intimis, Collegii medico-technici primarii membro, Acad. Scient. Berolinensis, Holmiens. Neapolit. et Petropolit. Acad. Nat. Curios. Leopoldin. Georgophilorum Florentin. Soc. Med. Holmiens. Monspeliens. Parisiens. Medico-phys. Erlangens. Veterin. Hafniens. Physicar.Gotting. Halens. Jenens. Marburg. et Rostochiens. Nat. Scrut. Berolin. et Mosquens. Linnaean. Lips. Sydenham. Halens. Mineralog. Jenens. Sodali. Cum tab. III aeneis. Berolini: sumtibus Augusti Rücker, 1819. X+811+[1]., tab. I—III.

Savigny. Ueber die eigentlichen Ascidien. Abh. III // Isis *von Oken*. Leipzig, 1820. H. 10. S. 783–804 (Litterarischer Anzeiger).

Savigny. Systematische Uebersicht der zwitterigen und kopflosen Mollusken. (Forsetzung von Savigny IV) // Isis von Oken. Leipzig. 1820. H. 11. S. 850–882 (Litterarischer Anzeiger).

Schinz H.R. Das Thierreich eingetheilt nach dem Bau der Thiere als Grundlage ihrer Naturgeschichte und der vergleichenden Anatomie von dem Herrn Ritter von Cuvier, Staatsrath von Frankreich und beständiger Secretär der Academie der Wissenschaften u.s.w. Aus dem Französischen frey übersetzt und mit vielen Zusätzen versehen von H.R. Schinz, med. Dr., Secretär der naturforschenden Gesellschaft in Zürich und Mitglied mehrerer gelehrten Gesellschaften. Zweiter Band. Reptilien, Fische, Weichthiere, Ringelwürmer. Stuttgart und Thübingen: in der J.G. Cotta'schen Buchhandlung, 1822. XVI + 835 S.

Schinz H.R. Naturgeschichte und Abbildungen der Reptilien. Nach den neuesten Systemen zum gemeinnützigen Gebrauche entworfen und mit Berücksichtigung für den Unterricht der Jugend bearbeitet. Leipzig: Weidmann'sche Buchhandlung, 1833. [4] + 240 + IV S.

Schinz H.R. Verzeichniss der in der Schweiz vorkommenden Wirbelthiere, von Professor H.R. Schinz, als Erster Theil der auf Veranstaltung der allgemeinen Schweizerischen Gesellschaft für gesammten Naturwissenschaften entworfenen Fauna Helvetica. Neuchatel: in der Buchdruckerei von Petitpierre, 1837. 165 + [3] S. (Neue Denkschriften der allgemeinen Gesellschaft für die gesammten Naturwissenschaften, Bd. 1).

Schinz H.[R.] Europäische Fauna oder Verzeichniß der Wirbelthiere Europa's. Zweiter Band. Reptilien und Fische. Stuttgart: E. Schweizerbarts Verlagshandlung, 1840. VIII + 535 S.

Schneider I.G. Historiae Amphibiorum Naturalis et Literariae Fasciculus Primus continens Ranas, Calamitas, Bufones, Salamandras et Hydros in genera et species descriptos notisque suis distinctos. Auctor Ioan. Gottlob Schneider, saxo. Impressus Ienae: sumtibus Friederici Frommanni. 1799. XVI + 264 p.

Shaw G. General Zoology, or systematic natural history by George Shaw, M. D. F. R. S. & c. With plates from the first authorities and most select specimens engraved principally by Mr. Heath. Vol. III. Part I. Amphibia. London: printed for G. Kearsley, 1802. VIII + 312 p.

Sherborn C.D. Index Animalium sive Index nominum quae ab A. D. MDCCLVIII generibus et speciebus animalium imposita sunt. Societatibus eruditorum adiuvantibus a Carolo Davies Sherborn confectus. Sectio secunda a kalendis Ianuariis, MDCCCI usque ad finem Decembris, MDCCCL. Part XVIII. Index *o-nigrum —pallens*. pp. 4451—4690. 1801—1850. London: printed by order of the Trustees of the British Museum, 1929. CXXXII + 128 p. (March, 1929).

Sonnini C.S., Latreille P.A. Histoire Naturelle des Reptiles, avec figures dessinées d'après nature. Tome II. Première partie. Quadrupèdes et bipèdes ovipares. Paris: de l'imprimerie de Crapelet, X [1802]. [4] + 332 p. [Histoire naturelle de Buffon, vol. 43].

Sonnini C.S., Latreille P.A. Histoire Naturelle des Reptiles, avec figures dessinées d'après nature; par C.S. Sonnini, Naturaliste, et par P.A. Latreille, Membre de l'Académie des Sciences. Nouvelle édition. Tome deuxième. Paris: A la Librairie encyclopédique de Roret, rue Hautefeuille, au coin de la rue du Battoir, chez Raynal, rue Pavée-Saint-André, nº 13. 1830. [4]+332 p. (Seule édition complète des suites à Buffon, format in-18. Reptiles. Tome deuxième).

*Sytin A.K. Peter Simon Pallas und seine Sammlungen // Die Deutschen in Russland. Petersburger Deutsche. St. Petersburg, 1999. S. 66–77.

Sytin A.K. Peter Simon Pallas und die Sammler seiner Zeit // Russian-German Links in Biology and Medicine. International Conference, September 18–20, 2000. Abstracts / ed. by *E.I. Kolchinsky*. St. Petersburg, 2000. P. 10–11.

Some additions to the bibliography of Peter Simon Pallas

LEV J. BORKIN

Zoological Institute, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; lacerta@zin.ru

The bibliography contains some papers of Peter Simon Pallas and some papers about this famous German naturalist (1741–1811) which were not included in the books about P.S. Pallas written by Folkwart Wendland (1992, in German) and A.K. Sytin (1997, in Russian).

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

Два русских региональных издания путешествий Петра Симона Палласа: реки Урал (Казахстан, 2006) и Волга (Россия, 2008)

Л.Я. Боркин

Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия; lacerta@zin.ru

Начало нашего XXI столетия (и третьего тысячелетия) ознаменовалось в отечественном палласоведении появлением двух книг, содержащих русский текст путешествий Петра Симона Палласа. Примечательно, что обе они с разницей в два года были изданы в смежных регионах крупных рек Волги и Урала, изучению и описанию которых выдающийся натуралист-энциклопедист второй половины XVIII — начала XIX в. уделял довольно много внимания. Одна из книг вышла в Уральске (Казахстан), а другая — в Астрахани (Россия).

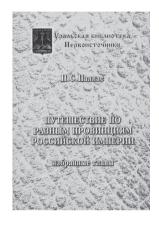
1. Петр Симон Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи (Избранные главы). Уральск: издательство «Оптима», 2006. 269 с. (серия:. «Уральская библиотека. Первоисточники»).

Книга форматом А5 в мягкой обложке жёлтого цвета (намёк на пески?) издана тиражом в 500 экз. Она содержит описания природы и населения, составленные в ходе многолетней экспедиции П.С. Палласа (1768—1774) и большей частью относящиеся к территории северного Прикаспия, находящейся ныне в западном Казахстане. Судя по факсимильному воспроизводству на с. 4 титула 1773 г., для перепечатки было использовано первое русское издание «Путешествий» П.С. Палласа, выпущенное в трёх частях и пяти книгах в 1773—1788 гг. К сожалению, в рецензируемой книге нет ни введения, ни каких-либо комментариев, не указан даже её редактор и/или составитель (кто-то ведь проделал работу по целенаправленному

отбору материала, необходимого для переиздания, из оригинала XVIII в.). Лишь в краткой аннотации сказано:

«Нам был интересен только наш край и прилегающие к нему территории. У каждого жителя нашего края вызовет интерес описание растений и животных, быта и верований людей, проживающих на этих территориях, этнографические особенности. Это та самая историческая правда, которой нам так не хватает».

Хотя изданная в Уральске книга не имеет оглавления, в ней структурно выделены 5 частей разной величины, каждая из которых начинается с новой страницы. Самая большая из них (первые 190 страниц) содержит перепечатку разделов из 1-й части «Путешествий» П.С. Палласа (1773). Текст начинается с описания города Самара (апрель 1769 г.) и Алексеевска (= Алексеевка, 17 июня) нынешней Самарской области. Далее сделан пропуск до Переволоцкой крепости Оренбургской области. Опущены также разъезды Палласа между первым пребыванием в Оренбурге и возвращением туда (5—21 июля). Заканчивается этот раздел рецензируемой книги описанием Каргалинской слободы Оренбургской области (конец сентября) и небольшой записью об уральских птицах от 2 октября 1769 г.

Следующий раздел (с. 191—220) содержит наблюдения по фауне и флоре северного Прикаспия. Они были изложены П.С. Палласом на зимовке в Уфе (январь—апрель 1770) и в Челябинске (сентябрь 1770) и включали заметки студента Никиты Соколова, посетившего в 1770 г. по его поручению низовья реки Яик (= Урал) и Хвалынское (= Каспийское) море. Эти отрывки взяты из книги 1 второй части русских «Путешествий» Палласа (1786).

Третий раздел анализируемого издания (с. 221–236) содержит описания новых видов животных. Он включает только тех млекопитающих (№ 3–5 и 9–11), птиц (№14–16, 25–28 и 31–32), пресмыкающихся (№ 38–40) и насекомых (№ 41, 45–47, 52, 53, 55, 62, 79, 80, 82, 85, 86, 89, 93 и 99), которые были обнаружены П.С. Палласом в северном Прикаспии. В прижизненном русском издании (Паллас, 1786) этот раздел был помещён в конце 2-й книги как «Прибавление ко второй части». В уральской перепечатке сохранены ошибки в нумерации видов, имевшиеся в оригинале.

Четвертый раздел (с. 237—258) содержит отрывок из предисловия к книге 1 третьей части «Путешествий» (1788), а также описания некоторых прикаспийских мест, посещённых П.С. Палласом в мае 1773 г.¹ на обратном пути из Сибири (начиная с Уенварцовского форпоста в Оренбургской области и до Гурбан Долоде в западном Казахстане). Далее почему-то пропущена важная поездка через Волго-Уральские пески в сторону нынешней Астраханской области. Заканчивается этот раздел рецензируемой книги перепечаткой описания древних берегов Каспийского моря и прибытием Палласа в Саратов.

Самый короткий пятый раздел (с. 259—262) включает рапорты № 14 и 16 в Императорскую Академию наук в Санкт-Петербурге, написанные Палласом в Яицком городке

 $^{^1}$ В книге поставлен ошибочно «1772 год» (с. 237). В 1772 г. Паллас находился в Сибири. Сам приведённый маршрут был опубликован П.С. Палласом в книге 2 (а не 1!) третьей части.

(= Уральск) и Гурьевом городке (= Атырау) летом 1769 г. Они перепечатаны из известной книги «Научное наследие П.С. Палласа. Письма. 1768—1771 гг.»².

Текст снабжен чёрно-белыми иллюстрациями. Это — титул первой части «Путешествий» (1773) и портрет П.С. Палласа в начале книги (с. 4—5), а также карта расположения соляных месторождений в Илецке, одежда наездников-киргизцев (= казахов), одежда калмычек, восточные кибитки (юрты), серия буддистских божков калмыков и карта устья реки Яик ниже Гурьева (с. 263—268). Завершается иллюстративная часть картой (с. 269) маршрутов академических экспедиций как самого Палласа и его студентов (1768—1774 и 1793—1794), так и самостоятельно В.Ф. Зуева (1781—1782) и Н.Я. Озерецковского (1785—1814); источник этой карты не указан.

Издание не репринтное, с использованием современной орфографии. К сожалению, во многих местах в латинских названиях животных и растений буква \mathbf{s} в её написании в оригинале как \mathbf{f} была принята за $\mathbf{f}(\mathbf{f})$; есть и другие ошибки. Книга напечатана на белой офсетной бумаге удобным шрифтом, текст читается хорошо, но иллюстрации получились не лучшего качества.

Недостатком книги является отсутствие сопроводительной статьи и комментариев к тексту. Следует отметить, что в настоящее время для целого ряда растений и животных, упоминаемых Палласом, применяются другие латинские названия, а многие географические пункты его времени переименованы. Например, довольно обычный вид «Мышь товарищественная (Mus focialis)» (с. 223) — это полёвка общественная, Microtus socialis (Pallas, 1773)⁴. Современному читателю также будет трудно разобраться в мерах длины XVIII в. (так называемые линии), используемых в описаниях животных.

Необходимо указать и на неполноту охвата регионального материала из «Путешествий» Палласа. Так, почему-то в книгу не попали описания западноказахстанских видов животных, опубликованные Палласом в первой части его «Путешествий» (1773). Например, ящерица «Lacerta velox» с Индерского озера, змея «Coluber scutatus» с Яика (= Урал)⁵ или знаменитая севрюга «Acipenser stellatus» из Каспийского моря. Не были включены в книгу интересные страницы, посвящённые Волго-Уральским пескам (Нарын-пески) из книги 2 третьей части «Путешествий» (1788).

Тем не менее издание избранных глав путешествий П.С. Палласа — это хороший подарок для всех, кто не только интересуется научным наследием этого замечательного учёного, но и хочет узнать о природе и народах восточной части северного Прикаспия второй половины XVIII в. Книга была издана издательством «Оптима» и общественным культурно-просветительским фондом «Старый Уральск» при спонсорской поддержке со стороны доктора философских наук, профессора А.В. Голубева (Уральск).

 $^{^2}$ Научное наследие П.С. Палласа. Письма. 1768—1771 гг. / сост. В.И. Осипов. 1993. СПб.: ТИАЛИД, 250 с.

³ Например, на с. 226: «16) Персидский шур (Merops Perfica, an apiafter madagafcarienfis Briffonii)» следует читать как (Merops Persica, an apiaster madagascariensis Brissonii). В настоящее время данный вид птиц называется «золотистая шурка», Merops persica Pallas, 1773. Ранее такая же путаница этих двух букв произошла и при перепечатке отрывка из «Путешествий» П.С. Палласа в сборнике «Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV—XVIII веках» / сост. В. Алексеев. Сталинград: Краевое книгоиздательство, с. 241—262.

⁴ Кстати, этот вид был выделен в особый подрод *Pallasiinus* Kretzoi, 1964, названный в честь П.С. Палласа.

⁵ Сейчас это быстрая ящурка, *Eremias velox* (Pallas, 1771) и обыкновенный уж, *Natrix natrix* (Linnaeus, 1758). Оба вида обычны в западном Казахстане и в наше время.

2. П.С. Паллас. Заметки о путешествии в южные наместничества Российской империи в 1793 и 1794 годах. Том первый (избранное). Перевод с немецкого. Астрахань: издательско-полиграфический комплекс «Волга», 2008. 303 с. + 10 с. цветных и чёрнобелых иллюстраций (серия «Астраханская губернская библиотека»).

В отличие от предыдущей, данная книга представляет собой не перепечатку, а *оригинальное* издание и поэтому должна представлять особый интерес для российских почитателей П.С. Палласа. Она содержит русский перевод первого тома его «Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794» (Leipzig: Gottfried Martini, 1799, XXXII+516 S.). Надо сказать, что второму крупному путешествию П.С. Палласа, предпринятому им на юг России на свои собственные средства, долго не везло в том плане, что оно не было полностью издано на русском языке и, естественно, привлекало к себе заметно меньшее внимание по сравнению с русской версией «Путешествий по разным провинциям». Лишь через 200 лет (!) в 1999 г. в Москве в академической серии «Научное наследство» вышел русский перевод

2-го тома «Bemerkungen», посвящённый Крыму⁶. Поэтому можно только порадоваться тому, что астраханские краеведы при поддержке местных властей (Агентство по печати и информационным коммуникациям Астраханской области) смогли издать книгу, которая во многом заполняет образовавшуюся лакуну.

Рецензируемая книга напечатана в Астрахани тиражом 1000 экз., с приятным переплётом, на хорошей белой бумаге, содержит мелованную вклейку. В подготовке книги участвовала редакционная коллегия из 6 человек: три кандидата исторических наук — В.М. Викторин, А.А. Курапов и А.Л. Рябцев, один — биологических наук А.П. Лактионов, а также М.А. Зайцева и Е.С. Иванова (переводчик). В качестве рецензентов были привлечены несколько специалистов, а именно: канд. геол.-минерал. наук В.Н. Пекин, д-р биол. наук В.Н. Пилипенко, канд. филол. наук А.В. Саввин, канд. биол. наук А.К. Сытин (ныне д-р наук) и канд. геогр. наук Е.В. Цуцкин.

Книга содержит подробное оглавление (с. 301–303). Она открывается полезным обращением «От составителей» (с. 5–6), которые, однако, не указаны; вероятно, это члены редколлегии. В обращении сообщается, что перед читателем русский перевод лишь 235 страниц (с 64 по 298) оригинального немецкого текста лейпцигского издания 1799 г., посвящённых прежде всего Астраханскому краю. Таким образом, это не полный перевод на русский всего первого тома⁷. Отбор текста был обусловлён «административными соображениями», поскольку во времена П.С. Палласа Астраханская губерния была значительно шире современной нам области и простиралась

⁶ Петр Симон Паллас. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах. М.: Наука, 1999. 246 с. (Научное наследство, т. 27; отв. ред. Б.В. Левшин; сост. Н.К. Ткачёва).

⁷Ранее были напечатаны лишь небольшие отрывки из первого тома, связанные с кавказской этнографией. См.: Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII—XIX вв.) / сост. Б.А. Калоев. Орджоникидзе: Сев.-Осетин. кн. изд-во, 1967. С. 89—90; Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / сост., ред. пер., введ. и вступит. ст. к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 214—224.

до Царицына (= Волгограда) на севере и Северного Кавказа на западе, так как входила в Кавказское наместничество вместе с Кавказской областью.

Перевод с немецкого выл выполнен старшим преподавателем кафедры немецкой филологии Астраханского университета Е.С. Ивановой, которая также представила небольшую статью «От переводчика» (с. 7–9). Далее следует краткая вступительная статья «П.С. Паллас — жизнь во имя науки» историка А.Л. Рябцева.

Собственно «Заметки» П.С. Палласа занимают большую часть книги (с. 15—222) и выделены особым шрифтом «под старину». Что очень важно, отрывки русского текста сопровождаются указанием в квадратных скобках страниц немецкого оригинала. Это заметно облегчает труд тех, кто захочет сопоставить обе языковые версии. В конце книги помещены обширные примечания (с. 225—268), подготовленные А.Л. Рябцевым (см. с. 6). Далее идёт указатель латинских названий растений и животных (с. 269—297), составленный биологом А.П. Лактионовым из Астраханского университета. Заключает книгу географический и именной указатель (с. 298—300). Примечания и указатели очень полезны, так как названия животных, географических пунктов и имён в тексте даны в написании П.С. Палласа, которые не всегда совпадают с современными.

Неплохо выполнено иллюстративное оформление книги. Для форзацев использованы старинные карты региона, взятые из фондов отдела редких книг Астраханской областной научной библиотеки. На обложке приведён портрет П.С. Палласа (профиль в медальоне) из книги В.М. Маракуева $(1877)^9$, а в начале книги титульная страница немецкого оригинала с русским переводом на обороте (с. 3—4). В самом тексте помещены 4 виньетки (№ 2—5), а в приложении 9 гравюр (листы 2—5 и 8—12), а также карта региона, взятая из французского издания 1805 г. Описание 12 листов гравюр на меди и 4 виньеток даны отдельно (с. 223—224) после текста перед приложением и примечаниями 10 .

Таким образом, астраханское издание готовилось тщательно и продумано. Любопытно, что Е.С. Иванова перевела первое слово «Bemerkungen» в заголовке книги как «Заметки», тогда как в московском издании 2-го тома было употреблено слово «Наблюдения», с чем не согласился ботаник А.К. Сытин, известный отечественный знаток научного наследия П.С. Палласа¹¹.

Кое-что всё же огорчает в астраханском издании. Это — указатель видов. Если растения прокомментированы достаточно чётко, с приведением современного русского и латинского названий, автора вида, жизненной формы и принадлежности к семейству (и даже опечаток у Палласа), то с животными ситуация подчас совсем другая. Авторство видов не приводится, а в качестве современных фигурируют весьма устаревшие или неправильные названия. Например, для «Coluber Berus» Палласа сообщено, что это «Coluber Berus — Обыкновенная гадюка» (с. 277), хотя на самом деле в регионе обитает степная гадюка, Vipera renardi (Christoph, 1861). «Coluber Jaculator» — это желтобрюхий, или каспийский полоз, Hierophis caspius (S. Gmelin, 1779). Принятое сейчас написание

⁸ Экземпляр лейпцигского оригинала (Pallas, 1799) имеется в Астраханской областной научной библиотеке им. Н.К. Крупской (с. 5).

 $^{^9}$ *Маракуев В.[М.]* Петр Симон Паллас, его жизнь ученые труды и путешествия. М.: типография А.А. Торлецкого и ${
m K}^{\circ}$, 1877. 62 с.

¹⁰ В лейпцигском издании гравюры собраны в отдельный альбом, а виньеток в тексте было 14.

¹¹ *Сытин А.К.* [Рецензия] Крымская одиссея Палласа // Природа. 2000. № 2. С. 88–90. Ранее слово «Заметки» было использовано при издании отрывков по этнографии Кавказа (см. примечание 7).

Палласова щитомордника (у Палласа «Coluber Halys») — не «Ancistrodon halis», как в указателе (с. 277), а Gloydius halys (Pallas, 1776). Ardea virgo — не один из видов цапли, а журавль-красавка, Anthropoides virgo (Linnaeus, 1758). Полевой жаворонок по современной номенклатуре относится к роду Alauda, а хохлатый — к Galerida, но не к Calandra, как в указателе (с. 274) и т. д. Видовые эпитеты (второе слово в названии) у видов, как известно, следует писать со строчной (не заглавной) буквы, что не соблюдается в рецензируемой книге (см. с. 286: дрофа, «Otis Tarda» и стрепет «Otis Tetrax» = Tetrax tetrax). Иначе говоря, с систематикой животных составитель указателя А.П. Лактионов был явно не в ладах.

Вызывает также изумление структура географического указателя. В нём в первой колонке по алфавиту проставлены современные названия (!), а соответствующие им оригинальные (из книги Палласа) идут в следующей колонке, естественно, уже не по алфавиту. Обычно делают наоборот, если, конечно, нет цели усложнить поиск для читателя! Слава богу, указатель оказался коротким (всего три страницы). К сожалению, в нём есть пропуски (например, нет песков Салтан-Мурат). Однако в примечаниях (с. 232) можно узнать, что сейчас этот очень важный для зоологов пункт называется «пески Батпайсыр».

Если отрешиться от ошибок в указателе, то в целом надо поздравить астраханцев и всех читателей с первым изданием важной книги П.С. Палласа на русском языке почти через 210 лет!

В заключение хотелось бы отметить, что обе рецензируемые книги, несомненно, говорят о большом интересе к научному наследию П.С. Палласа, проявляемом в регионах бывшей большой страны. Оба региональных издания демонстрируют важный пример для наших ведущих научных организаций в Санкт-Петербурге и Москве в плане отношения к творчеству Палласа. Уже очень давно, в 1895 г., известный натуралист и библиограф Ф.П. Кёппен призывал Академию наук издать полное собрание сочинений П.С. Палласа¹². Хотя мы всё так же далеки от осуществления этой замечательной мечты, астраханское издание можно считать одним из шагов по сбору корпуса сочинений выдающегося натуралиста на русском языке. Хотелось бы увидеть со временем и русское издание классического произведения Палласа «Zoographia Rosso-Asiatica».

 $^{^{12}}$ *Кёппен Ф.*[П.] Ученые труды П.С. Палласа // Журнал Министерства народного просвещения. СПб. Седьмое десятилетие, часть 298. 1895, апрель. С. 398.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

По маршруту экспедиции XVIII века академика Петра Симона Палласа (западный Казахстан, 2010)

Л.Я. Боркин

Санкт-Петербургский союз ученых и Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия;

Летом 2010 г. Санкт-Петербургский союз учёных (СПбСУ) осуществил научноисторический проект, получивший название «По маршруту экспедиции академика П.С. Палласа». Партнёром СПбСУ выступил Общественный фонд «Евразийский союз учёных» (г. Уральск, Казахстан), который взял на себя основные расходы по проведению исследований на территории западного Казахстана. Проект был осуществлён в рамках Соглашения о сотрудничестве между двумя упомянутыми организациями, подписанного в Санкт-Петербурге 5 декабря 2007 г.

Идея провести научную экспедицию, посвящённую выдающемуся учёному второй половины XVIII в. Петру Симону Палласу (1741—1811), впервые была предложена Л.Я. Боркиным на заседании Центральноазиатского бюро СПбСУ¹ 29 января 2009 г. в Европейском университете в Санкт-Петербурге. Это был последний день международной конференции «Николай Андреевич Бородин (1861—1937) — учёный и общественный деятель России, Казахстана и США», успешно проведённой по инициативе казахстанского фонда. Идея была воспринята коллегами весьма благосклонно, особенно в контексте приближающихся в 2011 г. двух памятных дат Палласа: 200-летия

¹ Центральноазиатское бюро СПбСУ (под председательством Л.Я. Боркина) было учреждено 11 декабря 2007 г. после визита в Санкт-Петербург делегации Общественного фонда «Евразийский союз учёных» во главе с его директором проф. А.В. Голубевым. В состав бюро, созданного во многом для координации работы между СПбСУ и Фондом, вошли представители обеих организаций. См.: Отчёт о деятельности Санкт-Петербургского союза учёных (апрель 2007 — апрель 2008). СПб.: издание С.-Петерб. союза учёных. С. 11.

издания первых двух томов его фундаментальной сводки «Zoographia Rosso-Asiatica» (Санкт-Петербург, 1811, на латинском языке), заложившей основы научного изучения животного мира Российской империи, и 200-летия со дня смерти этого замечательного натуралиста-энциклопедиста в Берлине (8 сентября 1811 г.).

В самом появлении такой идеи не было ничего экстраординарного, так как обе организации были потенциально к ней готовы. В 2005—2007 гг. СПбСУ получил специальный грант Российского фонда фундаментальных исследований на изучение наследия П.С. Палласа (зоология, ботаника, буддология, архивы) под руководством известного ботаника А.К. Сытина, одного из ведущих специалистов-палассоведов в России. 16 апреля 2006 г. на 16-й годичной конференции СПбСУ А.К. Сытин представил доклад «Академик Пётр Симон Паллас — последний энциклопедист XVIII века» (совместно с Л.Я. Боркиным, Т.В. Ермаковой, Н.П. Копаневой и А.И. Солоповым). В свою очередь, в 2006 г. в Уральске была переиздана часть знаменитого Палласовского «Путешествия по разным провинциям Российской империи» (1773), касающаяся нынешнего западного Казахстана. Финансовая поддержка изданию была оказана директором Фонда профессором А.В. Голубевым².

Уже 25 февраля 2010 г. в своём электронном письме А.В. Голубев предложил осуществить экспедицию не в юбилейном 2011, а ранее — в текущем 2010 г. Естественно, в СПбСУ с радостью восприняли столь любезную инициативу. Началась подготовка к экспедиции. Первоначально планировалось, что полевой отряд будет включать не только биологов, но и этнографов с тем, чтобы отразить различные аспекты деятельности П.С. Палласа как учёного-путешественника³. Однако затем после долгих переговоров и анализа различных вариантов было решено разбить проект на две части: весной сделать упор на изучение живой природы, а осенью провести поездку с участием этнографов.

Со стороны СПбСУ была подобрана научная команда из четырёх специалистовбиологов, имевших большой опыт полевой работы на территории Казахстана и Средней Азии. В неё вошли зоолог Л.Я. Боркин (руководитель проекта), геоботаник-степевед Б.К. Ганнибал, зоолог К.Д. Мильто и ботаник-систематик А.К. Сытин. В качестве этнографа была приглашена Е.И. Ларина (Московский государственный университет), также член СПбСУ. Со стороны Казахстана в проекте приняли участие многие ботаники, почвоведы, зоологи и географы, главным образом из Западно-Казахстанского государственного университета имени Махамбета Утемисова.

В своих путешествиях П.С. Паллас трижды проехал по территории западного Казахстана. В ходе многолетней экспедиции (1768—1774) он первый раз попал туда летом 1769 г. из Оренбурга. Миновав Иртецкий форпост (Иртек), натуралист 25 июля

 $^{^2}$ Об этом издании см.: *Боркин Л.Я.* Два русских региональных издания путешествий Петра Симона Палласа: реки Урал (Казахстан, 2006) и Волга (Россия, 2008) // Историко-биологические исследования. 2011. Т. 3. № 3. С. 158−163.

³ П.С. Паллас как учёный внес важный вклад в самые разные естественные и гуманитарные науки и был последним энциклопедистом XVIII в. Фактически тогда в России появился новый тип учёного, который предложено называть «универсальный странствующий натуралист». См.: Боркин Л.Я. Академические «физические» экспедиции (1768—1775) и становление герпетологии в России // Русско-немецкие связи в биологии и медицине / под ред. Э.И. Колчинского. СПб.: Борей Арт, 2001. С. 24.

 $^{^4}$ Елена Игоревна Ларина — доцент, кандидат исторических наук, специалист по казахской этнографии, автор более 60 научных работ. Её поездка в Казахстан была осуществлена отдельно осенью 2010 г.

Рис. 1. Уральск, 17 мая 2010 г., участники экспедиции на берегу реки Урал (слева направо: А.К. Сытин, Б.К. Ганнибал, А.В. Голубев, Л.Я. Боркин и К.Д. Мильто)

(5 августа) въехал в нынешнюю Западно-Казахстанскую (ранее Уральскую) область в районе Нижнего Кирсанова яра (ныне город Кирсанов)⁵. Далее П.С. Паллас проследовал в Яицкий казачий городок (= Уральск), оттуда в Чаганский и Бударин форпосты (= Бударино), Коловертецкий яр, Калмыкову крепость (= Калмыково), Камышсамарские озера, озеро Индер, Сарачинский форпост (Сарайшик) и, наконец, прибыл в Гурьевский городок (город Гурьев, ныне Атырау). Затем он отправился на побережье Каспийского моря и повернул назад в Уральск. Посетив гору Ичка, Паллас 17 (28) сентября 1769 г. из Уральска выехал на территорию современной Оренбургской области, а затем в Башкирию (город Уфа). После обследования Уральских гор экспедиция двинулась на восток в Сибирь. В 1770 г. студент Н.П. Соколов (1748—1795) по поручению П.С. Палласа посетил низовья реки Яик (= Урал) и Хвалынское (= Каспийское) море.

На обратном пути из Сибири П.С. Паллас вновь оказался в западном Казахстане в Яицком городке (Уральске) в конце мая 1773 г. по новому стилю. Другой его студент В.Ф. Зуев (1754—1794) был послан в Индерские горы. Сам Паллас направился на юг через Бударино, Камышсамарские озера и реки Большой и Малый Узень в сторону Нарынских песков (Рын-пески). Затем через Чапчачи 6 (17) июня 1773 г. он выехал на территорию Астраханской области.

⁵ Маршрут этой экспедиции подробно расписан А.К. Сытиным с указанием немецких и русских названий из описаний Палласа; приведены и современные названия (см.: *Сытин А.К.* Petrus Simon Pallas. Botanicus. M.: KMK Scientific Press, 1997. C. 243 и сл.).

Рис. 2. Солёное озеро Индер, описанное П.С. Палласом. Фото К.Д. Мильто, 24 мая 2010 г.

Летом 1793 г. по пути в южные провинции Российской империи П.С. Паллас в третий раз посетил западный Казахстан, на этот раз со стороны Астраханской области. 9 (20) мая он обследовал пески Салтан-Мурат (Атырауская область) и, двигаясь вдоль нынешней российско-казахстанской границы через Арзагар (Азгир), Нарынские пески и Чапчачи, повернул в сторону Волги и 19 (30) мая 1793 г. прибыл в Селитреной городок (= Селитренное) Астраханской области.

В ходе своих странствий по Прикаспийской низменности П.С. Паллас обнаружил множество новых растений и животных. Он был поражён богатством и необычностью (для европейца) природы этого удивительного края. Так, в рапорте в Императорскую Академию наук в Санкт-Петербурге от 29 июля (9 августа) 1769 г. Паллас сообщал из Яицкого городка (= Уральска) о том, что он купил «молодых прирученных диких коз, которых называют сайги, или сайгаки», и решил отправить их живыми в Санкт-Петербург с тем, чтобы их подарили Екатерине II⁷. Через два с половиной года, 21 ноября (2 декабря) 1771 г. в письме из Красноярска своему «высокочтимому покровителю» академику Г.Ф. Миллеру (1705—1783) Паллас поделился с ним следующим важным замыслом:

⁶ Современное название — пески Батпайсагыр. См.: *Паллас П.С.* Заметки о путешествии в южные наместничества Российской империи в 1793 и 1794 годах. Том первый (избранное). Астрахань: Волга, 2008. С. 232.

 $^{^7}$ Научное наследие П.С. Палласа. Письма. 1768—1771 гг. / сост. В.И. Осипов. СПб.: ТИАЛИД, 1993. С. 84.

«По мере того как подходит к концу мое путешествие, у меня появляется все большее желание, чтобы Академия позволила мне в течение еще лишь половины лета обследовать степи по Яику и Волге. В этих краях я ожидаю для себя более всего удивительных открытий, огромное число которых ранее уже было сделано в области естественной истории. Поскольку я намереваюсь когда-нибудь написать историю русской и сибирской фауны, то для пополнения коллекции моих записей мне было бы крайне необходимо отправиться на некоторое время в эти теплые края»⁸.

Наш совместный проект предусматривал две важные задачи. Во-первых, проехать по маршруту петербургского академика с тем, чтобы оценить те изменения в живой природе, которые произошли за последние более чем два столетия. В связи с этим планировались сборы растений (гербарий) и животных, а также обследование и фотосъёмка мест их обитания и ландшафтов. Во-вторых, проект рассматривался как полезный шаг в изучении и популяризации научного наследия знаменитого учёного в области ботаники и зоологии северного Прикаспия.

15 мая 2010 г. петербургская группа биологов прилетела в Оренбург (Россия), где, как известно, не раз останавливался П.С. Паллас. После знакомства с городом и посещения поймы реки Урал в районе большого памятного знака, отмечающего условную границу между Европой и Азией, 16 мая мы выехали поездом в Уральск (Казахстан), куда прибыли вечером.

На следующий день, 17 мая состоялась торжественная встреча с руководством и преподавателями Западно-Казахстанского государственного университета имени М. Утемисова, после чего А.К. Сытин прочел лекцию о П.С. Палласе. Часть времени ушла на несколько интервью для радио- и тележурналистов, оформление необходимых документов и согласование окончательной программы выездов для полевых работ с участием в них казахстанских коллег.

По ряду причин наша совместная комплексная научно-историческая экспедиция смогла посетить лишь *часть* тех мест на западе Казахстана, где во второй половине XVIII столетия побывал П.С. Паллас. Однако нам предоставили возможность дополнительно обследовать некоторые районы, где сам Паллас не был, но важные с биогеографической (и ландшафтной) точки зрения, что позволило получить более целостное научное впечатление о природе Прикаспия. В административном отношении наша группа работала в двух областях на западе Республики Казахстан (от Уральска до Каспийского моря): более северной Западно-Казахстанской (ранее Уральской) и лежащей южнее Атырауской (ранее Гурьевской) области. Передвижение по региону происходило на легковых машинах, автобусе или микроавтобусе. Суммарный пробег экспедиции на указанном транспорте составил около 4000 км. Направления полевых выездов (от Уральска) были следующими.

18 мая (на юго-восток): Уральск — р. Солянка — пос. Аксай — Миргородские меловые горы — Уральск (400 км);

19 мая (на юг): Уральск — пос. Бударино — Уральск (220 км);

20 мая (на запад): Уральск — памятник природы Большая Ичка — пос. Перемётное — Уральск (300 км);

⁸Там же. С. 195.

⁹ Раньше он назывался Западно-Казахстанский гуманитарный университет имени А.С. Пушкина, а до этого Уральский государственный педагогический институт им. А.С. Пушкина.

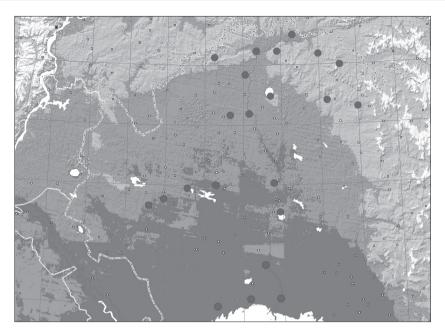

Рис. 3. Карта наиболее важных мест (черные точки) сбора растений и животных в западном Казахстане по маршруту экспедиции 2010 г. (составлена К.Д. Мильто).

21 мая (на юг): Уральск — озеро Шалкар (или Челкар) — озеро Альжан — Уральск (250 км);

23—27 мая (на юг): Уральск — пос. Коловёртное — город Чапаев — озеро Индер — город Атырау — южная часть Волго-Уральских песков (пески Ментеке) — Атырау — пос. Сарайшик — пос. Калмыково — Уральск (1500 км);

28 мая (на северо-восток): Уральск — байрачные леса (Теректинское охотугодье) — Уральск (100 км);

29 мая (на север): Уральск — Зеленовский район, пески между посёлками Петрово и Кирсаново (140 км);

30—31 мая (на юго-запад): Уральск — северная часть Волго-Уральских песков (посёлки Новая Казанка и Уялы) — Уральск (700 км);

1 июня (на юго-восток): Уральск — пески Ак-Кум — Уральск (350 км).

2 июня петербургская группа выехала поездом из Уральска в Саратов¹⁰. Здесь рано утром 3 июня удалось сделать небольшие сборы в ближайших окрестностях города, где также в своё время (август 1773) побывал Паллас, а затем опять поездом отправиться в Санкт-Петербург.

В ходе полевых выездов было обследовано 60 пунктов на территории Западно-Казахстанской и Атырауской областей (рис. 3). Собраны гербарий (около 750 листов) и небольшая коллекция насекомых, получены сведения о распространении 4 видов земноводных и 10 видов пресмыкающихся, взяты гидробиологические пробы из трёх солёных озер (Шалкар, Альжан, Индер), сделана фотосъёмка ландшафтов, растений

¹⁰ Б.К. Ганнибал покинул Уральск 1 июня.

и животных. Помимо этого, были проведены многочисленные встречи с учёными Казахстана, посещение музеев, обработка местных коллекций, консультации (Уральск, Атырау, Индербор, Сарайшик). Собранные нами растения и животные переданы в Ботанический и Зоологический институты РАН, соответственно. По сообщению проф. С.Я. Цалолихина (ЗИН РАН), в привезённых пробах ила были обнаружены реликтовые виды свободно живущих нематод, обитавшие в водах древнего Понто-Каспия. Небольшие попутные сборы археологического материала были отданы А.В. Голубеву для его музея в Уральске. Материалы экспедиции будут использованы при написании серии статей, одна из них уже находится в печати. Планируется также издать цветной буклет-отчёт об экспедиции.

От имени СПбСУ научным и учебным организациям Казахстана было подарено более 40 кг современной научной литературы, выпущенной в России, что было весьма положительно оценено нашими коллегами, явно испытывающими голод по новым научным изданиям¹¹. Со своей стороны, наши партнеры презентовали нам книги, изданные в Уральске и Атырау и отсутствующие в библиотеках Санкт-Петербурга. К сожалению, в последние годы регулярный обмен научными изданиями между Россией и Казахстаном резко упал и осуществляется преимущественно на такой частной, спорадической основе.

Следует сказать, что совместная экспедиция СПбСУ и ОФ EACY «По маршруту экспедиции академика П.С. Палласа» вызвала большой интерес и получала одобрение на всех стадиях своего развития. В Санкт-Петербурге идею проекта поддержали председатель Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН, вице-президент РАН, нобелевский лауреат академик Ж.И. Алфёров, заместитель Генерального секретаря Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств, представитель Парламента Республики Казахстан в Межпарламентской Ассамблее Содружества Независимых Государств Х.З. Бакенов, а также директор Зоологического института РАН член-корреспондент РАН О.Н. Пугачёв, директор Ботанического института РАН проф. В.Т. Ярмишко и президент Русского ботанического общества член-корреспондент РАН Р.В. Камелин. В Казахстане начало работы экспедиции письменно приветствовал президент Общественного фонда «Евразийский союз учёных» проф. М. Жолдасбеков (Астана). Большую помощь в работе оказали Западно-Казахстанский государственный университет им. М. Утемисова (Уральск) и Атырауский институт нефти и газа (Атырау). Работа экспедиции широко освещалась по радио и телевидению, а также в местной печати¹².

В заключение следует сказать, что успех экспедиции был бы невозможен без повседневной заботы и бескорыстного энтузиазма со стороны директора Общественного фонда «Евразийский союз учёных», члена СПбСУ профессора А.В. Голубева. Его подлинный интерес к делу науки и просвещения, неустанная поддержка культуры на перекрёстке народов получили высокую оценку и признательность в письме директора Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровского от 10 декабря 2010 г.

¹¹ Были подобраны книги, тематически относящиеся к региону; большую часть составили издания по ботанике и зоологии.

 $^{^{12}}$ См.: *Иванова М.* По маршруту П.С. Палласа // Газета «Приуралье». Уральск. 2010. 10 июня. № 62 (23098). С. 8.

Following on the route of Academician Peter Simon Pallas' expedition of the 18th century (western Kazakhstan, 2010)

LEV.J. BORKIN

St. Petersburg Association of Scientists & Scholars, and Zoological Institute, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; lacerta@zin.ru

Scientific team organized by the St. Petersburg Association of Scientists & Scholars in cooperation with the Public Foundation "Eurasian Association of Scientists" (Uralsk, Kazakhstan) travelled in western Kazakhstan, April 2010, following the route of the 18th century expedition headed by famous naturalist Peter Simon Pallas, a member of St. Petersburg Imperial Academy of Sciences. The team consisted of two zoologists (L.J. Borkin, project head, and K.L. Milto, both herpetologists) as well as two botanists (B.K. Gannibal, steppe vegetation expert, and A.K. Sytin, an expert in the *Astragalus* taxonomy, and P.S. Pallas' scientific heritage) made field observations in Uralsk and Atyrau Provinces. The materials (plants and animals) were collected in 60 steppe and desert localities of North Caspian Lowland (Fig. 3). The hydrobiological samples were taken in three salted lakes (Shalkar, Alzhan, and Inder).

Читайте в ближайших номерах журнала:

- *В.Г. Смирнов*. Академик Н.В. Насонов и генерал А.И. Вилькицкий: сотрудничество в сфере зоологического исследования морей и океанов в начале XX века
 - С.М. Рамш. История создания отечественного лекарственного препарата «дибазол»
- Ю.И. Фаусек (Андрусова). Воспоминания. Публикация и комментарии С.И. Фокина; вступительная статья С.И. Фокина и О.Б. Вахромеевой
- *О.Н. Данилевская*. Мобильные генетические элементы дрозофилы: история их открытия и судьба их первооткрывателей
- *К.В. Манойленко*. Демидовская премия и премия академика Бэра: история основания, значение премии (1864—1920)
 - и другие материалы...